

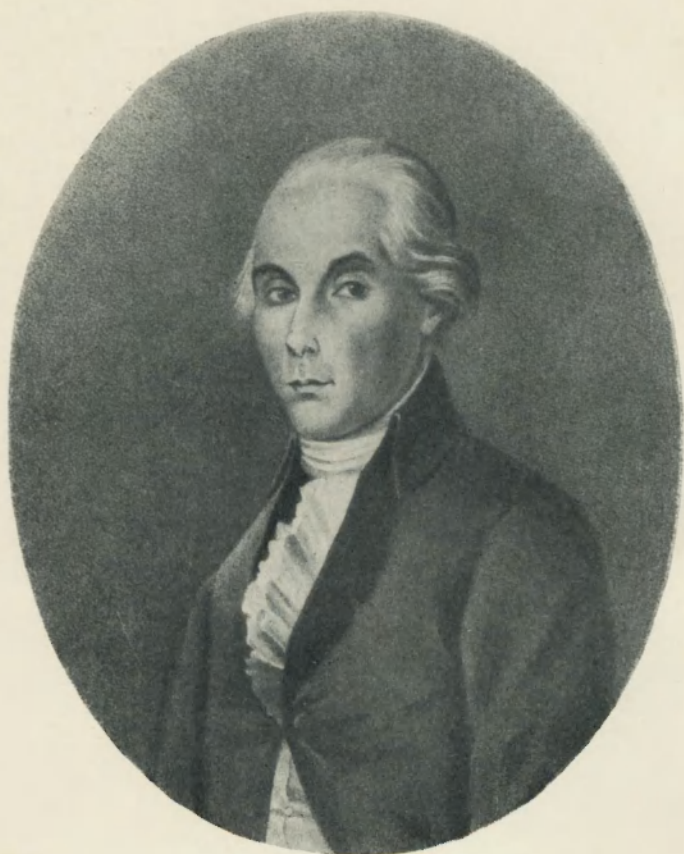
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

БИОГРАФИЯ
А.Н. РАДИШЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

А. Н. РАДИШЕВ.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

БИОГРАФИЯ
А. Н. РАДИЩЕВА
НАПИСАННАЯ ЕГО СЫНОВЬЯМИ

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА,
СТАТЬЯ И ПРИМЕЧАНИЯ
Д. С. БАБКИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва · Ленинград
1 9 5 9

Ответственный редактор
В. Г. БАЗАНОВ

ПЕРВЫЕ БИОГРАФЫ А. Н. РАДИЩЕВА

Имя А. Н. Радищева пользуется у советского народа высоким почетом. О Радищеве сложилась большая литература. Но, к сожалению, у нас нет еще его полной научной биографии. Живая, интересная и неповторимая в своем индивидуальном своеобразии личность этого выдающегося мыслителя-революционера остается в тени.

Радищев прошел сложный путь, насыщенный острой борьбой с крепостничеством и царским самодержавием. За издание «Путешествия из Петербурга в Москву» почти одиннадцать лет он находился в ссылке. Дошедшие до нас записки, которые он вел в пути следования в Сибирь и из Сибири, а также его письма не освещают всей его жизни. «Претящей властью отовсюду окруженный», он поневоле был сдержан и краток в этих записках и письмах. «Исключая „Жизни Ушакова“, после него не осталось никаких записок касательно собственной его жизни», — пишет о Радищеве его сын Николай.

Очерки биографии Радищева, написанные его сыновьями Николаем Александровичем и Павлом Александровичем, в значительной степени дополняют те сведения, которые Радищев оставил о себе.

1

Автор очерка «О жизни и сочинениях А. Н. Радищева» Николай Александрович (1778—1829) является вторым сыном писателя. Ему было двенадцать лет, когда отца сослали в Сибирь, и он вместе со старшим братом Василием был взят на воспитание родным дядей Моисеем Николаевичем Радищевым, служившим в те годы таможенным советником в Архангельске.

М. Н. Радищев был глубоко предан своему брату. Узнав о его аресте, он тотчас же решил позаботиться о детях. «Нынешняя помощь детям братьям весьма нужна, — писал он гр. А. Р. Воронцову в письме от 10 августа 1790 года, — и для

сохранения доброго их отца имени, дабы не вовсе претерпел он несчастье».¹ М. Н. Радищев приложил все усилия к тому, чтобы дать хорошее образование своим племянникам. «Что же принадлежит до моего о детях попечения, — писал он А. Р. Воронцову 5 апреля 1791 года, — то сколько могу, то, конечно, я старание свое прилагать не премину, дабы не опустить время их юности и доставить потребное состоянию их знание, давши единожды в том слово, которое несумненно и соблюсти постараюсь. Разделять с ними ныне начинаю потерю друга моего, которая вечно в душе моей пребудет; и в соответствие сего привязанность моя к детям его толико ж велика, как бы собственно к нему».² «Все, что до него принадлежит, мне весьма больно, — пишет он в другом письме, — чувствуя в полной мере все несчастье его; и если б возможно было мне променяться состоянием своим с ним, то б минуты не подумал, дабы его возвратить в объятия любезных нам родителей и несчастных его детей».³

Юноши воспитывались в высоких общегражданских и патриотических правилах, завещанных им отцом. Николай Радищев, отчитываясь в своих учебных успехах перед другом и покровителем его отца А. Р. Воронцовым, писал ему в одном из писем: «Проходя с возможным прилежанием историю, я приметил, что ничего нет столь возвышающего душу и научающего, что есть истинное благо в обществе, как оная».⁴ Вместе с братом Василием Николай мечтает стать «полезным сыном отечества». «Верьте, милостивый государь, — пишут они в совместном письме к Воронцову от 19 февраля 1793 года, — что все время, которое нам позволено еще пробыть, не вступая в службу, будет употреблено на то, чтоб усовершенствовать все, что мы начали, и к приобретению новых знаний, могущих нас соделать полезными сынами отечества и достойными милостивых ваших попечений».⁵

Николай Александрович рано обнаружил склонность к литературному творчеству. М. Н. Радищев в письме к А. Р. Воронцову от 30 сентября 1793 года писал: «... дети брата моего здоровы и обучаются изрядно и с довольным успехом всему, что оным преподают. Они прилагают при сем письмо к вашему

¹ Институт истории Академии наук СССР, Ленинградское отделение, Собрание Воронцова, № 862, л. 9.

² Там же, лл. 39—40.

³ И. М. Троицкий. К биографии Радищева. (Сыновья Радищева в период отцовской ссылки). Сб. «А. Н. Радищев. Материалы и исследования», М.—Л., 1936, стр. 405.

⁴ Там же, стр. 408.

⁵ Там же, стр. 412.

сиятельству и при оном перевод стихов, ими переведенных: сей есть первый опыт их в сей науке».⁶

В дальнейшем Николай Радищев становится литератором. В 1801 году были изданы отдельной книгой его «Богатырские повести» (ч. I — «Альоша Попович»; ч. II — «Чурила Пленкович»). В них проявился его интерес к сюжетам древнерусского эпоса.

Альошу древнего пою:
Внуши, Альоша! песнь мою, —

так начинает он повесть «Алеша Попович». Обе повести написаны в пародийно-шутливом жанре. Это особенно ясно подчеркнуто в начале «Чурилы Пленковича»:

Иные пишут громки оды,
Где бунт стихий, свист непогоды
Стращают наш смущенный слух;
Другие важный дух
В поэму углубляют,
Героев воспевают;
Иной с свирелкою поет овец, коров
И роды разные домашних птиц, скотов,
Но я хочу петь вольными стихами,
Некудреватыми словами
Российских витязей, богатырей,
Владимировых славу дней,
Как в стары годы злых волшебников карали,
Гигантов, адских змей, страшилищ поражали,
От бед красавиц свобождали,
С любовью, с славою всю жизнь препровождали.

В 1802 году Н. А. Радищев напечатал небольшую книжку «Друзья. Драматическая повесть в стихах» (Сочинения Н. . . Р. . . ва, Немцово, 1801). В начале XIX века он установил литературные связи с радикально-демократической группой Ивана Пнина. 31 марта 1803 года он вступил в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. В списке его работ за 1803—1804 годы значатся следующие произведения: «Лиза на гробе Замира», «Эльмира», «Дружба наследница любви» и «Перевод из романовых путешествий».⁷ В дальнейшем Н. А. Радищев написал ряд стихотворений, рецензий, сделал немало переводов. Многие его произведения и переводы до сих пор остаются невыявленными.⁸

⁶ Там же, стр. 406.

⁷ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, ф. 461, № 18, л. 123.

⁸ Более полный обзор его работ содержится в статье В. Н. Орлова в книге «Поэты-радищевцы» (Библиотека поэта, Л., 1935, стр. 497—500). О деятельности Н. А. Радищева см. также примечания В. И. Сантова к III тому сочинений К. Н. Батюшкова (СПб., 1866), стр. 608—610.

В стихотворении «На смерть Пнина» Н. А. Радищев достаточно ясно выразил свои демократические настроения, симпатии к гонимым, в защиту которых Пнин, по его мнению, «неробкой голос возвышал». Обращаясь к Пнину, он пишет:

Ты с жизнью вкусил печали,
Но твердо их умел сносить,
Тебя любили, почитали,
Несчастных ты умел любить.

Н. А. Радищев пользовался в литературных кругах большим уважением. С ним дружили С. Н. Глинка, К. Н. Батюшков, Н. И. Гнедич, А. Ф. Мерзляков, А. Ф. Воейков, В. А. Жуковский и др. «Пожми руку у Радищева; у него сердце на ладони; я его не переставал любить», — писал о Н. А. Радищеве К. Н. Батюшков в письме Н. И. Гнедичу от 3 мая 1809 года. К. Н. Батюшков в своих письмах Н. И. Гнедичу постоянно спрашивает о Н. А. Радищеве: «Где Радищев? Он верно в Москве? Дай его адрес», — пишет он Гнедичу в письме от 19 августа 1809 года.⁹

Н. А. Радищев является одним из организаторов издания сочинений его отца, вышедших в 1807—1811 годах в шести небольших томиках.

Очерк «О жизни и сочинениях А. Н. Радищева» Николай Александрович написал по просьбе кн. П. А. Вяземского. «Записка сия, — говорит П. А. Вяземский в приписке, сделанной им в конце рукописи Н. А. Радищева, — составлена и доставлена мне сыном Радищева, известным некоторыми литературными занятиями, которого я звал в Москве в 10-м и 11-м годах, а после нашел в Саратовской губернии в 1829 или 1828, за короткое время до смерти его скоропостижной. Он тогда занимался переводом хозяйственных и сельских сочинений. Был очень любим и уважаем в губернии, служил предводителем в Кузнецком уезде». На рукописи Н. А. Радищева не указано время написания очерка. Бумага рукописи имеет водяной знак 1819 года. Это говорит о том, что рукопись была написана не ранее этого года. Из приведенной приписки П. А. Вяземского также не видно, когда Вяземский получил рукопись от Н. А. Радищева. Ответ на этот вопрос содержится в письме П. А. Вяземского в редакцию «Русской старины» из Висбадена от февраля 1871 года.

П. А. Вяземский задержал у себя рукопись Н. А. Радищева. По этому случаю в «Русской старине» за 1871 год (февраль, стр. 212) появился следующий упрек ему, сделанный П. А. Ефремовым: «Написанная им [Н. А. Радищевым] биография отца

⁹ «Русская старина», 1871, февраль, стр. 212, 216, 219.

так и осталась до сих пор в рукописи у кн. П. А. Вяземского. П. А. Вяземский, задетый упреком П. А. Ефремова, писал из Висбадена: «Тут сказано в примечании о сыне известного Радищева: „написанная им биография отца так и осталась до сих пор в рукописи у кн. П. А. Вяземского“. Это так и не так. По-настоящему биографии Радищева у меня нет и никогда не было. На эту мнимую принадлежность мою, кажется, уже во второй раз указывается в „Русской старине“. Вот в чем дело. В конце 20-х годов (разрядка наша, — Д. Б.) встретился я в Пензе с сыном Радищева и просил его одолжить меня, если можно, некоторыми биографическими сведениями об отце его. Он в самом деле написал по просьбе моей три или четыре, а много пять, сколько помнить могу, страничек».¹⁰

П. А. Вяземский недооценил этот труд Н. А. Радищева, но для нас имеет важное значение указание его на то, что очерк был написан Николаем Александровичем в конце 20-х годов. Небольшой объем его объясняется, очевидно, тем, что Н. А. Радищев спешил выполнить просьбу П. А. Вяземского, случайно встретившегося с ним в Пензе. Наступившая вскоре скоростная смерть Н. А. Радищева не позволила ему расширить этот труд.

Николай Александрович Радищев создавал очерк в условиях острой политической борьбы сил реакции и сил прогресса вокруг имени А. Н. Радищева. В первых оценках творчества А. Н. Радищева, исходивших от Екатерины II, явно фальсифицировался образ писателя-революционера. Некоторые критики, приспособиваясь к официальной точке зрения, пытались принизить литературно-эстетическое значение произведений А. Н. Радищева. В этом отношении является весьма показательной рецензия на первый том сочинений Радищева, напечатанная в 1809 году в I части журнала «Цветник», издаваемого А. Измайловым и А. Бенитцким. Рецензенты писали: «В стихотворениях г. Радищева немного понравится читателям. В первой книжке все почти у него стихи без рифм, часто без меры и так сказать без слогаударения. Когда начнете их читать, то принуждены будете беспрестанно почти запинаться или выговаривать навыворот целые речения. После сего недостатка в его стихах главнейшая погрешность есть та, что вместе с высокими славянскими словами перемешаны слова простонародные, низкие, которые никогда и в хорошем разговоре не употребляются».¹¹

¹⁰ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, ф. 265, оп. 1, № 3, л. 304.

¹¹ «Цветник», ч. 1, СПб., 1809, № 2, стр. 276.

Тенденциозному, лженаучному освещению жизни и творчества Радищева была противопоставлена правдивая, честная критика. Впервые ее голос прозвучал во взволнованных откликах на смерть Радищева группы литераторов Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. В статье члена этого общества И. М. Борна на смерть Радищева, напечатанной в 1803 году в сборнике «Свиток муз», и в стихотворении на смерть Радищева И. П. Пнина были заложены основы здоровой, положительной оценки Радищева. К оценке И. П. Пнина присоединил свой голос выдающийся обличитель неправоудия екатерининского времени, автор комедии «Ябеда» В. В. Капнист.

В 1815 году С. С. Уваров напечатал в 17-м «Чтении в Беседе любителей русского слова» статью под названием «Ответ В. В. Капнисту на письмо его об эксаметре». В этой статье Уваров поместил большой отрывок рассуждений А. Н. Радищева о русском стихотворстве из главы «Тверь» «Путешествия из Петербурга в Москву». В. В. Капнист, споря с Уваровым по вопросу развития в русской поэзии гексаметра, писал: «Читая строки сии, может быть, подумаете вы, что я без внимания пропустил приведенное в ответе вашем рассуждение почтенного г-на Р<адищева>; нет, я не гордец-вельможа и не временщик: встреча с старым знакомцем всегда мне приятна. Признаюсь, мысли сего просвещенного человека во многих частях достойны уважения; но я думаю, что они более служат к утверждению моих заключений». И далее: «Я уверен, что человек столь самомыслящий, как почтенный г-н Р<адищев>, одобрил бы старание мое облагородить [русский стих]».¹²

После подавления декабрьского восстания царская цензура не пропускает в печать до 1835 года ни одной заметки об А. Н. Радищеве. Однако интерес общественности к Радищеву не падает. Его «Путешествие» более или менее широко распространяется в списках. А. С. Пушкин в статье «Путешествие из Москвы в Петербург» отметил, что книга Радищева встречалась не только на пыльной полке библиомана, но и «в мешке брадатого разносчика».

Биографический очерк, написанный Н. А. Радищевым, является первой попыткой удовлетворить растущий интерес общественности к жизни и творчеству А. Н. Радищева. Не один П. А. Вяземский искал материалы для статьи о Радищеве. К. Н. Батюшков задолго до него назвал в своей записной книжке в числе задуманных им наиболее интересных статей в прозе статью о Радищеве.¹³

¹² Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, ф. 122, № 54.

¹³ Сочинения К. Н. Батюшкова, т. II, СПб., 1885, стр. 288.

В конце 20-х—начале 30-х годов, кроме П. А. Вяземского, искали биографические сведения о Радищеве Д. Н. Бантыш-Каменский для издаваемого им «Словаря достопамятных людей русской земли» и А. С. Пушкин, готовившийся тогда к написанию статей «Путешествие из Москвы в Петербург» и «Александр Радищев». Интерес Пушкина к Радищеву общеизвестен. А. С. Пушкин еще в 1823 году упрекал А. Бестужева за то, что тот в статье «Взгляд на старую и новую словесность», напечатанной в «Полярной звезде», не упомянул имени А. Н. Радищева. «Как можно в статье о русской словесности забыть Радищева, — писал он Бестужеву. — Кого же мы будем помнить?».

Д. Н. Бантыш-Каменский, не найдя других материалов, обратился к П. А. Вяземскому за рукописью Н. А. Радищева и использовал ее для биографической справки об А. Н. Радищеве, напечатанной в 1836 году в IV части «Словаря достопамятных людей». В конце справки он указал: «Извлечено из биографии А. Н. Радищева, сочиненной сыном его и хранящейся у князя Петра Андреевича Вяземского».

Затем очерк Н. А. Радищева был использован А. Старчевским в «Справочном энциклопедическом словаре» (т. IX, ч. 2, СПб., 1855). Его очерком пользовался частично П. А. Радищев при составлении биографии отца, напечатанной в 1858 году в «Русском вестнике».

В полном виде очерк Н. А. Радищева был опубликован Н. П. Барсуковым в «Русской старине» (1872, ноябрь). В 1897 году С. А. Венгеров перепечатал этот очерк вместе с пушкинской статьей «Александр Радищев» в I томе «Русской поэзии».

Таким образом, очерк Н. А. Радищева был высоко оценен еще в XIX веке. Он являлся основным источником биографии А. Н. Радищева и не потерял своего значения даже после того, как П. А. Радищев в 1858 году напечатал биографию своего отца. С. А. Венгеров во вступительной заметке к очерку Н. А. Радищева писал: «Как совершенно верно говорит автор новейшего исследования о Радищеве, академик М. И. Сухомлинов, записка, составленная Николаем Александровичем Радищевым, до сих пор остается самым ценным биографическим материалом и необходимым пособием для литературных исследований о Радищеве-отце».¹⁴

Очерк Н. А. Радищева освещает ряд важных фактов биографии А. Н. Радищева. В нем впервые были указаны дата и место рождения А. Н. Радищева. Н. А. Радищев указывает, что его отец родился в Москве 20 августа (по старому стилю)

¹⁴ Русская поэзия, т. I. СПб., 1897, стр. 822.

1749 года. Эти указания прочно вошли в литературу о Радищеве.

В очерке Н. А. Радищева приводятся ценные сведения о деде и отце А. Н. Радищева, о его начальном домашнем воспитании и учении его у профессоров Московского университета; интересные данные сообщаются о службе А. Н. Радищева в Коммерц-коллегии и Петербургской портовой таможне; сделан ряд ценных указаний о сочинениях и переписке А. Н. Радищева, в частности указано, что Радищевым была написана не дошедшая до нас «История российского Сената».

В очерке Н. А. Радищева хорошо обрисованы внешний и моральный облик А. Н. Радищева, настойчивый, твердый характер его; показаны смелость и бесстрашие писателя в отстаивании своих убеждений. В очерке неоднократно подчеркивается громадное нравственное превосходство Радищева перед большинством его современников.

2

Второй очерк является значительно полнее первого по объему и охвату материала. Написан он был третьим сыном Радищева Павлом Александровичем (1783—1866).

П. А. Радищев много лет находился безотлучно при своем отце, имея возможность наблюдать его жизнь. Семилетним мальчиком вместе со своей теткой Елизаветой Васильевной Рубановской и сестрой Екатериной он последовал за ним в Сибирь и пробыл в Илимске пять лет. Там отец выучил его грамоте и иностранным языкам, с наступлением весны они вместе бродили по окрестным полям и горам. А. Н. Радищев много рассказывал сыну из ботаники, геологии и минералогии. Иногда они, как сообщает А. Н. Радищев в письмах из Илимска, чрезмерно увлекались своими ботанико-геологическими экскурсиями и слишком высоко забирались на известковые скалы, сверкающие под лучами солнца. А. Н. Радищев, рассказывая о своих экскурсиях, всегда пишет во множественном числе: «Мы проводим время», «Мы с сыном» и т. п. «Мы с сыном отправились в путь, — рассказывает он в одном из своих писем. — Однако наш проводник вместо того, чтобы привести на желаемое место, заставил нас взбираться сквозь чащу и заросли мокрой травы на весьма крутую гору. Мы поднялись на нее с мужеством, достойным аргонавтов, и, достигнув вершины, оказались в лесной чаще, где не было ни единой тропинки».¹⁵

¹⁵ А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. III, М.—Л., 1952, стр. 452—453.

Такая непосредственная близость Павла Александровича к А. Н. Радищеву продолжалась и в последующие годы. Около двух лет он прожил с отцом в Немцове. А. Н. Радищев называл его товарищем своего изгнания. Когда юноша уехал в 1799 году из Немцова учиться в Петербург, А. Н. Радищев сильно переживал его отсутствие. Он просил у Павла I дозволения побывать в Петербурге, въезд в который ему был запрещен. «Причина, — писал он царю в декабре 1800 года, — желание видеть детей моих, находящихся в Петербурге в службе вашего императорского величества: один в полку лейб-гренадерском, другой в Морском кадетском корпусе гардемаринном. Сего, семь лет почти товарищем бывшего моего изгнания, позволь, милосердный государь, да прижму к моей изнемогающей груди, ибо слышу благие его начинания».¹⁶

В последний период жизни А. Н. Радищева (1801—1802), когда он жил в Петербурге уже на свободе, Павел Александрович постоянно находился около него. Он имел все основания для того, чтобы сказать о себе в письме к Н. А. Некрасову и И. И. Панаеву: «Находясь при нем неотлучно как в Сибири, так и по возвращении его оттуда, до шестнадцатилетнего моего возраста, и быв свидетелем его смерти, я один могу доставить верные сведения о всем, что до него касается».¹⁷

П. А. Радищев прошел суровый жизненный путь. После смерти своего отца он служил некоторое время во флоте и в качестве мичмана плавал на фрегате за границу. Во время Отечественной войны 1812 года он служил в московском народном ополчении поручиком. В дальнейшем он отказался от военной и гражданской службы и, выйдя из-за болезни в отставку, сделался учителем. Труд учителя стал любимым его делом. Он преподавал юношеству в частных домах и училищах, сначала в Москве, а с 1844 года в г. Таганроге, начальную грамоту и иностранные языки.

В автобиографической записке он пишет о себе в третьем лице следующее: «Коллежский ассессор Павел Александрович Радищев в Таганроге имеет свидетельство от Московского университета на звание домашнего учителя. Учит по-французски, по-немецки, российской грамматике, истории, географии, арифметике».¹⁸

О его жизни в Таганроге сообщает интересные подробности А. А. Корсунов: «В Таганроге, в августе 1852 года, я встретил одну замечательную личность. Это был, как мне сказали,

¹⁶ Там же, стр. 533—534.

¹⁷ В. П. Семеновиков. Радищев. Очерки и исследования. М.—Пгр., 1923, стр. 438.

¹⁸ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, шифр 7121/XXXVI6, 105, л. 32.

учитель. По физиономии, манере и по речи он был настоящий француз. Так как мы с ним квартировали в одном доме, то и виделись часто. Наконец, я, к удивлению, узнал, что этот „учитель“ — русский человек, да еще чиновный, коллежский асессор Павел Александрович Радищев. Это имя побудило меня покороче узнать моего соседа. Мы познакомились. Павел Александрович с дочерью-невестою занимался учением девочек. Дела его, по-видимому, шли порядочно. У него в доме на стене я видел только одну картину — портрет его отца Александра Николаевича Радищева с стихами Пнина. Тихая, рабочая жизнь этих добрых людей, портрет известного человека, несколько хороших и редких книг, умная беседа Павла Александровича — все это привлекало и располагало меня душевно к моему знакомому».¹⁹

П. А. Радищев, как сын писателя-революционера, находился на подозрении у местных властей. По указанию таганрогского градоначальника за ним установили секретную слежку. За то, что он принимал некоторых учеников у себя на квартире, на него наложен был в 1852 году большой штраф. Он пробовал протестовать и жаловаться на такой произвол градоначальника, но жалобу его оставили без последствия.²⁰

П. А. Радищев умер, как нам удалось установить, в первой половине мая 1866 года в возрасте около 83 лет.²¹

П. А. Радищев не был активным борцом, революционером, хотя и разделял убеждения своего отца и свято чтил его память. «Редко бывают люди, — характеризует он А. Н. Радищева его же словами, взятыми из книги „Путешествие из Петербурга в Москву“, — которые бы смели говорить правду

¹⁹ «Русский вестник», т. XVIII, 1853, декабрь, кн. 1, стр. 395.

²⁰ См. письмо новороссийского генерал-губернатора П. И. Федорова к П. А. Радищеву от 24 сентября 1852 года, хранящееся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (шифр 7453/XXXVI б. 137).

²¹ Указание В. П. Семенникова на то, что Павел Александрович скончался в 1868 или 1869 году (В. П. Семенников, ук. соч., стр. 198), оказалось неверным. О том, что П. А. Радищев умер в мае 1866 года, свидетельствует письмо Петербургского комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературного фонда) к Екатерине Павловне Радищевой от 18 мая 1866 года, в котором указывается, что Комитет Общества постановил выдать дочерям умершего П. А. Радищева, проживавшим в Петербурге, сто рублей на поездку их в Таганрог. «Председатель Общества для пособия литераторам, — говорится в этом письме, — имеет честь уведомить милостивую государыню Екатерину Павловну, что по представлению его Комитет Общества определил выдать дочерям покойного Радищева на путевые издержки до Таганрога сто рублей, которые и могут быть получены под расписку одной из них от казначая Общества М. М. Стасюлевича» (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, шифр 7418/XXXVI б. 102, л. 18).

явно и всенародно. Таковые сердца редки: едва один в целом столетии явится на светском ристалище». П. А. Радищев старался сохранить ценнейшие факты биографии отца и передать потомству его благородный облик. Он много сделал для популяризации его творчества.

П. А. Радищев несколько раз настойчиво добивался цензурного разрешения на издание сочинений своего отца. В 1859 году он ездил в Петербург и подавал заявление в III отделение с просьбой разрешить ему переиздать «Путешествие из Петербурга в Москву». Разрешения не последовало. Управляющий отделением генерал-адъютант Тимашев сообщил ему 28 сентября 1859 года: «Государь император, по докладу г. генерал-адъютантом князем Долгоруковым: всеподданнейшей просьбы вашей, представленной вами в начале сентября [1859 года], всемилостивейше соизволил пожаловать вам в единовременное пособие сто рублей серебром. Что же касается желания вашего вновь напечатать изданную в 1790 году родителем вашим книгу под названием „Путешествие из Петербурга в Москву“, а также поместить в журнале „Иллюстрация“ портрет его и некоторые статьи, до него относящиеся, то высочайшего соизволения на это не воследовало».²²

Некоторые литераторы, хорошо знакомые с жесткими порядками царской цензуры, с сожалением смотрели на неудачные хлопоты П. А. Радищева, называли его наивным мечтателем. «Впрочем, бедный сеет в облаках умозрительную репу, несмотря на различные настойчивые искательства свой», — писал Н. Ф. Щербина А. А. Корсунову 26 ноября 1859 года по поводу обращения Павла Александровича в III отделение.²³

П. А. Радищев понимал трудность исполнения задуманного им дела, но это не останавливало его. Через год после отказа, полученного им из III отделения, он обратился с прошением на имя Александра II, в котором писал: «Родитель мой Александр Николаевич Радищев оставил после себя сочинения, которые были напечатаны нами, его наследниками, в 1807, 1809 и 1811 годах в Москве, но в 1812 году, во время нашего неприятели, были истреблены, и мы не могли воспользоваться их изданием, и с тех пор они не были перепечатаны.

«Книга его „Путешествие из Петербурга в Москву“, в 1790 году напечатанная и подвергшаяся запрещению, ныне напечатана за границей, с распространением русского языка пользуется европейской известностью, как произведение русского, предупредившего свой век и которого главные идеи

²² Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, шифр 10566/LXI б. 139.

²³ Там же, шифр 7173/XXXVI б. 156, л. 15.

впоследствии осуществились. Многие из нее отрывки и целая глава „Клин“ уже появились в России в разных повременных изданиях, но все это сочинение, высоко ценимое, до сих пор не имеет права гражданства в отечестве автора.

«Всемиловейший государь, осмеливаюсь просить ваше императорское величество о разрешении цензурному комитету принять от меня к рассмотрению означенное „Путешествие“ и, что он найдет не противным данным ему правилам, дозволить мне напечатать, и как все эти сочинения еще в продаже не были, мне, как единственному законному наследнику Радищева, благоволите даровать на них привилегию на двадцать пять лет».²⁴

Получив отказ и на это прошение, Павел Александрович сделал еще одну попытку. Он послал заявление на имя министра народного просвещения Е. П. Ковалевского, в котором просил разрешить ему напечатать «Путешествие» хотя бы в отрывках. Представляя сокращенный вариант «Путешествия», он писал: «Благоволите, ваше высокопревосходительство, обратить внимание на эти статьи, особливо на семь первых, и по крайней мере в виде отрывков дозволить представить в цензуру для присоединения к прочим сочинениям А. Радищева».²⁵

Павел Александрович пытался издать полный текст оды «Вольность», который тогда не был еще опубликован. Зная, что царская цензура «Вольность» напечатать не разрешит, он послал ее в 1860 году А. И. Герцену для издания в Лондоне. В письме к А. И. Герцену от 15 июля 1861 года, сообщая о том, что Главное управление цензуры запретило ему издавать сочинения А. Н. Радищева, П. А. Радищев пишет: «... а потому желательно бы напечатать за границею собрание всех сочинений Радищева с прилагаемыми при сем биографиею и двумя статьями, ему приписываемыми, также полную оду „Вольность“ пятьдесят четыре строфы, доставленную мною вам в первом письме».²⁶

В последнее десятилетие своей жизни в связи с повышенным интересом в печати к А. Н. Радищеву Павел Александрович много писал об отце. В 1858 году им были написаны примечания на статью М. Н. Лонгинова о А. М. Кутузове и А. Н. Радищеве, напечатанную в 1856 году в журнале «Современник». Текст этих примечаний не дошел до нас. Он был послан им в редакцию «Современника», но в печати не появился. В письме от 18 декабря 1858 года к редакторам жур-

²⁴ Я. Л. Барсков. Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. М.—Л., 1935, стр. 326—327.

²⁵ Там же, стр. 328.

²⁶ «Литературное наследство», т. 62, М., 1955, стр. 504.

нала Некрасову и Панаеву П. А. Радищев писал: «Прочитавши статью журнала вашего 1856 года „Алексей Михайлович Кутузов и Александр Николаевич Радищев“, попавшуюся мне печально, я написал на нее примечания, которые к вам препровождаю, прося вас напечатать [их] в вашем журнале».²⁷

В 1858—1859 годы П. А. Радищевым была написана пьеса «Судьба, или Честный преступник», которую он в своих письмах называет комедией. В ней он пытался изобразить хорошо знакомую ему жизнь своего отца в период сибирской ссылки. Пьесу эту он посылал через упомянутого выше А. А. Корсунова в Петербург в журнал «Иллюстрация». «3-го сентября сего [1858] года, — пишет он редактору журнала „Иллюстрация“ В. Р. Зотову, — Александр Александрович Корсунов послал по почте в вашу редакцию полученные им от меня биографию Александра Николаевича Радищева с его портретом, видом Илимска и видом его дома и комедию в двух действиях под заголовком „Судьба, или Честный преступник“».²⁸

Н. Ф. Щербина, к которому попала эта пьеса на отзыв, ответил П. А. Радищеву 25 января 1859 года: «Комедия ваша и стихи не могут быть нигде напечатаны в литературном отношении, и поэтому они должны быть вам возвращены».²⁹

Ответ Н. Ф. Щербины, очевидно, не удовлетворил П. А. Радищева. В 1864 году он посылал рукопись своей пьесы критику В. П. Гаевскому с просьбой напечатать ее где-нибудь. В. П. Гаевский также не посоветовал печатать эту пьесу. «Избранная вами драматическая форма не соответствует предположенной цели, — разъяснял он ему в письме от 26 июля 1864 года, — и наносит ущерб правдивости ваших воспоминаний. Гораздо было бы лучше, если бы вы самым безыскусственным образом рассказали, что знаете и помните о жизни вашего отца и семейства в Сибири. В настоящем же виде я не могу предложить кому-либо вашей статьи и оказал бы вам этим плохую услугу. Возвращаю вашу рукопись».³⁰

Что представляла собою в действительности пьеса П. А. Радищева, мы не знаем, так как среди дошедших до нас бумаг его упомянутой рукописи не имеется.

Настойчивость, с какою П. А. Радищев добивался издания сочинений своего отца, никогда не покидала его. Не добившись переиздания «Путешествия из Петербурга в Москву» в России, П. А. Радищев вступил в переговоры с неизвестным нам

²⁷ В. П. Семенников, ук. соч., стр. 438.

²⁸ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, ф. 548, оп. 1, № 211.

²⁹ Там же, шифр 7173/XXXXVI б. 156.

³⁰ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, шифр 7007/XXXV б. 95.

лицом о напечатании «Путешествия» во Франции. С этой целью он приступил, как это видно из его писем, к переводу «Путешествия» на французский язык.

Несколько глав книги, переведенных им на французский язык, он, очевидно, давал на просмотр своим знакомым. Вполне возможно, что какую-то помощь в этом деле ему обещал оказать журналист А. А. Корсунов. «Я вас прошу, — писал П. А. Радищев А. А. Корсунову в письме от 2 апреля 1859 года, — прислать мне мой перевод по-французски первых глав „Путешествия“, я их перепишу и вам возвращу».³¹

О своем намерении издать «Путешествие» во Франции П. А. Радищев говорит также и в упомянутом выше письме к А. И. Герцену. Он даже просит Герцена возглавить это издание. «Приезжий из Парижа сказывал, — пишет он А. И. Герцену, — что в типографии Франка напечатаны письма Радищева, писанные на французском языке с русским переводом и продаются за четырнадцать франков. Мне обещали их доставить, однако же я их не получал. Если действительно изданы эти письма, то их можно было бы присоединить к сочинениям, и это составило бы полное собрание сочинений Радищева с приложением его портрета и вида Илимска. Хорошо, если бы вы приняли на себя такое издание.

«О переводе „Путешествия“ на французский язык я желал бы снестись с Дюмасом, но не знаю, куда к нему писать».³²

3

Самым значительным трудом П. А. Радищева является несомненно биография его отца. Он систематически работал над ней, собирая для этого важного дела разные материалы. Он обращался с запросами об этих материалах к наследнику имения гр. А. Р. Воронцова гр. С. М. Воронцову, у которого хранились в селе Андреевском Владимирской губернии портрет и некоторые бумаги А. Н. Радищева. Обращался он также и к своему младшему брату Афанасию Александровичу, жившему тогда в бывшем родовом селе Радищевых Аблязове. В Аблязове должны были остаться семейные бумаги Радищевых, в том числе многочисленные письма А. Н. Радищева к его родителям. Поэтому для нас представляет большой интерес тот ответ, который прислал А. А. Радищев своему брату. Из письма Афанасия Александровича от 6 января 1866 года видно, какая печальная судьба постигла семейный архив Радищевых.

³¹ Там же, шифр 7121/XXXV б. 105.

³² «Литературное наследство», т. 62, стр. 504.

«Душевно сожалею, — пишет Афанасий Александрович, — что не могу исполнить желание ваше о доставлении бумаг, относящихся [до] нашего отца; не могу сделать этого по самой простой причине: потому что не только не имею их в руках, но никогда и ни от кого не слышал о существовании писем из Лейпцига, медалионов и вообще переписки нашего отца.

«Книг и переводов Николая Александровича я также никогда не видел. При кончине его, равно и Василия Александровича, я не был; имущество первого, вероятно, осталось у последнего, и все, что им принадлежало, продано с публичного торга. Десять лет спустя после смерти Василия Александровича я приехал в здешний край, стало быть не мог иметь в виду, что после него осталось, да мне не было основания о чем бы то ни было разведывать.

«Что касается записки, о которой сказала вам сестра Анна Александровна, то удивляюсь, откуда она имеет такое сведение! Записки из Тобольска о ссылке нашего отца я никогда не получал, но бывший адъютант мой, служа впоследствии в Иркутске, рылся в губернском архиве и ему пришла счастливая мысль прислать мне выписку из дела, когда приехал отец наш в Иркутск, когда отослан в Илимский острог и, наконец, когда позволено было ему возвратиться в Калужскую губернию. Других подробностей в письме бывшего моего адъютанта не было, и как оно не могло принести мне ни пользы, ни утешения, а, напротив, напомнило горькую участь нашего отца, то я тогда же сжег это письмо».³³

В процессе своей работы над биографией отца П. А. Радищев установил связь с историками литературы М. Н. Погодиным и П. А. Ефремовым, которые доставляли ему разные материалы. М. Н. Погодин давал ему для пользования чрезвычайно редкий список «Путешествия из Петербурга в Москву», датированный концом XVIII века. Об этом мы узнаем из ответного письма П. А. Радищева к Погодину от 12 ноября 1861 года, в котором он пишет:

«Милостивый государь Михаил Николаевич. Я подал сегодня на почту вашу рукопись, за которую вас премного благодарю. Я в ней нашел несотворение или маленькую поэму „Сотворение мира“, еще нигде не напечатанную и которая в свое время присоединится к полному изданию всех сочинений автора».³⁴

³³ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, шифр 7118/XXXVI б. 102.

³⁴ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, шифр 23263/CLXVII б. 1. Указанная в письме рукопись, список «Путешествия из Петербурга в Москву», хранится ныне в ИРЛИ.

В конце 1858 года в «Русском вестнике» (т. XVIII, декабрь, кн. 1, стр. 395—432) была напечатана краткая биография А. Н. Радищева, написанная П. А. Радищевым. Издание этой биографии было сопряжено с огромными трудностями. Главное управление цензуры категорически запрещало печатать что-либо о Радищеве. Цензоры, пропускавшие в печать материал о Радищеве, получали строгий выговор или увольнялись с государственной службы. Так, например, цензор Е. Е. Волков был отставлен от должности за то, что разрешил в 1861 году напечатать в журнале В. Р. Зотова «Иллюстрация» статью о Радищеве, подготовленную писательницей С. Д. Хвоцинской.³⁵

Биография Радищева появилась в «Русском вестнике» лишь благодаря рекомендации и большим связям Н. Ф. Щербины, исполнявшего в то время должность чиновника особых поручений при товарище министра народного просвещения кн. П. А. Вяземском.

Рукопись биографии была послана П. А. Радищевым первоначально в петербургский журнал «Иллюстрация» к В. Р. Зотову. Зотов передал рукопись биографии Н. Ф. Щербине. Последний, не надеясь, что Петербургский цензурный комитет пропустит ее, послал рукопись в Москву к более благожелательному цензору Н. Ф. Крузе. Цензор Н. Ф. Крузе, разрешивший биографию Радищева к печати, был уволен со службы.

Появление указанной биографии в печати было расценено революционными демократами как большая общественно-политическая победа. Цензору Крузе, способствовавшему появлению в печати биографии и других аналогичных материалов, был преподнесен благодарственный адрес, под которым подписались Чернышевский, Добролюбов, Салтыков-Щедрин, Гончаров и другие писатели. «История просвещения, — было сказано в этом адресе, — с благодарностью вспоминая имена тех, которым литература и наука одолжены своим развитием, с такою же благодарностью вспоминает имена и тех, которым словесные произведения обязаны были возможностью явиться в свет и сделаться общественным достоянием».³⁶

Перед напечатанием в «Русском вестнике» рукопись П. А. Радищева подверглась значительному редактированию, стилистической обработке, дополнениям и поправкам. В редактировании ее принимали участие Н. Ф. Щербина и М. Н. Лонгинов.

Н. Ф. Щербина подробно рассказал о своем участии в редактировании рукописи П. А. Радищева. «Соображаясь с на-

³⁵ А. П. Могилянский. Анонимная статья о Радищеве 1861 г. Сб. «Радищев. Статьи и материалы», Л., 1950, стр. 287—289.

³⁶ «Исторический вестник», 1901, № 10, стр. 258—265.

стоящим состоянием цензуры и чисто литературными требованиями, — пишет он в письме П. А. Радищеву от 25 января 1859 года, — я посидел над этой статьей, чтобы дать ей большую возможность к напечатанию как с цензурной, так и с технико-литературной стороны, и дал ее переписать вновь: словом, придержал над нею редакцию, кое-что исправил, очистил, выпустил, смягчил. Это было крайне необходимо для возможности напечатания статьи, которая в том виде, в каком она была прислана, произвела бы на журналиста впечатление невозможности к печатанию.

«Петербургские журналисты не взяли бы ее напечатать, ибо они не любят статей, доставляющих им хлопоты по цензуре и задерживающих срочные выходы книжек их журналов; на таком основании я решился послать эту статью в Москву, где цензура была в то время легче петербургской, благодаря ныне уже отставленному цензору фон Крузе. Я послал ее в „Русский вестник“, состоя с редакцией этого журнала в приятельских отношениях и зная, что этот журнал решительно лучший и первостепенный в настоящее время, имеющий больше всех подписчиков, читателей и почитателей.

«Сознавая важность его общественного направления, я думал, что статья о Радищеве приличнее всего должна быть помещена в нем.

«Да. Статья была интересна для этого журнала относительно только сообщаемых ею фактов, известных вам одному только, хоть и написана была вне современных литературных требований и беллетристической обработки.

«Впрочем, и сообщаемые ею факты потребовали еще некоторых объяснений, дополнений, что редакция поручила сделать в Москве одному знатоку русской литературной старины Михаилу Николаевичу Лонгинову».³⁷

О работе М. Н. Лонгинова над рукописью П. А. Радищева сказано в примечании к биографии следующее: «Многие биографические и библиографические дополнения и поправки в статье этой и подстрочные примечания сделаны М. Н. Лонгиновым».

То, что сделано Лонгиновым, частично оговорено. В печатном тексте имеется 19 подстрочных примечаний, подписанных начальными буквами имени и фамилии Лонгинова: *М. Л.* В первых пяти примечаниях даются краткие сведения о профессоре Лейпцигского университета Платнере, русских студентах, учившихся вместе с Радищевым, и об их борьбе с гофмейстером Бокумом. В 6-м примечании сообщается о том, что

³⁷ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, шифр 7173/XXXVI б. 156.

и се опитав пожелавъ въ Петербургѣ,
и мажъ, ели пожелавъ взымъ на себя этого
трудъ, то въ мекъ Краи не одобрятъ,
но только в промъ не дѣлатъ ника-
кихъ перемѣнъ.

Принявъ еще разъ моего канцеляр-
мейстерушаго Благодарности за все
то что въ денъ мени дѣлали, и что
всиль обрѣлъ въ пожелавъ и предан-
ности

Вашъ покорный слуга
Гавриилъ Радищевъ.

Магарадовъ,
9 февраля,
1859.

Автограф письма П. А. Радищева к Н. Ф. Щербине от 9 февраля 1859 года.

Радищев якобы учился русскому языку у А. В. Храповицкого и под его руководством перевел рассуждение Монтескье «О величии и упадке римлян»; в 7-м дается справка о напечатании радищевской эпитафии на смерть его жены; в 8-м высказывается предположение о принадлежности Радищеву «Отрывка путешествия в *** И *** Т ***», напечатанного в журнале Новикова «Живописец»; в 9-м приводится высказывание на основании записок А. В. Храповицкого Екатерины II о Радищеве; в 10-м напечатано четверостишие, приписываемое Г. Р. Державину, на ссылку Радищева в Сибирь: «Езда твоя в Москву со истинною сходна»; в 11-м дается краткая справка о деятельности тобольского генерал-губернатора Д. И. Чичерина; в 12-м — справка о М. С. Воронцове, к которому перешло по наследству село Андреевское, принадлежавшее ранее гр. А. Р. Воронцову; в 13-м приводятся сведения об издании сочинений Радищева и сочинениях сына его Николая; в 14-м говорится о портрете Радищева, приложенном к первому изданию его сочинений; в 15-м — о воспоминаниях С. Н. Глинки о Радищеве; в 16-м приводятся сведения о знакомстве Гримма в Лейпциге с русскими студентами; в 17-м говорится об отзыве Пушкина о Радищеве; в 18-м излагаются основные мысли Радищева, содержащиеся в его трактате «О человеке, его смертности и бессмертии»; в 19-м сообщается об оценке Радищевым Ломоносова.

Ряд дополнений, внесенных Лонгиновым в биографию, не оговорены и ничем не отделены от текста П. А. Радищева. Выделить полностью эти дополнения теперь не представляется возможным, потому что оригинал, с которого набирался текст биографии, не сохранился. Это можно сделать лишь частично путем сопоставления текста, напечатанного в «Русском вестнике», с первым экземпляром рукописи П. А. Радищева, который был написан незадолго до отправки окончательного текста биографии в печать. Этот первый экземпляр рукописи П. А. Радищева сохранился в бумагах А. А. Корсунова, содействовавшего Павлу Александровичу в продвижении биографии в печать. В. П. Семенников, опубликовавший в 1923 году этот текст, отмечает: «Опубликованный нами текст является первоначальной (разрядка В. П. Семенникова, — Д. Б.) редакцией составленной П. А. Радищевым биографии отца. Это видно прежде всего из того, что текст этот значительно короче печатного текста, который включил в себя и некоторые позднейшие дополнения».³⁸

Часть дополнений, внесенных М. Н. Лонгиновым, дает некоторые подробности о деятельности ряда лиц, которых не мог

³⁸ В. П. Семенников, ук. соч., стр. 198.

знать П. А. Радищев. В ряде случаев М. Н. Лонгинов уточняет даты рождения и смерти некоторых лиц, упоминаемых П. А. Радищевым.

Рукопись П. А. Радищева подверглась сокращению. Сокращены были следующие места, которые сохранились в первоначальной рукописи П. А. Радищева:

1) сообщение о том, что во время шведско-русской войны 1788—1790 годов Радищев имел намерение собрать для защиты Петербурга добровольцев;

2) рассказ о независимом поведении Радищева при получении из рук Екатерины II ордена Владимира;

3) сообщение о первоначальном просмотре рукописи «Путешествие из Петербурга в Москву» московским цензором Андреем Брянцевым;

4) известие о постановке бюста Радищева в Пантеоне в Париже;

5) указание на записку, написанную А. Н. Радищевым незадолго до своей смерти, в которой было сказано: «Потомство отомстит за меня».³⁹

4

П. А. Радищев приложил к биографии отца свои критические замечания на статью А. С. Пушкина «Александр Радищев». Названная статья Пушкина относится к 1836 году. Предназначалась она для напечатания в «Современнике». Целью Пушкина было напомнить запретное имя Радищева, но министр народного просвещения С. С. Уваров не разрешил напечатать статью. В своем заключении на статью он писал: «Нахожу неудобным и совершенно излишним возобновлять память о писателе и о книге, совершенно забытых и достойных забвения».⁴⁰ Статья Пушкина впервые была напечатана в 1857 году в VII томе (дополнительном) сочинений Пушкина, изданных П. В. Анненковым.

Статья Пушкина сыграла большую роль в снятии запрета с имени Радищева. «С легкой руки Пушкина, — как правильно отметил М. И. Сухомлинов, — начали появляться в различных повременных изданиях статьи и заметки о жизни и сочинениях Радищева. В литературных кругах заговорили об издании сочинений Радищева и преимущественно его „Путешествия“ и т. д.».⁴¹

³⁹ Подробнее об этих сокращениях см.: В. П. Семенников, ук. соч., стр. 205—215.

⁴⁰ Б. В. Томашевский. Примечания к статье Пушкина «Александр Радищев». В кн.: А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 706.

⁴¹ М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. 1. СПб., 1889, стр. 650—655.

Статья Пушкина послужила ближайшим поводом для написания П. А. Радищевым биографии А. Н. Радищева.

А. А. Корсунов в предисловии к биографии Радищева, напечатанной в «Русском вестнике», рассказывает о том, как статья Пушкина заставила его вспомнить скромного учителя П. А. Радищева, которого он встретил перед этим в Таганроге. «Минувшею зимою, — пишет Корсунов, — в Петербурге я вспомнил о нем в одной литературной беседе при чтении статьи Пушкина „Радищев“ (разрядка наша, — Д. Б.). Тогда же я дал себе слово собрать о покойном Радищеве достоверные сведения и напечатать их. Исполняю слово. . . Этою статьей передается читателям все, что Павел Александрович [Радищев] вспомнил из своего грустного, давно минувшего и записал сам; таким образом она имеет значение и колорит современных мемуаров».

Биография А. Н. Радищева и примечания на статью Пушкина были написаны П. А. Радищевым непосредственно под свежим впечатлением от этой статьи. Пушкинская статья горячо взволновала его своим критическим тоном. Содержание ее находится в явном противоречии с тем отношением Пушкина к Радищеву, которое выразилось в его стихотворениях «Бова», «Вольность», в письме к А. Бестужеву и в одном из вариантов стихотворения «Я памятник себе воздвиг. . .», написанного почти одновременно со статьей «Александр Радищев».

Статья Пушкина вызвала у ряда писателей недоумение. А. И. Герцен в предисловии к лондонскому изданию «Путешествия» сказал, что статья Пушкина о Радищеве не делает «особенной чести поэту». «Он или перехитрил ее из цензурных видов, или в самом деле так думал, и тогда лучше было бы ее не печатать».

С развернутыми возражениями против статьи Пушкина выступил Н. А. Добролюбов. В рецензии на VII том сочинений Пушкина, напечатанной в первой книге «Современника» за 1858 год, он значительное место уделил разбору статьи Пушкина о Радищеве.

А. Н. Афанасьев собирался напечатать выписки из радищевского «Путешествия» с целью опровергнуть ими отрицательные высказывания Пушкина об этой книге. «О Радищеве я уже думал, — писал он в письме к М. Ф. Де-Пуле от 12 ноября 1858 года, — но дело очень щекотливое в цензурном отношении. На первый раз пушу выписки из известной его книги по поводу статьи Пушкина о Радищеве. К прозе Пушкина приготовлены очень любопытные дополнения и исправления по его собственноручным рукописям. Тут надо бы коснуться и

статьи о Радищеве и его книге. Разумеется, отзыв Пушкина не выдерживает критики». ⁴²

А. В. Станкевич в рецензии на VII том сочинений Пушкина также не соглашается с мнением Пушкина о Радищеве. «Из биографической статьи „О Радищеве“, — пишет он, — являющейся впервые на свет, мы можем ознакомиться с мнениями Пушкина о человеке, в котором, с точки зрения исторических и общественных условий, он усматривал только пример для поучения. Поучительная сторона явления закрыла от него другую сторону, трагическую. Нельзя сказать, чтоб это послужило в пользу живости и ясности биографического очерка». ⁴³

Замечания П. А. Радищева на статью Пушкина являются наиболее резкими по сравнению с приведенными отзывами. П. А. Радищев упрекает Пушкина в незнании фактов биографии А. Н. Радищева. «Все, что Пушкин в своей статье написал о Радищеве, — пишет он, — доказывает, что он не имел верных о нем сведений, а писал по собственным своим соображениям или понаслышке».

Одни только пушкинские замечания о слоге А. Н. Радищева признает П. А. Радищев справедливыми. «Во всем же остальном, — пишет он, — видно незнание фактов или извращение их, и особенно поражает ложный свет и странный, труднообъяснимый взгляд, брошенный на личность Радищева нашим великим поэтом».

Взгляд Пушкина на Радищева, выраженный в статье «Александр Радищев», а также в статье «Путешествие из Москвы в Петербург», явился предметом разнообразных суждений. «Тут все спорно и загадочно, — писал об этих пушкинских статьях в своей сводной работе по данному вопросу П. Н. Сакулин. — Как будто самый облик поэта начинает дрожать перед нашими глазами, когда мы пытаемся примирить себя с мыслью, что именно Пушкин был автором этих резких статей». ⁴⁴

П. В. Анпенков, опубликовавший пушкинскую статью «Александр Радищев», считал, что она принадлежит «к тому зрелому, здоровому и пронизательному критическому такту, который отличал суждения Пушкина о людях и предметах незадолго до его кончины». ⁴⁵

П. Н. Сакулин также считал статьи Пушкина о Радищеве выражением его действительных взглядов, но, в противополож-

⁴² ИРЛИ, ф. 569, № 119.

⁴³ «Атеней», 1858, ч. 1, стр. 79.

⁴⁴ П. Н. Сакулин. Пушкин и Радищев. Новое решение старого вопроса. М., 1920, стр. 5.

⁴⁵ Предисловие к «Сочинениям» Пушкина, т. VII, ч. II, 1857, стр. 3—4.

ность Анненкову, не считал их исторически объективными. «Статьи о Радищеве, — писал он, — органическими нитями сплетены с переживаниями, мировоззрением и творчеством Пушкина в период тридцатых годов... Статьи о Радищеве были одним из моментов общественно-политического самоопределения Пушкина и вместе его самооправданием. Неудивительно, что его оценка Радищева не оказалась на высоте исторической объективности: спокойствие нередко изменяло Пушкину, он начинал говорить резким голосом обвинителя и в результате вынес Радищеву почти полное осуждение».⁴⁶

К аналогичным выводам после П. Н. Сакулина пришел о пушкинских статьях о Радищеве В. П. Семенников.⁴⁷

Ряд других исследователей считает, что пушкинские статьи о Радищеве написаны иносказательным, эзоповским языком с целью прикрыть, как выразился В. Е. Якушкин, «истинный, противоположный смысл».⁴⁸ «Естественно, — пишет Н. Л. Степанов, — что для того, чтобы напечатать эту статью, пришлось ее мысль „замаскировать“ вынужденной полемикой с Радищевым».⁴⁹

С. А. Венгеров полагал, что статья Пушкина о Радищеве «не может считаться полным выражением мнения великого поэта». «Многое в статье объясняется тем, — писал он, — что Пушкин хорошо знал цензуру своего времени, которая в конце концов и в этом виде не пропустила статью».⁵⁰

О цензурных причинах, повлиявших на статью Пушкина, говорит также и Б. В. Томашевский, но в отличие от В. Е. Якушкина и Н. Л. Степанова он не считает статью иносказательной. «Учитывая чрезвычайно трудные цензурные препятствия, — пишет он, — Пушкин усилил в статье критическую часть, обострил свои разногласия с Радищевым, а во многих местах и просто изложил официальную точку зрения на Радищева. Для Пушкина главной целью было снять запрет с имени Радищева и добиться права писать о нем».⁵¹

Как уже упоминалось выше, в русле разнообразных оценок пушкинской статьи «Александр Радищев» голос П. А. Радищева занимает особое место. П. А. Радищев в своих замечаниях на статью Пушкина делает главный упор на то, что ве-

⁴⁶ П. Н. Сакулин, ук. соч., стр. 74.

⁴⁷ В. П. Семенников, ук. соч., стр. 281.

⁴⁸ В. Е. Якушкин. Радищев и Пушкин. Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1886, кн. 1. Затем статья вошла в сборник «О Пушкине» (М., 1899).

⁴⁹ Н. Л. Степанов. Пушкин и Радищев. Вестник Академии наук СССР, № 8, 1949, стр. 17.

⁵⁰ Русская поэзия, т. I, стр. 822.

⁵¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. VII, примечания, стр. 706.

ликий поэт пользовался для своей статьи малодостоверными или совсем недостоверными биографическими фактами. Исследователи как раз недостаточно обращали внимания на эту сторону дела в статье Пушкина. Однако П. А. Радищев не учитывал того, что когда Пушкин писал свою статью, тогда не было еще в печати биографических сведений о Радищеве. Пушкину приходилось самому собирать материалы о жизни и деятельности Радищева. За неимением в печати достоверных биографических данных о Радищеве, он пользовался частично устными рассказами некоторых современников Радищева. Характер устных источников несомненно наложил свой отпечаток на содержание его статьи. Некоторые факты биографии Радищева, записанные со слов людей, никогда не разделявших революционных убеждений Радищева, он не имел возможности проверить по каким-либо другим источникам. Так, например, Пушкин совершенно неверно был информирован о месте пребывания и занятиях Радищева при Павле I. Как известно теперь, Павел I, возвратя Радищева по ходатайству А. Р. Воронцова из сибирской ссылки, держал его все время под строжайшим полицейским надзором в сельце Немцове Калужской губернии без права выезда куда бы то ни было; он разрешил Радищеву съездить всего лишь один раз на свиданье с престарелыми родителями в Саратовскую губернию. Известно также, что Радищев, живя в Немцове, написал ряд произведений, в которых он остался верным своим прежним революционным убеждениям. А вот как описан этот период его жизни у Пушкина: «Император Павел I, — пишет он, — взошед на престол, вызвал Радищева из ссылки, возвратил ему чины и дворянство, обошелся с ним милостиво и взял с него обещание не писать ничего противного духу правительства. Радищев сдержал свое слово. Он во все время царствования императора Павла I не писал ни одной строчки. Он жил в Петербурге, удаленный от дел и занимаясь воспитанием своих детей. Смиранный опытностью и годами, он даже переменял образ мыслей, ознаменовавший его бурную и кичливую молодость. Он не питал в сердце своем никакой злобы к прошедшему и помирился искренне со славной памятью великой царицы».⁵²

На основании ложной информации, полученной, как видно, из устных источников, Пушкин сделал и неправильный вывод о характере Радищева. Он наделил его такими чертами непостоянства, которые вытекали из этой ложной информации. После приведенных строк о перемене Радищевым образа своих мыслей Пушкин пишет: «Не станем укорять Радищева в сла-

⁵² Там же, стр. 356—357.

бости и непостоянстве характера. Время изменяет человека как в физическом, так и духовном отношении».⁵³

Мнение Пушкина о Радищеве было обусловлено, кроме указанных цензурных причин, в какой-то мере и теми ложными источниками, которыми он пользовался для своей статьи.⁵⁴

Но П. А. Радищев неправ, когда говорит, что Пушкин вовсе не имел достоверных сведений о Радищеве. Статья Пушкина «Александр Радищев» не дает оснований для такого заключения. Пушкин воспользовался биографическими сведениями, содержащимися в «Житии Ф. В. Ушакова»; он приводит в статье отрывок из радищевской поэмы «Бова», в котором Радищев вспоминает Е. В. Рубановскую, разделявшую с ним грустное одиночество в сибирской ссылке. Пушкин приложил к своей статье неизданный рескрипт Екатерины II петербургскому генерал-губернатору Я. А. Брюсу о предании Радищева за издание «Путешествия» суду и выдержки из записок А. В. Храповицкого, в которых рассказывается о восприятии книги Радищева Екатериной II. Из статьи Пушкина видно, что он знал о существовании в архиве Воронцова переписки Радищева с А. Р. Воронцовым. Кроме того, не все сведения о Радищеве, полученные Пушкиным из устных рассказов современников, являются достоверными. Некоторые из них подтверждаются самим П. А. Радищевым. Так, например, П. А. Радищев излагает в биографии отца содержание трагического разговора Радищева с гр. П. В. Завадовским, о котором ранее сообщалось в статье Пушкина.

5

В 1861—1866 годах П. А. Радищев работал над расширением ранее написанной им биографии отца. Результатом его работы в эти годы появилась сводная биография А. Н. Радищева, которая содержит в себе значительные дополнения по сравнению с текстом, напечатанным в «Русском вестнике». Так, например, здесь были использованы сведения из воспоминаний секретаря саксонского посольства в Петербурге при Екатерине II Гельбига, перевод их был напечатан в I томе «Библиографических записок» за 1858 год. Некоторые под-

⁵³ Там же, стр. 357.

⁵⁴ Чьими рассказами о Радищеве пользовался Пушкин, достоверных указаний нет. В. П. Семенников предполагает, что Пушкин мог почерпнуть некоторые сведения о Радищеве у Н. К. Загряжской, знавшей жизнь екатерининского двора, и у племянника гр. А. Р. Воронцова, М. С. Воронцова (В. П. Семенников, ук. соч., стр. 251—252).

робности заимствованы из лондонского издания 1859 года записок Е. Р. Дашковой. В конце текста биографии П. А. Радищев приводит список использованной им литературы о Радищеве. Он ввел в свой текст некоторые примечания М. Н. Лонгинова, напечатанные в «Русском вестнике».

П. А. Радищевым были использованы и неизданные рукописные материалы: документы из судебного процесса А. Н. Радищева, находившиеся в Государственном архиве; очерк своего брата Николая Александровича «О жизни и сочинениях А. Н. Радищева»; некоторые материалы из собрания гр. А. Р. Воронцова.

П. А. Радищев ввел из своей первоначальной рукописи в текст сводной биографии некоторые сведения, не вошедшие в биографию, напечатанную в «Русском вестнике»:

1) о первом пестуне А. Н. Радищева и учителя его русской грамоты дядьке Петре Мамонтове, по прозвищу Сума;

2) более подробно сказал о товарищах Радищева по Лейпцигскому университету: о Ф. В. Ушакове, А. М. Кутузове, С. А. Олсуфьеве, П. И. Челищеве и др.;

3) некоторые подробности о первой жене Радищева Анне Васильевне;

4) описание дачи Радищева, находившейся в Петербурге на Петровском острове;

5) о том, что Радищев мог бы избежать ожидавшего его ареста за издание «Путешествия», уехав за границу;

6) выдержки из радищевской оды «Вольность»;

7) подробности из записок А. В. Храповицкого об отзывах Екатерины II о Радищеве;

8) подробности о С. И. Шешковском;

9) выдержки из замечаний Екатерины II на радищевское «Путешествие»;

10) указание на переписку Радищева с гр. А. Р. Воронцовым и другими лицами;

11) отзыв Радищева на оду Державина «На взятие Измаила»;

12) этнографические данные о жителях Илимска;

13) песни, записанные от жителей Илимска;

14) об окружающей Илимск природе;

15) описание праздника, устроенного крестьянами сельца Немцова по случаю возвращения Радищева из Сибири на жительство в это сельцо; песни, исполнявшиеся крестьянами на этом празднике;

16) подробности о жизни и встречах с соседями Радищева в сельце Немцове;

17) восстановлен пропуск в стихотворении И. Пнина на смерть Радищева, сделанный в «Русском вестнике». После стиха

вставлено:

Сей друг людей, сей друг природы.⁵⁵

П. А. Радищеву не удалось издать эту сводную биографию, хотя он и прилагал большие усилия. Издатели, к которым он обращался, не надеялись, что цензура пропустит ее. П. А. Радищев предлагал свою рукопись в журнал «Чтения», издаваемый Обществом истории и древностей российских при Московском университете, но там отказали ему. Сначала этот отказ был сделан под более или менее благовидным предлогом. Ученый секретарь этого общества О. М. Бодянский писал П. А. Радищеву в письме от 29 декабря 1865 года: «Вследствие письма вашего, полученного в Обществе 22 ноября [1865 года], в котором вы предлагаете Обществу право издать „Путешествие из Петербурга в Москву“ и прочие сочинения А. Н. Радищева, напечатанные в разных периодических изданиях, с биографией покойного А. Н. Радищева и дополнениями против напечатанного, имею честь уведомить, что Общество по материальным своим средствам не в состоянии иначе вознаградить за материалы и статьи, помещенные в „Чтениях“, как только напечатанием в пользу автора или доставившего рукопись 300 экземпляров сочинения, напечатанного в Чтениях».⁵⁶

В другом письме к П. А. Радищеву от 15 января 1866 года О. М. Бодянский уже откровенно пишет о том, что «Общество не имеет никакого побуждения братья за издание сочинений его безусловно, а только таких, которые допустит цензура».⁵⁷

Первые сведения о сводной биографии Радищева сообщили в печати Н. П. Кашин в статье «Новый список биографии А. Н. Радищева», напечатанной в «Чтениях» за 1912 год (кн. 2). Н. П. Кашин называет сводную биографию списком. Он не был твердо уверен в том, что она написана П. А. Радищевым. «Очевидно, этот последний является автором и нового списка биографии», — пишет он. И далее: «По-видимому, рукопись представляет автограф». Такая неуверенность относительно авторства биографии Радищева объясняется тем, что Н. П. Кашин не знал почерка П. А. Радищева. Сличение

⁵⁵ Подробный перечень дополнений и разночтений, содержащихся в сводной биографии Радищева, см.: Н. П. Кашин. Новый список биографии А. Н. Радищева. Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1912, кн. 2.

⁵⁶ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, шифр 6987/ХХХV б. 75. Письмо написано на бланке Общества истории и древностей российских.

⁵⁷ Там же.

рукописи сводной биографии с письмами и другими рукописями П. А. Радищева показывает, что оба экземпляра рукописи, хранящиеся в Государственном историческом музее, написаны рукой П. А. Радищева.

В статье Н. П. Кашина были напечатаны отдельные более или менее значительные отрывки из сводной биографии: описание дачи и дома Радищева; сообщение, почему Радищев не скрылся перед арестом за границу; отрывок о Шешковском; отзыв Радищева об оде Державина; тексты песен, записанные от илимских жителей; описание праздника, устроенного крестьянами сельца Немцова по случаю возвращения Радищева из Сибири, и тексты народных песен, исполнявшихся на этом празднике; подробности о жизни Радищева в сельце Немцове.

6

Труд П. А. Радищева имеет важное значение в методологическом отношении. В нем сделана попытка рассмотреть творчество Радищева в тесной связи с жизнью русского народа, с историей освободительного движения в XVIII веке. «Радищев, — пишет он в начале сводной биографии, — рожденный с обширным умом, приобретший основательные и разнообразные познания, не мог не желать нравственного преобразования своего отечества, где Петр Великий переменял только одежду и обрил бороды у дворянства, ознакомил Россию с обычаями и пороками европейскими, устроил войско, построил флот, возвеличил Россию, простирая честолюбивые планы далеко за пределы своей империи, но ничего не сделал для домашнего быта, для внутреннего благосостояния русских, не заботился, чтоб в воскресенье были у мужика щи с убойнюкою».

Охарактеризовав далее тяжелое положение русского крестьянства, П. А. Радищев пишет: «О уничтожении крепостного права ни он [Петр I], ни Екатерина никогда не заботились, хотя это была одна из язв государственных. Мысль Радищева была дать простор духу народному, дать ему развиваться на свободе».

П. А. Радищев подчеркивает одну из важнейших черт в характере своего отца — его постоянное стремление быть среди простых людей, изучать их быт и нравы, их искусство. Он рассказывает о том, как дружил Радищев с илимскими жителями, бывал с Елизаветой Васильевной у них в гостях, на праздничных обедах и принимал их у себя в доме; вечерами присутствовал на девичьих плясках и слушал народные песни; на масленице вместе с местными жителями выезжал кататься на санях. Однажды, во время приезда в окрестности Илимска кочевников-тунгусов, рассказывает П. А. Радищев, его отец

ходил вместе с ним осматривать их юрты в лесу и смотрел там пляску старой шаманки. П. А. Радищев указывает, что аналогичным образом отец его старался сблизиться с крестьянами селца Немцова.

По своему построению работа П. А. Радищева представляет собою сжатое жизнеописание, начатое от предков Радищева и доведенное до последнего дня его жизни. В рукописи первой редакции этой сводной биографии было намечено деление текста на следующие главы: «I. Вступление. Молодость Радищева. Служба», «II. Ссылка в Сибирь. Смерть Радищева».

Однако некоторые данные, сообщаемые П. А. Радищевым, нуждаются в дополнительном раскрытии и уточнении. К их числу относится сообщение о намерении Радищева скрыться в случае неудачи с «Путешествием» за границу. Многих занимал вопрос о том, предвидел ли Радищев те жестокие кары, которые обрушило на него правительство Екатерины II за издание «Путешествия». Пушкин считал, что Радищев действовал необыкновенно смело. «Мелкий чиновник, — писал он, — человек безо всякой власти, безо всякой опоры, дерзает вооружиться противу общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины!».

А. Н. Радищев предвидел, что самодержавие рано или поздно расправится с ним. Описанный им в «Путешествии» поэт после прочтения оды «Вольность» подал путешественнику поэму «Творение мира» и сказал при этом: «Прочтите сию бумагу и скажите мне, не посадят ли и за нее».

У Радищева, очевидно, возникал план эмиграции в ту самую «словутую» страну, во Францию, которую он прославил в оде «Вольность». Но затем он отказался от этого плана, говоря в той же оде:

Но нет, где рок судил родиться,
Да будет там и дням предел;
Да хладный прах мой осенится
Величеством, что днесь я цел.

Радищев испытывал перед арестом одно затруднение, выйти из которого за короткий срок не было возможности. Оно состояло в больших денежных долгах.

В 1789 году Радищев издал за свой счет книгу «Житие Федора Васильевича Ушакова». Больших затрат ему стоила организация домашней типографии и издание «Путешествия». Одновременно с «Путешествием» он напечатал в своей типографии книжечку «Письмо к другу, жительствовавшему в Тобольске».

На издания и какие-то другие мероприятия Радищев потратил большие суммы денег. В общей сложности за ним

числилось около тридцати тысяч рублей долга, о которых не знала семья и которые обнаружили только после его ареста. Об этой задолженности вскоре стало известно его брату М. Н. Радищеву, который в письме к А. Р. Воронцову 10 августа 1790 года из Архангельска сообщал:

«На прошедшей почте имел я из Петербурга [сведения], что ныне открылось, что брат Александр Николаевич должен около тридцати тысяч рублей. Таковая немалая сумма должна заплачена быть из имеющегося имения брата моего, но как в Петербурге имения у него никакого нет, да и от отца мы все еще не отделены, то сему долгу заплачену быть надлежит из имения отца нашего».⁵⁸

Сам Радищев сильно волновался. На покрытие такой большой по тому времени суммы не хватило бы всего имущества, которое он мог получить по наследству от своего отца. Больше всего его волновало то, что дети останутся без всяких средств к существованию. «Ах, можете ли простить несчастному вашему отцу и другу горесть, скорбь и нищету, которую он на вас навлекает?» — обращается он к ним в своем завещании.

В письме из Петропавловской крепости к Шешковскому от 25 июля 1790 года он повторяет эту же мысль: «... согреших, втащив в печаль, скорбь и нищету невинных младенцев и жен и родителей престарелых». В другом письме к Шешковскому он подчеркивает, что дети его ничего не знают о состоянии его домашних дел. «Не отвергни, милостивый государь, сего прошения, — пишет он, — и каким-либо образом дать наставление о домашнем состоянии моим оставшим, дабы в пущую не пришли расстройку дел своих. Оно им совсем неизвестно».

Денежный долг Радищева, сопряженный с возможным разорением детей, несомненно сковывал свободу действий его перед арестом.

В дополнительном раскрытии и уточнении нуждается сообщение о литературно-общественных связях А. Н. Радищева. П. А. Радищев рисует крайне узкий круг общественных связей своего отца. Он ограничивает его связи только посещением дома Даля и литературных вечеров у гр. А. Р. Воронцова и Е. Р. Дашковой. «Служа при Дале, — пишет П. А. Радищев, — дом сего последнего был почти единственным, где его можно было найти; кроме того, он бывал на маленьких литературных вечерах у графа А. Р. Воронцова и сестры его княгини Дашковой, двух особ, отличнейших при тогдашнем дворе своими дарованиями и познаниями».

⁵⁸ Институт истории Академии наук СССР (Ленинградское отделение), Собрание Воронцова, № 862, л. 9.

П. А. Радищев не мог знать некоторых общественных связей своего отца. У А. Н. Радищева имелись широкие связи в деловых кругах, интересовавшихся проблемами развития промышленности и торговли. Он состоял одно время членом Петербургского английского собрания. В списке членов этого собрания указано, что Александр Николаевич Радищев вступил в собрание в 1774, а выбыл в 1775 году.⁵⁹

Петербургское английское собрание было организовано в 1770 году фабрикантом Францисом Гарднером. Из 50 учредителей этого общества большинство составляли английские коммерсанты, вследствие чего это общество и было названо «Английским собранием».

Многолетняя работа в Коммерц-коллегии и в Петербургской портовой таможене расширяла его связи с деловыми кругами. Президент Коммерц-коллегии А. Р. Воронцов привлек Радищева к работе в Комиссии о коммерции. В экономической жизни России XVIII века Комиссия о коммерции играла значительную роль.

Согласно инструкции, составленной для Комиссии о коммерции в 1760 году, Комиссия должна была «стараться о размножении внутри России фабрик, мануфактур и заводов; о расширении внешней торговли, об учреждении торгового флота, о составлении выгодных для России коммерческих трактатов, об искоренении злоупотреблений по торговле и вообще об изыскании новых путей к умножению благосостояния государства».

Радищевым был написан для этой Комиссии ряд работ и весьма важных государственных проектов. В 1781—1782 годах им был написан «Проект нового генерального таможенного тарифа». В 1789 году в связи с падением курса российских денег, вызванным русско-турецкой войной, Радищев разработал по поручению Комиссии о коммерции проект о временном запрещении провоза в Россию иностранных товаров, особенно тех, которые относились к предметам роскоши и шли на удовлетворение потребностей одного дворянского сословия. В разные годы им было написано по поручению Комиссии о коммерции несколько отзывов на доклады разных генерал-губернаторов по вопросам состояния торговли.⁶⁰

Самый факт участия Радищева в работах Комиссии о коммерции имеет исключительно важное значение для понимания его литературного творчества. Участвуя в работах этой Комиссии, Радищев приобрел глубокие познания в области эко-

⁵⁹ Столетие С.-Петербургского английского собрания 1770—1870. СПб., 1870, стр. 54.

⁶⁰ Все эти работы впервые были нами опубликованы в кн.: А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. III.

номической жизни России; ему становились более или менее ясными все те узловатые проблемы экономики и финансов, от разрешения которых зависело благосостояние народа.

Радищев не ограничивался посещением дома Германа Даля и маленьких литературных вечеров у Воронцова и Дашковой. Он был одним из активных членов Общества друзей словесных наук. Это общество, образовавшееся в 1787—1788 годах сначала из пересехавших из Москвы в Петербург молодых питомцев новиковского Дружеского ученого общества при Московском университете, потом объединяло вокруг себя значительные прогрессивные силы того времени.

П. А. Радищев ничего не знал о деятельности своего отца в Обществе друзей словесных наук. Впервые стало известно об участии Радищева в журнале «Беседующий гражданин», издаваемом этим Обществом, из записок одного из его членов, С. А. Тучкова. «Некто г. Радищев, член общества нашего, — рассказывает С. А. Тучков, — написал одно небольшое сочинение под названием «Беседа о том, что есть сын отечества или истинный патриот» и хотел поместить в нашем журнале. Члены хотя одобрили оное, но не надеялись, чтобы цензура пропустила сочинение, написанное с такой вольностью духа. Г. Радищев взял на себя отвезти все издание того месяца к цензору и успел в том, что сочинение его вместе с другими было дозволено для напечатания».⁶¹

Записки С. А. Тучкова были опубликованы в 1908 году. С этого времени и начинается изучение связей Радищева с Обществом друзей словесных наук.

* *
*

Приведенные уточнения показывают, что некоторые обстоятельства в жизни и деятельности Радищева освещены П. А. Радищевым неполно. Но, несмотря на отмеченную неполноту сведений, труд П. А. Радищева не теряет своей ценности. Даже краткая биография, написанная им и напечатанная в «Русском вестнике», была встречена с большим одобрением. Декабрист, бывший член Союза благоденствия, П. Х. Граббе записал в своем дневнике за 17 января 1859 года следующее: «Биография Радищева в „Русском вестнике“, несмотря на свою неполноту, возбуждает драматический интерес. Вместе с изданной недавно [биографией] Новикова она описывает в настоящем виде период тогдашней русской жизни, так часто выставляемой золотым веком теми, для кого

⁶¹ Записки Сергея Алексеевича Тучкова. Под ред. К. А. Военского. СПб., 1908, стр. 42.

он был выгоден, во вред прочим. Любопытно видеть также, какие стремления тогда уже отличали передовых людей в образовании общества».⁶²

Обстоятельное знакомство Н. Г. Чернышевского с биографией и сочинениями А. Н. Радищева дало ему возможность глубоко проникнуть в психологию его творчества. «Новиков, Радищев, — писал он в 1860 году, — еще, быть может, несколько человек, одни только имели тогда то, что называется ныне убеждением или образом мыслей». У остальных «все понятия о добре и зле заменялись вековыми правилами почти безразличного одобрения всему, что жило и действовало выше их».⁶³

Сотрудник «Современника» В. П. Гаевский горячо поддержал П. А. Радищева в его работе по написанию сводной биографии А. Н. Радищева. «Хорошее дело задумали вы — писать ваши мемуары, — сообщал он ему в письме от 26 июля 1864 года. — Подробности жизни вашего отца и всякое воспоминание о нем дорого для каждого образованного человека».⁶⁴

Печатаемые здесь очерки биографии Радищева имеют большую историческую ценность. В них собрано много ценнейших фактов, мимо которых не могут пройти современные исследователи творчества Радищева. Очерк Н. А. Радищева, напечатанный во второй половине XIX века, ни разу не переиздавался с тех пор и, следовательно, давно стал библиографической редкостью. В настоящем издании текст этого очерка выверен по авторской рукописи. Текст сводной биографии Радищева, написанный П. А. Радищевым, печатается впервые в полном его виде.

Д. Бабкин.

1956 г.

⁶² «Русский архив», 1889, кн. 3, стр. 707—708.

⁶³ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений в пятнадцати томах, т. VII, М., 1950, стр. 484.

⁶⁴ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, шифр 7007/XXXV б. 95.

Н. А. РАДИЩЕВ

О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНИЯХ А. Н. РАДИЩЕВА

Александр Николаевич Радищев родился в Москве 1749 года 20-го августа.¹ Стечение благоприятных обстоятельств послужило к тому, что он получил хорошее воспитание. Дед его, бедный калужский дворянин, был в потешных Петра Великого, был его денщиком, служил в гвардии и, наконец, женившись в сорок лет на богатой и весьма молодой девушке в царствование императрицы Анны, сделался полковником и командиром одного из малороссийских драгунских полков, почему и прожил долго в Глухове. Он своему сыну, отцу Александра Николаевича, судя по тогдашнему времени, когда просвещение едва проникало в Россию, дал хорошее воспитание; молодой человек знал языки: латинский, французский, немецкий и польский; имел сведения богословские и исторические и любил сельское хозяйство, о коем читал много. Быв сам по себе и по жене своей довольно богат, он хотел и своему сыну доставить сведения. Впрочем, начала русского языка преподаны были Алек<сандру> Ник<олаевичу> обыкновенным тогдашним способом, то есть посредством часослова и псалтыри; но когда ему минуло шесть лет, то у него был уже учитель француз, оказавшийся впоследствии беглым солдатом.

Сие домашнее учение продолжалось недолго, ибо Александр Николаевич отдан был в дом родственника матери своей, Михаила Федоровича Аргамакова, человека умного, богатого и просвещенного, бывшего куратором Московского университета.² Тут вместе с детьми своего родственника и другими молодыми людьми (в числе коих был граф Аркадий Иванович Марков) Алек<сандр> Ник<олаевич> воспитывался под надзором француз, советника руанского парламента, по политическим причинам удалившегося из отечества, и пользо-

вался уроками профессоров и учителей университетских. Во время коронации императрицы Екатерины г. Аргамаков записал Алек<сандра> Ник<олаевича> в пажи и по возвращении двора в С.-Петербург отправил его туда, где он продолжал учение в Пажеском корпусе.

В 1765 году императрица Екатерина II, видя недостаток в России, в самых высших правительственных местах, в людях, знающих законоискусство, и чувствуя, сколько бы такие люди были для отечества полезны, приказала избрать 12 молодых людей, в том числе шестерых пажей, для отправления их учиться правоведению в Лейпцигский университет. Пажей приказано было избрать лучших, отличившихся в корпусе как поведением, так и успехами в науках. Алек<андр> Ник<олаевич> был в числе сих избранных пажей.* Императрица ничего не жалела, дабы отправленные молодые люди могли представиться в иностранном университете достойными звания ее питомцев. Все приготовления были сделаны щедрою рукою, содержание молодым людям назначено более чем достаточное (по осьми сот рублей на человека в год), но выбор наставника сделан был неразборчиво.

Алек<сандр> Ник<олаевич>, описывая жизнь товарища своего Ф. В. Ушакова, изобразил майора Бокума, отправленного для надзора за молодыми людьми, назначенными к важному служению отечеству: он не имел не только хороших свойств путеводителя юношества, но никаких сведений, был корыстолюбив, зол и хотел образовать питомцев своих палкою. Такое обращение наставника едва не ввергло молодых людей в погибель, а семейства их в вечную горестъ.

Юноши, быв в беспрестанной соре с своим наставником, хотели, дабы избавиться от угнетений Бокума, бежать в Северную Америку, где тогда начались и вскоре вспыхнули распри с Англиею, отделившие навек сии колонии от отечества. Благоразумные увещания и меры, принятые российским посланником в Дрездене князем Белосельским, который отрешил Бокума, остановили отчаянное предприятие молодых людей; они одумались и продолжали учиться. Еще должно заметить странность при отправлении их на долгое время в чужую землю: им не дано было учителя русского языка, так что в пять лет пребывания своего в Германии они почти забыли

* Сколько я помню, вот имена отправленных молодых людей: Янов, Челищев, Кутузов, Радищев, Рубановский, кн. Несвицкий — пажи; Ф. Ушаков, М. Ушаков, Насакин, кн. Трубецкой, Олсуфьев. Потом на место умерших — кн. Несвицкого, кн. Трубецкого и Ф. Ушакова — присланы Д. А. Олсуфьев, О. П. Козодавлев и Н. Д. Волков. (*Примеч. Н. А. Радищева*).

законопослушество, и цѣлѣвыхъ счетовъ въ тѣхъ мѣстахъ
 были два отведенныя помѣщенія, принадлежавшія имъ
 12. молодыхъ людей, въ томъ числѣ и Петербур-
 гскіе, для отправленія ихъ учиться въ университеты.
 Въ Минцвильской Университетѣ. Тамъ приказано
 было имѣть лучшихъ, отличившихся въ Корр-
 сибъ победителей, такъ и успѣвшихъ въ на-
 чинахъ. А въ Кн. Тамъ въ числѣ сихъ и
 Франкльндъ тамъ. (1) Императрица ниско не
 жалѣла, дабы отправленныя молодые лю-
 ди, могли представитъ въ Императорскій
 Университетъ достойными званія бакалав-
 рства. Въ пріготовленіи были собственнору-
 чного разума, содржанія молодыхъ людей
 на каждаго была пѣшь достаточное (по обычаю
 шло рѣшилъ на каждаго въ годъ), но въ началѣ
 наставника и тамъ были не разъ раз-
 А вѣ. Кн. описывая тѣхъ товарищахъ съ
 въ сѣ. В. Шакова, и обращеніи Магара Воду
 отправленныя для каждаго на молодыхъ

(1) Счетовъ в поимено, вотъ имена отправленныя въ молодые
 люди: Яновъ, Глинцкы, Кутузовъ, Рагунцелъ, Рудневскій,
 Кн. Клевский, Пати, сѣ. Шаковъ, М. Шаковъ, Касимовъ
 Кн. Мруцкой, Сецербовъ. Потомъ на иждивеніи Кн. Кн.
 Шклинъ, Кн. Мруцкой и сѣ. Шакова пріимать Л. А. Кн. Кн.
 С. П. Касимовъ и Н. Д. Кн. Кн.

Автограф очерка Н. А. Радищева о жизни и сочинениях А. И. Радищева.

свой язык, и в разговорах на нем вмешивали многие латинские, немецкие и французские слова.

Между тем курс учения молодых людей кончился; они возвратились в отечество, обогащенные разнообразными познаниями, потому что, исключая правоведение, всякий из них слушал курсы тех наук, к которым имел более склонности. Алек<сандр> Ник<олаевич> слушал философию у Платнера, начинавшего тогда ученое свое поприще, на котором он впоследствии прославился. Сверх сего Алек<сандр> Ник<олаевич> пристрастился к медицине и, постоянно в течение пяти лет учась ей, мог бы выдержать экзамен докторский, но, следуя своему назначению, не искал сего звания; однако ж во все течение жизни своей практиковал медицину с довольным успехом.

По возвращении в отечество только трое из молодых людей, назначенных быть юристами, поступили в Сенат в звание протоколистов с чинами титулярных советников. В числе сих трех был Алек<сандр> Ник<олаевич> и всегдашний друг его Алексей Михайлович Кутузов. Служба их в Сенате была непродолжительна; незнание русского языка, товарищество с приказными и обхождение высших чиновников, не отличавших их от прочих приказнослужителей, сделали им сей род служения противным. Первый Кутузов вышел в армию капитаном и успел быть на сражениях при Ларге и Кагуле под предводительством бессмертного Румянцева. За ним вслед вышел из Сената и Асек<сандр> Никол<аевич> также капитаном в штат тогдашнего главнокомандующего в Петербурге, графа Брюса, и отправлял при нем должность обер-аудитора.³

Служба сия была самая приятная эпоха в жизни Алек<сандра> Ник<олаевича>. Быв любим своим начальником, он посредством его сделался вхож в лучшие петербургские общества; вкус его образовался, и он получил ловкость и приятность в обхождении. Хотя в то время молодые светские люди мало занимались русским языком, но Алек<сандр> Ник<олаевич> не придерживался вредного сего отвращения; он с самой молодости любил свое отечество, а любя его, можно ли было пренебрегать языком своей родины. Первый наставник его в русском языке был Александр Васильевич Храповицкий,⁴ тогда еще гвардии офицер, и под его руководством Алек<сандр> Николаевич перевел из Монтескье рассуждение «О величии и упадке римлян».⁵ Книга сия была напечатана Н. И. Новиковым.

Пробыв три или четыре года при графе Брюсе, Александр Николаевич вышел в отставку секунд-майором и женился в 1775 году. В женитьбе своей он не искал богатства, хотя, быв членом многочисленного семейства (оно состояло из семи

братьев и четырех сестер), не мог надеяться на большое состояние, несмотря на то, что родители его имели около двух тысяч душ. Жена его, дочь члена придворной конторы, была небогата, но имела все то, что могло составить счастье хорошего человека. Алек<андр> Никол<аевич> женился в Москве; жена его лишилась отца незадолго до замужества, быв уже помолвлена, и Алек<андр> Ник<олаевич> вместе с нею возвратился в Петербург, чтоб снова вступить в службу.

В 1776 году он был определен ассессором в Коммерц-коллегию, коей президентом был тогда граф Александр Романович Воронцов. Сей умный вельможа принял сначала молодого сотрудника своего весьма сухо и, полагая, несмотря на известную его ученость, что он не что более, как человек светский и рассеянный, не надеялся найти в нем способностей к делу. Но Алек<андр> Ник<олаевич>, приняв должность, принял и твердое намерение отправлять ее сколько можно лучше. Целый год он занимался единственно чтением журналов и определенных Коммерц-коллегии,⁶ чтобы вникнуть в существо и образ течения дел ее, стараясь все встречающиеся в сих бумагах обстоятельства соотнобразять с законами, и притом прилежал к изучению русского языка, руководствуясь священными книгами, почему и во всех своих сочинениях придерживался славянских оборотов и даже употреблял много славянских слов.

Вникнув наконец в дела Коммерц-коллегии, он начал показывать непреклонную твердость характера в защите правых дел. Между прочим встретилось дело пеньковых браковщиков, несправедливо обвиняемых в упущениях по должности. Президент, вице-президент и все члены были того мнения, что люди сии виновны, и присуждали их к наказанию. Один Алек<андр> Николаевич, будучи младшим членом коллегии, осмелился принять на себя их защиту. Он подал в пользу их голос, совершенно противный ясно изложенному мнению президента, против которого никто не смел спорить. Вице-президент Беклемишев, утраченный смелостью Александра Никол<аевича>, представлял ему, как дерзко молодому человеку, не имеющему ни связей, ни покровителей, спорить так упорно против сильного вельможи, и доказывал, что если и точно голос его справедлив, то все же должно сообразоваться с мнением знатного начальника. Но Алек<андр> Никол<аевич> остался непреклонен и объявил, что если президент будет его гнать за голос, чего он, однако же, никак не предполагает, то он, оставя службу, уедет в деревню к отцу своему и целый век проживет в неизвестности, но не отступит от мнения, которое почитает справедливым, и незаконно не подпишет приговора совершенно невинным людям.

Долго никто из членов и секретарей Коммерц-коллегии не осмеливался доложить президенту о неслыханном упорстве молодого человека, младшего члена, не искусившегося ни в судебных делах, ни в порядке приказном. Наконец, вице-президент, употребивший всевозможные способы к преклонению Алек<сандра> Ник<олаевича> и почитая его погибшим, доложил президенту как о деле, так и об упорстве младшего асессора. Гр. Воронцов сначала подосадовал, полагая, что Алек<сандр> Ник<олаевич> защищает браковщиков по каким-нибудь корыстным видам, но прочитав голос его со вниманием, захотел, чтоб упорный молодой человек сам пред ним защищал свое мнение. Алек<сандр> Ник<олаевич> был призван, и следствием продолжительного разговора его с гр. Воронцовым было то, что начальник, совершенно согласясь с мнением своего подчиненного, приказал сообразно оному переделать все дело; прежде приготовленное решение было отменено, браковщики были оправданы, а Алек<сандр> Ник<олаевич> сделался домашним человеком и, можно сказать, первым советником по делам коммерческим у гр. Воронцова и скоро после сего происшествия получил чин надворного советника, а гр. Воронцов навсегда остался его покровителем.

Кажется, в 1780 году открылась С.-Петербургская губерния по новому образованию, изложенному в Учреждении о управлении губерний. Дела, до таможен относящиеся, да и самые таможи отданы были в ведение советника таможенных дел, который как третий член присутствовал в Казенной палате. В сию должность [был] определен действительный статский советник Даль,⁷ образовавший Рижскую таможню, человек умный, ученый, сведущий в порученной ему должности, но старый и совершенно не знавший русского языка. Ему дан был в помощники Алек<сандр> Ник<олаевич> с званием советника Казенной палаты. Г. Даль, узнав его, полюбил как сына; они вместе устроили С.-Петербургскую таможню, и, наконец, когда здоровье г. Даля стало ослабевать, он совершенно предоставил всю власть свою Алек<сандру> Ник<олаевичу>, а сам по одному разу в месяц по делам таможенным докладывал императрице.

Алек<сандр> Ник<олаевич>, вступя в управление С.-Петербургской и всех таможен сей губернии, исключая ученого латинского языка, знал совершенно немецкий и французский, на коих как в разговорах, так и на письме объяснялся правильно с легкостью и приятностью. Но в новом звании своем увидел, что как главная торговля России производится с Англией, то незнание английского языка может подвергнуть его неприятности быть некоторым образом в зависимости от своего переводчика, и потому, несмотря на многотрудные свои

по должности занятия, а особливо в летнее время, когда приходят иностранные купеческие корабли, начал учиться по-английски, имея уже более тридцати лет от роду. Через год ему переводчик был уже не нужен. Употребление английского языка по делам внушило Алек⟨сандру⟩ Ник⟨олаевичу⟩ любопытство узнать английскую словесность, и он в свободные часы занимался ею; наконец, сей язык сделался ему так же знаком, как французский и немецкий; он не мог выговаривать его совершенно чисто, но объяснялся свободно и правильно. Между тем он получил чин коллежского советника и скоро потом недавно учрежденный орден св. Владимира 4-й степени. Но домашнее его благополучие расстроено было смертью нежно любимой супруги.

Императрица Екатерина, видя необходимость нового тарифа как для привозных, так и для отпускных товаров, учредила комиссию для составления оного сообразно настоящему времени и обстоятельствам. Президентом сей комиссии назначен был гр. Воронцов, а в числе членов был г. Даль. Алек⟨сандр⟩ Ник⟨олаевич⟩ хотя ни в каком звании к сей комиссии причислен не был, но вместе с г. Далем составил тариф,⁸ а так как трудился над ним частно, то и не участвовал в наградах. Однако ж г. Даль обратил на него внимание начальства, и он получил перстень.

Сей благородный старец, удрученный летами и болезнями, вышел в отставку, а Алек⟨сандр⟩ Ник⟨олаевич⟩ определен был на его место, но не пользовался не оцененною выгодою г. Даля; он не докладывал сам императрице по делам таможенным, доклады сии шли уже через вице-губернатора или через гр. Воронцова. Между тем императрица имела доверие к непоколебимой честности и совершенному бескорыстию Александра Николаевича. По ее повелению ему поручаемы были весьма щекотливые дела, например при начале войны с шведами — арестование и опись шведских купеческих кораблей⁹ и обыск запрещенных товаров¹⁰ во всех лавках и магазинах в С.-Петербурге. Все современники отдали Алек⟨сандру⟩ Ник⟨олаевичу⟩ справедливость в том, что он совершенно был чужд корыстолюбия. Начальствуя таможнями С.-Петербургской губернии, он мог нажить миллионы, но он не нажил ничего и оставил детям своим небольшое родительское наследство и честное имя.

Все свободное время от службы Алек⟨сандр⟩ Ник⟨олаевич⟩ посвящал учению и трудам. Он написал «Историю российского сената», которую уничтожил впоследствии; имел философическую переписку с другом и товарищем своим А. М. Кутузовым, одним из первых мартинистов. Кутузов желал привлечь в сие общество друга своего, но Алек⟨сандр⟩ Ник⟨олаевич⟩ никогда

на то не соглашался, из чего произошла пространная и занимательная переписка, которая могла бы составить важную книгу, но из сей переписки не осталось ничего. Потом написал он «Жизнь Федора Васильевича Ушакова» и приобрел к ней некоторые из его сочинений. Ф. Ушаков был товарищ Алекс<андру> Ник<олаевичу> в Лейпцигском университете и умер там не старше 25-ти лет. В жизни сего молодого человека замечательна пламенная страсть к учению. Он уже был коллежским асессором и секретарем одного знатного человека. Узнав о предполагаемом отправлении двенадцати дворян в Лейпциг, Ушаков оставил службу и через своего покровителя исходатайствовал позволение быть в числе отправляемых молодых людей, хотя и был всех их гораздо старше. Жизнь его, описанная Алекс<андром> Ник<олаевичем>, есть описание успехов всех посланных тогда в Лейпциг для обучения правведению. Книга сия была напечатана в 1786 или 1787 году и теперь сделалась столь редкою, что едва ли и отыскать ее можно. В ней Алек<сандр> Ник<олаевич> с откровенностью описывает все, что было с ним и его товарищами в Лейпциге, похваляет хорошее, но не утаивает и дурного. Потом занимался он сочинением своего «Путешествия» в Москву, которое по излишней свободности мыслей и слишком резкому образу суждений о правительстве вовлекло его в несчастье. В 1790 году он вскоре после напечатания «Путешествия» посажен был под стражу, судим уголовным порядком и сослан на десять лет Иркутской губернии в безуездный город Илимск, откуда возвращен государем императором Павлом I с позволением жить в деревне.

Время, в заточении проведенное, Алек<сандр> Ник<олаевич> употреблял на воспитание младшего своего сына и дочери, притом не забывал и о старших сыновьях своих, живших у дяди в городе Архангельске. Он написал для них «Рассуждение о человеке, о смертности его и о бессмертии души». Там же написал он «Письмо о китайском торге» и начал «Историю покорения Сибири» и историческую повесть «Ермак», но ни того, ни другого сочинения не кончил, а последнего остались только небольшие отрывки. Живучи в Илимске, он упражнялся в практической медицине, лечил сибиряков, и к нему ездили из довольно отдаленных мест лечиться. Прежний начальник и покровитель его гр. Воронцов не оставлял его и в заточении, писал к нему, доставлял ему книги и многие нужные в сих пустынных странах для жизни вещи.

По вступлении на престол государя императора Александра I-го Алекс<андру> Ник<олаевичу> возвращено было прежнее его звание и совершенная свобода.¹¹ Он воспользовался ею, чтоб тотчас ехать в Петербург благодарить великодушного

СОБРАНІЕ
ОСТАВШИХСЯ СОЧИНЕНІЙ
ПОКОЙНАГО
АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧА
РАДИЩЕВА.

~~~~~  
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.  
~~~~~

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ ПЛАТОНА БЕКЕТОВА.
Изданіемъ Издателей.

~~~~~
1807.

Титульный лист «Собрания сочинений» А. Н. Радищева, изданного его сыновьями.

монарха, и по весьма кратком там пребывании определен был членом Комиссии о составлении законов. После священного обряда коронации Алек⟨сандр⟩ Ник⟨олаевич⟩ отправился из Москвы в Петербург и ревностно приступил к отправлению своей должности, но здоровье ему изменило, он стал чувствовать беспрестанно увеличивающуюся слабость и, наконец, к неописанной горести семейства своего, скончался 1802 года в сентябре месяце, имея 53 года от рождения.

Оставшиеся после него сочинения были напечатаны в шести небольших томах в Москве, в типографии г. Бекетова, к ним приложен довольно схожий портрет его. В сих шести книжках заключаются сочинения Алек⟨сандра⟩ Ник⟨олаевича⟩, писанные во время пребывания его в Сибири и в деревне. Конечно, слог их устарел, но смелость и здравость мыслей, чистая и глубокая философия никогда не стареются. В некоторых, как например в отрывках повести «Бова» и «О Тредьяковском», много веселости.

Алек⟨сандр⟩ Николаевич был нрава прямого и пылкого, все горести сносил с стоической твердостью, никогда не изгибался и был враг лести и подобострастия. В дружбе был непоколебим, а оскорбления забывал скоро, честность и бескорыстие были отличительными его чертами. Обхождение его было просто и приятно, разговор занимателен, лицо красиво и выразительно, рост средний. Исключая «Жизни Ушакова», после него не осталось никаких записок касательно собственной его жизни.

П. А. РАДИЩЕВ
БИОГРАФИЯ А. Н. РАДИЩЕВА *

Александр Николаевич Радищев родился в Москве 20 августа 1749 года; умер в С.-Петербурге 12 сентября 1802 года.

Родоначальники Радищевых были два татарские князька, родные братья Кунай и Нагай. После покорения Казани царем Иоанном Васильевичем Кунай и Нагай заперлись с своею дружиною в Арском городке, в 30 верстах от Казани, с тем,

* В черновой рукописи имеется следующее вступление:

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ РАДИЩЕВ

I

Вступление. Молодость Радищева. Служба.

Редко бывают люди, которые бы смели говорить правду явно и вспародно. «Таковые сердца редки: едва один в целом столетии явится на светском ристалище» (Путеш., стр. 144).¹

Радищев сказал первое слово о свободе в России и пострадал за свой принцип, говорит К. в письме к одной знаменитой особе.²

[C'est en disant hautement, ce que l'on pense, c'est en conspirant la plume à la main à la face du soleil, que les hommes sensés et les citoyens dévoués à leur patrie combattent les mauvais systèmes de gouvernement (L'Indépendance Belge)].³ Вот что сделал Радищев. Но говорить правду сильным земли, прямо или косвенно, было издревле лучший способ попасть в беду. Книга его была причиною его несчастья, но она прославила его, и имя его всегда будет драгоценно истинным патриотам русским. Его несчастье, его ссылка еще более обратили на его «Путешествие» и на него самого внимание современников. Везде, где он проезжал на пути в Сибирь, его старались увидеть, как он сам рассказывал, как редкую птицу, желали с ним поговорить, узнать покорооче о его деле, услышать подробности от него самого. Посаженный в крепость, обремененный оковами, он сказал: «Блаженны изгнанны правды ради». «Путешествие» его, истребленное полициею, ходило рукописное во всей России и находится у литераторов. В гамбургских газетах того времени писали, что бюст его поставлен был в Париже в Пантеоне.⁴ Недавно книга его напечатана в Лондоне⁵ на русском языке.

чтобы защищаться до последней капли крови. Царь послал им сказать, что так как Казань взята и царство их пало, то и сопротивление их будет бесполезно, а если они захотят окреститься, он примет их в свое подданство и даст им земли. Мурзы согласились. Кунай при крещении назван был Василием, а Нагай — Константином.⁹ Царь пожаловал им по сороку пяти тысяч четвертей земли в нынешних Боровском, Малоярославецком и других уездах. (Четверть равнялась указной полуторе десятине населенной распаханной земли и двум десятинам в дичьих полях). Александр Николаевич произошел от Куная. Название «Радищев» произошло, как говорили, от жены одного из них, родившей множество детей.

Дед Радищева, Афанасий Прокофьевич, был калужский дворянин, начал службу солдатом, был денщиком у Петра I-го и дослужился до бригадирского чина. В чине полковника он был послан в Стародубские волости для умирения расколь-

---

[Ламартин говорит (Colomb),⁶ что Провидение для известной только ему цели избирает иногда человека гениального и посылает ему вдохновение. Это вдохновение как орудие увлекает гения, подобно тому как магнит притягивает железо к чему-то роковому, неизвестному, как к полюсу. Гений, следуя вдохновению (без сознания и воли), покоряясь какому-то призванию, не ослабевая от препятствий, преодолевая преграды, стремится к отысканию нового мира. Колумб открывает материк, новый свет. Философ снимает завесу невежества с современников, указывает человеку новый путь, новый мир нравственный. Многие, увлекаясь воображением, созидают утопии, но есть государственные люди, которые одним гениальным взглядом обнимают новый порядок вещей, постигают, основывают умственно новую конституцию для своей родины].

Радищев, рожденный с обширным умом, приобретший основательные и разнообразные познания, не мог не желать нравственного преобразования своего отечества, где Петр Великий переменил только одежду и обрил бороды у дворянства, ознакомил Россию с обычаями и пороками европейскими, устроил войско, построил флот, возвеличил Россию, простирая честолюбивые планы далеко за пределы своей империи, но ничего не делал для домашнего быта, для внутреннего благосостояния русских, не заботился, чтобы в воскресенье были у мужика щи с убойкою (La poule au pot).⁷

«Русский вестник», 1858, январь, № 1, стр. 47, «О России, какую ее оставил Петр I-й» П. Щебальского: «Время Петрово было великое для России, но едва ли счастливое для народа время. Издержки и военные надобности, постройки крепостей и портов, копанье каналов, устройство дорог и т. п. отрывали ежегодно от домов и семейств многие тысячи людей, из которых весьма многие не возвращались вовсе; те же, которые оставались дома, изнемогали под бременем налогов, рекрутской и подводной повинности, военного постоя, дурного управления, притеснения местных властей».

«О скудности и богатстве» Посошкова: «И при квартирах солдаты и драгуны так несмирно стоят и обиды страшные чинят, что и исчислить их не можно, а где офицеры их стоят, так того горше чинят».

«Крестьянское житье скудно», — говорит Посошков («О скудности и богатстве»). Посошков писал 75 лет после Кошихина,⁸ жившего при

ников.* Мать его была так бедна, что, отпуская его на службу, дала ему только шесть копеек на дорогу и кафтан от своих овец. Но, будучи полковником, находясь в Саратовской губернии, Афанасий Прокофьевич проходил с своим полком, Малороссийским драгунским, которого он был командиром, чрез имение богатого помещика Григория Облязова, у которого, кроме одной дочери, не было других детей. Он так этому помещику понравился, что Облязов предложил ему жениться на его дочери. Полковник согласился, но невеста, Настасья Григорьевна, была так мала ростом и так дурна, что ее не смели показать жениху до венца. На девишнике вместо нее посадили подле полковника хорошенькую дворовую девушку, разряженную, и, когда стали пить водку и гости начали ломаться, жених и невеста должны были целоваться, чтоб ее подсластить. Вышедши замуж, Настасья Григорьевна не могла простить своей девушке того, что она целовалась с ее женихом, часто ей попрекала этим, била и наказывала ее за это. Афанасий Прокофьевич скупил у своих родственников имения около Малоярославца и жил в двух верстах от этого города, в своем сельце Немцове, где он родился и где жила его мать, которую он уже не застал в живых по возвращении из службы; построил себе там большой каменный дом, а в городе Малоярославце — Соборную церковь, где и похоронен. В 1812 году, по занятии Малоярославца французами после сражения 13-го октября, эта церковь обращена была в конюшню, и над входом было написано мелом: «Ecurie du général Guilleminot».¹⁰

Сын Афанасия Прокофьевича, Николай Афанасьевич, коллежский асессор, имел 2000 душ и большое семейство — 7 сыновей и 4 дочери. Он был довольно образован для своего вре-

---

царе Алексее Михайловиче: «Многие от безсолицы цынжают и умирают. Обремененные недоимками, угрожаемые беспощадными экзекуциями, многие в отчаянии оставляли свои дома и уходили в леса, где приставали к раскольникам или разбойничали; и разбойники ходили не поодиночке или малыми шайками, а по сту и по двести в артели и больше». С своей стороны, помещики жестоко тяготились обязанностью воинской и гражданской службы и школьного ученья; с большими пожертвованиями «укрывались они от смотров» и нередко даже уязвляли себя.

О уничтожении крепостного права ни он, ни Екатерина никогда не заботились, хотя это была одна из язв государственных. Мысль Радищева была дать простор духу народному, дать ему развиваться на свободе. При монархическом образе нравления, приличном такой обширной империи, могут существовать более демократические учреждения, права гражданские. Путь царь будет всегда велик, как в Англии, но чтоб Россия была свободна. Одна свобода поведет ее к счастью и просвещению. Русскому человеку нужна только свобода; развязать ему ум и руки — и он скоро сравнится в науках, в промышленности, в образованности с просвещеннейшими народами Европы.

* История Малороссии Бантыш-Каменского. (Примеч. П. А. Радищева).

мени, знал языки французский, латинский и польский. Он был нрава крутого, очень вспыльчив, но добрый помещик, любимый своими крестьянами. Его крестьянам было так льготно жить, что из соседственных деревень от других помещиков и даже из казенных селений девки охотно шли замуж в его вотчины. Во время пугачевского бунта он укрывался в лесу в 5 верстах от своего села Преображенского, в 12 верстах от города Кузнецка (Саратовской губернии), с семейством своим и зятем Облязовым. Взяв с собою дворовых людей, хорошо вооруженных, они намерены были в случае нападения защищаться до последней крайности. Самых малых детей, двух сыновей и двух дочерей, Николай Афанасьевич роздал по мужикам. Мужики так его любили, что не выдали, а жены их марали маленьким господам лица сажею, бояся, чтобы бунтовщики не догадались по белизне и нежности их лиц, что это не крестьянские дети, обыкновенно замазанные и неопрятные. Ни один из тысячи душ не подумал донести на него, между тем как ближнего соседа и родственника его Дубенского собственные мужики привели к начальнику бунтовщиков. В господском доме неприятели, не нашед помещика, прострелили его портрет.

Александр Николаевич был старший из детей своего отца. Он был любимец своей матери, с которою сходствовал кротостью нрава. Первый его пестун и учитель русской грамоты был дядька его Петр Мамонтов, по прозванию Сума, к которому он обращается в вступлении своей поэмы «Бовы», взятой из сказки, часто рассказываемой ему этим Сумою. Потом он учился у родственников со стороны матери, Михаила Федоровича Аргамакова, человека умного, просвещенного и богатого, бывшего куратором Московского университета. В 1762 году он был определен в Пажеский корпус. Он видел двор Екатерины, где бывал часто по должности: тогда пажи служили за царским столом — обычай, отмененный Александром Первым. Через несколько времени по вступлении Радищева в пажи явился при дворе молодой граф Владимир Григорьевич Орлов, брат князя Григория. Пробыв три года в чужих краях, граф Владимир возвратился образованным, сведущим, с европейским взглядом на вещи, что очень понравилось Екатерине, и подал ей мысль отправить молодых людей учиться в какой-нибудь немецкий университет. К тому ж недостаток сведущих чиновников по части юриспруденции был ощущаем правительством. Всем прочим предпочтен был славившийся в то время Лейпцигский университет.* Двенадцать молодых дворян, из кото-

* После слов Всем прочим предпочтен был славившийся в то время Лейпцигский университет в черновой рукописи имеется вставка к данному месту:

рых шесть пажей, отличавшихся перед прочими успехами в науках и поведением, в том числе Радищев, были отправлены в 1766 году на три года на казенный счет под надзором гофмейстера Бокума и духовника монаха Павла в этот университет. Каждому назначено было на содержание по 800 рублей в год. Каждый ученик обучался, кроме правоведения, наукам, к которым имел наиболее склонности. Радищев слушал философию у знаменитого профессора Платпера, недавно возвратившегося из Франции после продолжительного в ней пребывания. Сверх того он занимался предпочтительно литературою, начиная с подробного изучения латинских классиков, Горация и других, медициною и химию, и, вероятно, был отличнейший из всех этих юношей, потому что ни один из них

В 18 м столетии, особливо во второй половине его, многие русские ездили учиться в университеты, Кильский и Лейпцигский. Киль принадлежал тогда царствующему в России дому (Петр III, Екатерина II, Павел I). Туда отправлялись прежде только уроженцы Остзейских провинций, но с 1745 года начинают являться между кильскими студентами русские и в их числе в 1766 году князь Александр Борисович Куракин. С 50-х до 80-х годов 18-го столетия и особенно с 1751 года русские чаще посещали Лейпцигский университет.

Студенты Лейпцигского университета разделялись только на четыре нации: на саксонцев, мейсенцев, баварцев и поляков (Poloni). Русские постоянно записываемы были в последние. В 1743 году были в нем студентами Петр Постников и князья Сергей и Владимир Долгорукие, а в 1763 — граф Владимир Григорьевич Орлов.

В 1767 году двенадцать молодых дворян, из которых шесть пажей, отличавшихся перед прочими в науках и поведением, в том числе Радищев, отправлены были на три года на казенный счет под надзором гофмейстера Бокума и духовника монаха Павла в этот университет. Каждому назначено было по 800 рублей в год. Вот имена этих молодых людей:

1. Князь Александр Несвицкий, из Москвы.
2. Князь Василий Трубецкой, из Москвы.
3. Федор Васильевич Ушаков, из Новгорода.
4. Михаил Ушаков, из Новгорода.
5. Николай Зиновьев, из Новгорода.
6. Алексей Михайлович Кутузов, из Москвы.
7. Челищев, из Смоленска.
8. Андрей Кириллович Рубановский, из Петербурга.
9. Александр Николаевич Радищев, из Москвы.
10. Сергей Николаевич Янов, из Калуги.
11. Иван Насакин, из Казани. О двенадцатом неизвестно, был ли он

в Лейпциге.

В 1769 году присоединились к ним: Сергей Адамович Олсуфьев, из Петербурга; Осип Петрович Козодавлев, из Москвы; Николай Петрович Хлопов, из Петербурга; Алексей Григорьевич Теплов, из Петербурга. (Сведения эти заимствованы из заметок о заграничном путешествии академика Я. К. Грота («Известия Академии наук по Отделению русского языка и словесности», 1860, т. 9, выпуск III, стр. 148—160)).

Радищев с товарищами, отправленные из Петербурга в конце 1766 года, были записаны в число лейпцигских студентов 1767 года 26 февраля по новому стилю...

не сделался известным ни в литературе, ни в науках, а имя Радищева принадлежит потомству, как писателя и как патриота. На окончательном экзамене он не блеснул или не старался блеснуть, но профессоры его утверждали, что он сведущ гораздо более тех, которые умели лучше выказать себя. Последствия оправдали это. Он был почти универсальный человек. При глубоком знании законов он имел особенные познания в литературе. Все классические авторы — латинские, французские, немецкие, английские и итальянские — были ему совершенно знакомы, равно и все, что тогда было написано по-русски. Одним словом, это было сокровище познаний, соединенное с превосходным умом и высоким характером. В меди-

---

Профессор Платнер вспоминал об них, особенно о Кутузове и Радищеве, через двадцать лет, разговаривая с Карамзиным (Письма русск. пут. Письмо из Дрездена от 6 июля 1789)...

Другой товарищ, Алексей Михайлович Кутузов¹¹ (мартинист), друг Новикова, был лучшим другом Радищева и даже писал к нему в ссылку. Кутузов, переводчик «Мессиады» Клопштока (2 ч. в тип. комп., 1785—1787), посвященной императрице Екатерине II, и «Юнговых размышлений», умер в Берлине [в] 1795 году. (Об этом переводе «Мессиады» рассказывал Карамзин на ужине дрезденских профессоров (Письма русск. пут. Письмо из Дрездена от 16 июля 1789). Карамзин много говорил, кроме того, о Кутузове. Императрица Екатерина II говорила о «Мессиаде» Клопштока, что она даже и подлинника не понимает).

Между товарищами были также с ним в дружбе Сергей Адамович Олсуфьев, товарищ детства императора Павла I, сын сенатора Адама Васильевича, любителя литературы, бывшего кабинет-министром при Екатерине II, человек умный, но не литератор. Он приехал в Лейпциг из Стокгольма, где первоначально проходил науки, говорил свободно по-французски и по-немецки, знал итальянский и латинский языки. Возвратившись из университета, он служил в конной гвардии, где был шефом великий князь Павел Петрович, очень его любивший как строгого наблюдателя дисциплины, которую тогда немногие отличались. При восшествии на престол великого князя Олсуфьев был уже полковником, находился при корпусе графа Валериана Александровича Зубова в Персии и был произведен в генерал-майоры.

Император Павел Петрович сказал жене его Екатерине Ивановне, пользовавшейся особым благоволением императрицы Марии Федоровны, при которой она до замужества служила: «Катерина Ивановна, теперь-то мы послужим с Сергеем Адамовичем». Корпусу графа Зубова велено было возвратиться в пределы России, а Олсуфьеву дан был полк, находившийся в другой отдаленной части империи. Так как он не успел довольно скоро явиться для принятия полка, то и было оставлен без мундира. Настоящая причина такой неожиданной немилости была не поздняя его явка к полку, ибо он спешил едва не на крыльях, но она произошла от неосторожности его жены. Приехав во дворец к новой императрице Марии Федоровне, она была встречена Иваном Павловичем Кутайсовым, который было подошел к ней к ручке, но она отвернулась от него с презрением; бывши во всегдашних сношениях с бывшей великой княгиней, она знала, какую должность до 1796 года занимал Иван Павлович. После этого случая ее муж был отставлен. Он больше не вступал в службу, был богат и имел 3000 душ в Пензенской губернии...

цине он мог выдержать докторский экзамен, был на практике порядочной медик, лечил удачно, наиболее в Сибири. Химия была одно время любимым его упражнением,¹² и в доме его химическая печь была всегда в деле. У него гнали водку, спирт, купоросное масло, гофмапские капли, воду розовую, земляничную и черемучную. Он знал музыку, играл на скрипке, был ловкий танцор, искусный фехтовальщик, хороший ездок и счастливый охотник с ружьем.

В Лейпциге он был дружен особенно со следующими товарищами. Первый из них Ушаков, которого жизнь была издана им под названием «Житие Федора Васильевича Ушакова» (2 части, СПб., 1789). Ушаков служил в чине коллежского асессора при статс-секретаре Григории Николаевиче Теплове (род. 1725, ум. 1779); служба выгодная, доставлявшая ему в молодых годах блестящее положение и средства к светским рассеяниям; но он оставил службу для наук и был с другими отправлен в университет. Он умер через два года, не окончив курса. Ушаков одарен был красноречием и остроумием и имел особенное влияние на своих товарищей; но он с ранних лет не приучал себя удерживать порывы страстей и чувственности, и, предаваясь им необузданно, положил зародыш той болезни, которая, усилившись от умственных занятий, ускорила смерть, постигшую его на 22-м году от роду. Убедясь, что болезнь его неизлечима, он при распространении по телу Антонова огня обратился к Кутузову и просил его дать ему яду. Кутузов, посоветовавшись с Радищевым, также безотлучно находившимся при больном, отказал Ушакову и тот вскоре умер. Радищев говорит в «Житии Ушакова», что смерть эта оставила ему навсегда глубокое впечатление, которое даже потеря обожаемой супруги не могла изгладить из его сердца.

Другие товарищи, бывшие в дружбе с Радищевым, — Сергей Николаевич Янов и Челищев. Челищев говорил, что Радищев помогал ему изучать французский язык. Он был богат, человек набожный и выпльчивый, имел певчих и заставлял их дома петь обедню и молился, стоя на коленях. Если который-нибудь певчий ошибался, пев фальшиво, он вскакивал, бил его и потом опять, стоя на коленях, продолжал молиться.

При конце своей жизни он имел с казною процесс, по которому у него имение было отобрано. Казна предлагала ему 50 000 рублей вознаграждения, но он требовал 100 000, потому, говорил он, что для осуществления какого-то проекта ему нужно было не менее этой суммы. Он был уже слеп и умер в большой бедности, получая пособие от Олсуфьева. Челищев питал глубокое уважение к Радищеву. С ним случилось происшествие, описываемое в «Путешествии» (о лодке с пассажирами, ставшей на мель недалеко от Систербека).

Все эти молодые люди были недовольны своим гофмейстером и его женою, которые, между прочим, слишком экономизировали в свою пользу казенные деньги и пр.

Другой товарищ, Алексей Михайлович Кутузов, мартирист, друг Новикова, был лучшим другом Радищева и даже писал к нему в место его ссылки. Кутузов, переводчик «Мессиады» Клопштока (2 ч. в тип. комп. 1785—1787), посвященной императрице Екатерине II, и «Юнговых размышлений», умер в Берлине в 1795 году.

Между товарищами были также Сергей Адамович Олсуфьев, сын сенатора Адама Васильевича (любителя литературы, бывшего кабинет-министром при Екатерине), человек умный, но не литератор. Осип Петрович Козодавлев, автор комедий «Перстень» (СПб., 1780), «Нашла коса на камень» (СПб., 1781) и других пьес, бывший при Александре I министром внутренних дел и временно народного просвещения. С ним Радищев не был в короткой связи, и Козодавлев считался у товарищей бездарным и даже без основательных познаний. Товарищи его уверяли, что все сведения Козодавлева ограничивались изучением каталогов. Об нем поэт Хвостов¹³ (не граф) написал: «О. К. (Он — Како), друг Крамзы (то есть Державина, Мурзы)

... но только друг нахальной,
Кем изуродован, как бабкой повивальной,
Малерб Российских стран, пресладостный певец».

Для объяснения этого надобно сказать, что Осип Петрович, сотрудник издававшегося при Академии «Собеседника любителей русского слова» (16 ч., СПб., 1783—1784), по указанию княгини Дашковой, президента Российской Академии, трудился над новым изданием Ломоносова (6 томков, in 4°, СПб., 1784—1787). Взяв на себя необходимые поправки, он вздумал исправлять ошибки против языка и грамматики, встречающиеся у Ломоносова, но, не имея вкуса, часто искажал автора. Наконец, к числу друзей Радищева принадлежал Андрей* Кириллович Рубановский (на племяннице которого женился впоследствии Радищев), необыкновенно прилежный, посвящавший каждый день 14 часов на учение, но от того нимало не успевавший в науках. Его товарищи, узнав, что одна молодая девушка была в интересном положении, имея связь с Рубановским, шутя удивлялись, как он мог улучшить время для любовной интриги.

Товарищи Радищева были также: Сергей Николаевич Янов и Челищев, но только неизвестно, были ли они с ним в Лейпциге или в Пажеском корпусе. Они были с ним в большой дружбе. Происшествие, о котором говорится в главе «Чудово» в «Путешествии», случилось с Челищевым.

* В рукописи П. А. Радищева ошибочно написано: Матвей.

Все эти молодые люди были недовольны своим гофмейстером и его женою, которые, между прочим, слишком экономничали в свою пользу, расходуя казенные деньги. Они часто с ним ссорились и на него жаловались, но бесполезно. Выбор этого наставника не соответствовал благонамеренной цели императрицы: он не знал русского языка, не имел никаких сведений, был корыстолюбив, зол, хотел образовать питомцев своих палкой. Выведенная из терпения, эта молодежь явно на него восстала, за что непокорные были посажены под арест. Наконец, после не дошедших по назначению жалоб русскому министру в Дрездене, князю Белосельскому, один из их учителей отправился нарочно в Россию и повез от них просьбу. Тогда уже приказано было князю освободить молодых людей. Они остались в Лейпциге, но уже почти совсем вышли из-под ферулы Бокума. Они намеревались было удалиться чрез Англию в Северную Америку и, к счастью, удержаны от пагубного предприятия благоразумными мерами посланника князя Белосельского.

Гофмейстер Бокум имел странности. Он считал себя силачом, что заметили молодые люди и постарались его вышутить. Призывают лакея длинного, сильного бороться с гофмейстером, наказав лакею, чтобы он поддавался после упорной схватки. Эта сцена по временам возобновлялась к удовольствию наставника и учеников. Гофмейстер любил также пускаться в философические прения. Когда возникал какой-нибудь вопрос, сначала он его разбирал и определял с большою ясностью. Но когда дело доходило до доводов и до последствий, он терялся и говорил вздор. Такого рода наставник не мог быть по вкусу молодых людей, ищущих просвещения, ни быть уважаемым ими.

Проезжавший чрез Лейпциг русский офицер Θ ... снабдил наших студентов книгой Гельвеция¹⁴ «О разуме» (De l'Esprit), появившейся в 1758 году, которая есть одно из сильнейших проявлений материализма. Резкость этой книги очень им понравилась. Они изучили ее и привели этим в восхищение Гримма,¹⁵ рассказывавшего потом с торжеством Гельвецию в Париже про успехи новых адептов его школы. Но это были только увлечения юности, от которых они впоследствии совершенно отказались. Кутузов даже сделался мартинистом и приглашал, но безуспешно, Радищева вступить в это общество, о чем у них была философическая переписка.

Года через четыре настало время возвратиться на родину. В восхищении и не помня себя от радости они приближались к границе и, наконец, увидели себя на своей стороне. Радищев вступил (1771) в гражданскую службу протоколистом в Правительствующем Сенате в чине титулярного советника. Не-

приятное товарищество с приказными и гордое обращение старших заставили Александра Николаевича перейти в должности обер-аудитора к графу Брюсу, временно начальствующему в Петербурге в 1771 году для охранения столицы от чумы и бывшего впоследствии (с 1786 года) с.-петербургским главнокомандующим. Эпоха эта была приятнейшею в его жизни. Посещая с начальником свои лучшие петербургские общества, Радищев образовал в них вкус свой, получил приятность, ловкость в обхождении. Между тем, любя пламенно отечество, он старался усовершенствоваться в русском языке у Александра Васильевича Храповицкого,¹⁶ бывшего тогда гвардии офицером, и под его руководством перевел с французского рассуждение Монтескье «О величии и упадке римлян»,¹⁷ изданное Новиковым. Через четыре года Радищев вышел в отставку секунд-майором, женился в 1775 году и снова вступил в службу в 1776 году ассессором в Коммерц-коллегию, президентом которой был граф Александр Романович Воронцов (род. 1742, ум. 1805, был государственным канцлером). Граф принял сначала сотрудника своего очень сухо, полагая, что он, несмотря на его ученость, человек светский, рассеянный; но Александр Николаевич целый год занимался только чтением журналов и определений коллегии, стараясь вникнуть в существо дел, узнать течение оных, законы, и между тем усовершенствовал себя в отечественном языке. Скоро познакомился он с делопроизводством и начал оказывать непреклонность, твердость характера, оспаривая мнения не только сочленов, но самого президента. К чести гр. Воронцова Радищев правдушием своим приобрел совершенную его доверенность и за оказанное упорство — так отзывались о нем товарищи — награжден чином надворного советника. Когда открылась С.-Петербургская губерния (1780 год) по новому образованию, изложенному в Учреждении, таможенные дела перешли в ведение третьего советника Казенной палаты. В эту должность определен действительный статский советник Даль, умный, ученый, сведущий по порученной ему части, но престарелый и не знавший русского языка. Александр Николаевич поступил к нему в помощники, участвовал вместе с ним в устройении С.-Петербургской таможни и по причине слабого здоровья Далья один управлял таможенными делами С.-Петербургской губернии. Как главная торговля России производилась с Великобританиею, а Радищев, искусный в латинском, немецком и французском языках, не разумел английского, то, желая освободиться от зависимости своего переводчика, он, несмотря на многотрудную должность, начал учиться по-английски, имея уже более 30 лет, и через год мог объясняться свободно и правильно на этом языке и понимать Шекспира и Мильтона.

Усердная служба его награждена чином коллежского советника и орденом св. Владимира 4-й степени. Далю рекомендовано было составление нового тарифа, которое он возложил на Радищева, потому что сам плохо знал русский язык, был стар и болезнен, так что Радищев один почти, без его участия, занимался и привел его к окончанию. Даль был награжден, а Радищев, совершавший весь труд, получил только тысячу рублей награждения. Но он не искал богатства. Однажды книгиня Дашкова сказала ему: «Александр Николаевич, я знаю, что ты часто претерпеваешь нужду. Что тебе надобно? Теперь я очень сильна при дворе и могу много для тебя сделать». Радищев отвечал: «Мне ничего не надобно», — как Аристид,¹⁸ с которым богатый родственник хотел поделиться своим состоянием.

Свадьба Радищева происходила следующим образом. Рубановский, о котором выше упомянуто, познакомил Радищева с семейством своего брата Василия Кирилловича, имевшего трех дочерей. Старшая, Анна Васильевна, была уже взрослая девица, две меньшие воспитывались в Смольном монастыре. Радищев влюбился в Анну Васильевну, и она отвечала его страсти, но мать ее долго противилась их союзу, надеясь породниться с придворной знатью. Однако, видя, что любовь их не ослабевает, но еще усиливается от препятствий, родители после нескольких лет ожидания согласились их соединить. Все отправились в Москву для свадьбы, которая должна была происходить в доме родителей Радищева. Это было в 1775 году, вскоре после чумы. Рубановский там умер. Смерть его была большою потерей для его семейства, потому что он имел очень выгодное место в Придворной конторе и мог составить своим детям порядочное состояние.

В ту минуту, как жених с невестой поехали к венцу, лошади понесли, что сочтено было дурным предзнаменованием. Действительно, счастливые супруги прожили вместе только восемь лет. Анна Васильевна, даровавшая своему мужу трех сыновей и одну дочь (две дочери умерли в малолетстве), скончалась в августе 1783 года, вскоре после рождения третьего сына, того именно, который сообщает эти подробности. Смерть ее приключилась от испуга. Она уже начала оправляться после родов, как вдруг в одно утро ударили в трещетки по причине случившегося пожара. В Петербурге было тогда такое обыкновение. Анна Васильевна была пуглива, нрава впечатлительного и хотя веселого, но скоро переходила к грусти. Медики говорили, что молоко поднялось кверху и она, еще слабая, не могла перенести этого кризису. Радищев был в отчаянии. Его свояченицы,¹⁹ вышедшие незадолго перед тем из Смольного монастыря, взялись воспитывать его детей. Вот эпитафия, сочиненная Радищевым своей жене:

О, если то неложно,
 Что мы по смерти будем жить,
 Коль будем жить, то чувствовать нам должно,
 А если чувствовать — нельзя и не любить.
 Надеждой сей себя питаю
 И дни в тоске препровождая,
 Я смерти жду, как брачна дня:
 Умру и горести забуду.
 В объятиях твоих я паки счастлив буду.
 Но если то мечта, что сердцу льстит мапя,
 И ненавистный рок отъял тебя навеки,
 Уж больше нет отрад, да льются слезны реки.
 Тронись, любезная, стенаниями друга:
 Се предстоит тебе в объятиях твоих чад.
 Не можешь коль прейти свирепых смерти врат.
 Явись хотя в мечте, утешь и тем супруга.

Александр Николаевич полагал, что самый счастливый человек в мире тот, кто имеет хорошую жену.

А. В. Радищева была похоронена в Невском монастыре, где супруг ее хотел поставить ей памятник с этой эпитафией, но ему не позволили, потому что в ней выражается недостаточная уверенность в бессмертии души. Памятник поставлен был в лабиринте, на конце сада, принадлежавшего к дому Радищева.

Даль, удрученный летами и болезнями, просился в отставку; Радищев правил его должностью. Уверенная в непоколебимой честности и совершенном бескорыстии Радищева, государыня удостоила его важными поручениями: при начале шведской войны ему велено арестовать и описать шведские корабли,* сделать обыск запрещенных товаров во всех петербургских лавках и магазинах. По смерти Даля Радищеву окончательно поручено было управление С.-Петербургской таможней. На это место было много искателей, имевших сильную протекцию. Но Екатерина всем отказала, говоря: «У меня для этого места есть достойный человек», — и назначила Радищева, бывшего тогда в чине коллежского советника и кавалером св. Владимира 4-й степени. Он был приверженцем

* В первоначальной редакции биографии, опубликованной В. П. Семениковым, сказано: «Во время Шведской войны, когда Петербург был приведен в трепет угрозами Густава III, обещавшего прийти обедать в эту столицу, а ужинать в Москву, Радищев имел намерение собрать охотников и наскоро вооружить их для защиты города; но так как «Горе-Богатырь» оказался слишком слаб для своих гигантских предприятий и даже был разбит, то и план Радищева оставлен им без последствий.

«Горе-Богатырь» — комедия, сочиненная Екатериною во время Шведской войны. Это карикатура на Густава III. Она была играна в Эрмитаже. Но на публичном театре никогда не представлялась и даже была напечатана, как «Иван-Царевич» и «Февсей» и пьесы в Théâtre de L'Hermitage.²⁰

свободной торговли и сколько можно способствовал ходу коммерции. Он отличался неусыпною деятельностью и совершенным бескорыстием — добродетелью, редкою во всякие времена. Служа так долго при таможене, он мог бы нажить большое состояние, но всегда этим гнушался. Однажды попался русский купец с контрабандою; она состояла из дорогих материй, парчи и тому подобного. Купец является в кабинет Радищева, просит, чтоб пропустить его товар, и подает ему большой пакет с ассигнациями. Его велели вытолкать. На другой или на третий день приезжает жена этого купца к жене Радищева, бывшей в постели после родов, и кладет ей золотой на зубок. Поговорив о своем деле, она отправилась домой. По уходе ее заметили, что в углу другой комнаты оставлен большой кулек, набитый дорогими парчами, материями и пр. Тотчас посылают верхом лакея догнать купчиху и бросить ей кулек на дрожки. Однако ж купец нашел протекцию у князя Потемкина, и ему велели возвратить товар. Радищев сказал: «Ну вот и хорошо! Теперь мне нечего говорить». Подобные случаи часто встречаются в таможене. Радищев рассказывал, что, служа в таможене, он имел однажды случай положить в карман вдруг полтора миллиона из каких-то забытых или пропущенных сумм, не значившихся по счетам, только взяв в часть двух или трех человек. Однако ж демон корысти его не соблазнил.

Но самые честные люди не избегают злоречия и подозрений. В то самое время, как Радищев сделан был директором таможи, его отец, имевший свой конский завод, прислал ему четверку прекрасных каретных лошадей. Одна знатная дама (А. Н. Нарышкина), увидевши его экипаж, вскричала: «Вот Радищев, не успел попасть в директоры таможи, сейчас и явилась новая четверня». Многие осуждали его за то, что он не пользуется таким хорошим случаем сделать себе хорошее состояние (*Se charger la conscience pour que son fils puisse etre un gros seigneur*).²¹ Но он был патриот, философ XVIII века и презирал эти суждения. Преемник его в должности директора С.-Петербургской таможи Миркович, пробыв менее года в этой должности, вышел в отставку с полумиллионом в кармане, приобретенным в такое короткое время.

Все свободное от службы время Александр Николаевич посвящал учению. Он сочинил «Историю Российского Сената», которую уничтожил впоследствии; имел философическую переписку с А. М. Кутузовым, желавшим привлечь его в общество мартинистов, на что Радищев не соглашался; написал жизнь товарища своего по Лейпцигскому университету Ушакова, изданную в С.-Петербурге в 1789 году, о которой при появлении ее Державин отзывался с большим неодобрением;²²

но главное творение его — «Путешествие из С.-Петербурга в Москву», напечатанное в 1790 году.

Следующий случай показывает, что Радищев имел юридический такт и знал законы практически. В С.-Петербурге был некто Степан Андреев, чиновник не из дворян, наживший себе в службе порядочное состояние; он имел дом, жил очень хорошо, что возбуждало зависть его соседей, знавших его прежнюю бедность. Впрочем, он был человек добрый. В доме его находились комнаты, отдававшиеся впаймы; одну из них, подле хозяйской, нанимал уже несколько месяцев какой-то губернский секретарь. Приезжает богатый купец и нанимает комнату также подле хозяйской, но с другой стороны, так что хозяева жили между двумя квартирующими. В один большой праздник Степан Андреев с женою уходит к заутрени и запирает свою комнату. Возвратясь, они очень спокойно занимаются своими домашними делами. Приезжий купец очень долго не показывается. Думали, что он спит; наконец, решаются к нему взойти и находят его лежащим на полу, убитым и плавающим в крови; деньги его были похищены. Первое подозрение пало на Степана Андреева; в его комнате нашли даже кровавые следы. Напрасно он оправдывался небытием дома (*alibi*²³), нахождением в церкви; никто из завистливых соседей не подтвердил его показаний и ничего не говорили в оправдание его. Все улики были против него. Члены суда, в котором это дело производилось, единогласно приговорили его к лишению чина, телесному наказанию, как не дворянина, и ссылке в Сибирь на каторгу. Один только из присутствующих был противного мнения. Радищев, находя, что улики недостаточны, и по разным домекам полагая Степана Андреева невинно подозреваемым и потому видя в этом деле натяжки, не подписал приговора и подал свое мнение; но за всем тем Степан Андреев был лишен прав состояния, наказан и сослан. Через несколько лет после этого происшествия, когда Радищев был уже в Сибири, перед восшествием на престол императора Павла I, губернский секретарь, квартировавший у Степана Андреева, учинил в Казани смертоубийство и, быв приговорен к каторге, признался в других преступлениях, между прочим — в убийстве богатого купца в доме Степана Андреева. Степан Андреев был возвращен, и, когда Радищев опять служил в С.-Петербурге в должности члена Комиссии по составлению законов, Степан Андреев явился к нему и благодарил его за заступничество, хотя и бесполезное.

Года за два или за три до своего несчастья Радищев купил у Фридрихса дачу на Петровском острове²⁴ за 6000 рублей на имя старшей своей свояченицы, куда и переселялся летом со всем своим семейством. Место было большое, на берегу Малой

Невки, в виду Крестовского острова. Он построил там небольшой деревянный дом в два этажа. Комнаты были небольшие, кроме средней гостиной, над которой была в верхнем этаже галерея. Прогулка была приятная, по лесочкам везде подсланы были мостики. Через весь остров пролежала большая аллея, на конце которой был летний дворец великого князя Павла Петровича; близ него располагался лагерь Греческого кадетского корпуса. Тогда еще не было моста через Малую Невку, экипажи перевозили на плоту, нарочно для сего устроенному. Сверх того была для перевоза лодочка. Верочка, солдатская дочь, перевозила за грош с человека. Иногда занимали шлюпку для вечерних прогулок. Здесь его постигло несчастье.

В городе он имел дом на Грязной улице²⁵ (ныне Николаевская), недалеко от церкви Владимирской божьей матери, в приходе Знамения, недалеко от Невского проспекта. На дворе был дом деревянный, принадлежавший его тестю Рубановскому, а на улицу был построен каменный двухэтажный, с двумя большими залами и где помещалась его домашняя типография. Подле дома был большой сад, в середине которого был пруд, а на конце березовой аллеи лабиринт с памятником Анны Васильевны. В саду было много фруктовых деревьев, розовых кустов, много клубники и большие гряды спаржи.

По напечатании «Путешествия» и когда Радищев начал догадываться, что дело об этой книге принимало дурной оборот, он имел средства избежать ожидавшей его участи. Рига была тогда пограничным городом, и он мог переехать 500 или 600 верст, отделяющие ее от С.-Петербурга, и скрыться за границу прежде, нежели бы подумали его арестовать; но он боялся подвергнуть свое семейство, а особенно двух своячениц, полицейскому допросу и, может быть, дурным последствиям и лучше решил пожертвовать собою для их безопасности.*

В 1789 году, в то время как началась Французская революция, Радищев был уже директором С.-Петербургской таможни. Он был в короткой, дружеской связи с графом Александром Романовичем Воронцовым. Граф с некоторого времени не имел первого значения при дворе, чему было причиною донесение, сделанное им о Рязанской и Тамбовской губерниях, которые он ревизовал с сенатором Нарышкиным, и не соответствовавшее видам императрицы. В это время Радищев написал «Путешествие из С.-Петербурга в Москву» (СПб., 1790, in 8°, стр. 458), по уверению некоторых, по внушению графа; обстоятельство сомнительное и основанное на одних догадках. «Путешествие» это посвящено Алексею Ми-

---

* После этого абзаца в черновой рукописи имеется подзаголовок: II. Ссылка в Сибирь.

хайловичу Кутузову. Оно разделено на 23 главы, из которых первая называется «Выезд», а прочие оглавлены именами станций между обеими столицами. В этом «Путешествии» автор рассказывает злоупотребления и несправедливости, поражающие его в дороге. Он говорит о плачевной участи крепостных людей с сожалением. Во сне (глава «Подберезье») он видит монарха,²⁶ которого министры обманывают, льстецы превозносят до небес, представляют ему, что золотой век настал в его владениях, между тем как в действительности горькая противоположность достигала ужасных размеров.*

* После этого абзаца в черновой рукописи имеется следующее дополнение:

Ода «Вольность» явно была сочинена под влиянием революционного духа, распространившегося в Европе. Она начинается так:²⁷

О дар небес благословенный!
Источник всех великих дел!
О вольность! Вольность! Дар бесценный!
Позволь, чтоб раб тебя воспел.
Исполни сердце своим жаром
И сильных мышц своих ударом
Во свет рабства тьму претвори.
Да Брут и Телль еще проснутся,
Седяй во власти, да смянутся
От гласа твоего цари.
Я в свет изшел, и ты со мною,

и пр.

В другой строфе изображается взрыв революции:

Я зрю — меч остр везде сверкает,
В различных видах смерть летает,
Над гордою главой паря.
Ликуйте склепанны народы!
Се право мщненное природы
На плаху возвело царя.

Сковав сторука Исполина,
Влекут его как Гражданина
К престолу, где народ воссел.
Преступник власти, мною данной,
Вещай, злодей, мною венчанной,
Против меня восстать как смел?
Тебя облек я во порфиру
Блаженство в обществе блюсти,
Вдовицу призирать и сиру
От бед невинность чтоб спасти.
Но ты, забыв мне клятву данну,
Забыв, что я избрал тебя
Себе в утеху быть венчанну,
Возмнил, что ты господь, не я.

Умри, умри же ты стократ.

И это обращение к Кромвелю:

Великий муж, коварства полный,
Ханжа и льстец и святотать,

Этого достаточно было, чтобы раздражить и встревожить императрицу. Она предположила, что есть злой умысел против нее, а потому Радищева велела посадить в крепость (июнь, 1790 год).

В записках Храповицкого находится об этом следующее: «Государыня говорила (26 июня) о книге „Путешествие из С.-Петербурга в Москву“: „Тут рассеяние заразы французской. Автор мартирист. Я прочла 30 страниц. Посылала за Рылевым (овер-полицмейстером). Открывается подозрение на Радищева, а он препоручен Шешковскому и сидит в крепости“».

В июне (1790) полицейский офицер является в дом Радищева, берет его под арест и везет к главнокомандующему графу Брюсу. Едва они вошли в переднюю, является человек, у которого спрашивают: «От кого он?». «От Шешковского», — был ответ. Радищев падает в обморок. Его везут в крепость, обременяют оковами и отдают в распоряжение Шешковскому (действительный статский советник).*

Один ты в мире сей благотворный
Пример великий мог подать.
Я чту, Кромвель,²⁸ в тебе злодея,
Что власть в руке своей имея,
Ты твердь свободы сокрушил;
Но научил ты в род и роды,
Как могут мстить себя народы:
Ты Карла на суде казнил.

Этого было слишком достаточно, чтобы раздражить и встревожить Екатерину. В особенности же выражения: «На плаху возвело царя», «Ты Карла на суде казнил» — ей казались дерзкими. Она вообразила, что есть заговор против нее и революция готова вспыхнуть в Петербурге, а потому Радищева велела посадить в крепость. В записках Храповицкого находится об этом следующее...

* После этого абзаца в черновой рукописи написано:

Шешковский был при Екатерине то же, что Фукке-Тепвиль у Робеспьера,²⁹ Тигеллин³⁰ у Нерона, Малюта Скуратов у царя Ивана Васильевича, Тристан л'Эрмит³¹ у Людовика XI, между тем человек очень набожный. Каждый день в обедню вынимали для него три проsvиры. Низкий происхождением, воспитаннем и душевными качествами, Шешковский был грозой двора и столицы. Ему препоручена была Екатериною II Тайная экспедиция, и этот великий инквизитор России исполнял свою должность с ужасной аккуратностью и суровостью. Он действовал с отвратительным самовластием, без малейшего снисхождения и сострадания. Шешковский сам хвалился, что знает средство вынуждать признания, а именно он начинал тем, что допрашиваемое лицо хватит палкою под самый подбородок так, что зубы затрещат, а иногда и выскакивают. Ни один обвиняемый при таком допросе не смел защищаться под опасением смертной казни. Всего замечательнее то, что Шешковский обращался таким образом только с знатными особами, ибо простолюдины отдаваемы были на расправу его подчиненным. Таким образом вынуждал Шешковский признания. Наказание

Шешковскому препоручена была Тайная экспедиция. Низкий происхождением, воспитанием и душевными качествами, он был, однако же, человек очень набожный и каждый день в обедню для него вынимали три просфоры. Он исполнял свою должность с аккуратностью, без малейшего снисхождения и сострадания и нередко наказания исполнял своеручно. Он хвалился, что знает средство вынуждать признания. В конце царствования Екатерины II он был тайный советник и кавалер ордена св. Владимира 2-й степени, был чрезвычайно богат,

знатных особ он исполнял своеручно. Розгами и плетью он сек часто. Кнутом он сек с необыкновенной ловкостью, приобретенной частым упражнением. Однажды князь Потемкин, после продолжительного отсутствия возвратившийся в Петербург, заметив между явившимися посетителями Шешковского, спросил у него при всех: «Много ли в мое отсутствие ты пересек персон из своих рук кнутом?». Тот, однако же, устыдясь, благодарил уклончиво за такую милостивую насмешку. По делу о карикатурах и ругательных сочинениях в осьмидесятих годах несколько придворных особ были у него в переделке. В С.-Петербурге у него было много дела всякий день, однако ж он был послан и в другие города. Когда, например (что очень часто случалось), многими недовольными в Москве были говорены неприличные речи и это доходило до сведения императрицы, она, как в девяностых годах, полагала в них видеть семена возмущения и старалась его подавить. Она прислала туда Шешковского. Вся Москва вострепетала, и это дело по оптрафованию нескольких лиц было оставлено. Совестно было бы оглашать имена некоторых господ и дам в знатнейших городах империи, которых он наказывал. Неизвестно, жил ли Шешковский при фидантропическом Александре I, но он тогда совершенно был бы без дела. В конце царствования Екатерины II этот палач был тайный советник и кавалер ордена св. Владимира 2-й степени. Он был чрезвычайно богат, ибо при каждом случае получал подарки деньгами и крестьянами. В 1793 году, по случаю мира с Турцией, он получил пенсию в 2000 рублей, хотя нисколько ему не содействовал. Вот какому человеку отдан был в распоряжение несчастный Радищев.

В записках Храповицкого находим еще: «2-го июля она продолжала писать примечания на книгу Радищева, а он препоручен Шешковскому и сидит в крепости. 7-го июля государыня примечания на книгу Радищева велела послать к Шешковскому. Она сказала: „Он бунтовщик хуже Пугачева“, — показала ему, что в конце книги он хвалит Франклина и себя таким представляет. Она говорила с жаром и чувствительностью».

Присланные эти замечания, собственноручные Екатерины, указывали довольно великому инквизитору, чего от него требуют. Неизвестно, как происходили допросы, но верно то, что каждый день из дома Радищева посылался верный служитель, камердинер его Петр Иванов Козлов, с гостинцами к грозному Шешковскому от имени старшей спячницы, и получался всегда удовлетворительный ответ: «Степан Иванович приказал кланяться, все, слава богу, благополучно, не извольте беспокоиться». Даже один раз Елисавете Васильевне позволено было увидеться в крепости с Александром Николаевичем. Она и сестра ее с детьми жили тогда на даче на Петровском острове. Елисавета Васильева наняла шлюпку и, взяв с собою четырнадцатилетнего старшего сына Радищева, съездила в крепость.

ибо при каждом случае получал подарки деньгами и крестьянами. Неизвестно, как происходили допросы, но верно то, что каждый день из дому Радищева посылался верный служитель, его камердинер Петр Иванович Козлов, с гостинцами к грозному Шешковскому от имени старшей свояченицы Елизаветы Васильевны, за которые она получала всегда ответ успокоительный: «Степан Иванович приказал кланяться, все, слава богу, благополучно, не извольте беспокоиться». Даже один раз Елизавете Васильевне позволено было увидеться в крепости с Александром Николаевичем. Она и сестра ее жили тогда с детьми Радищева на своей даче на Петровском острове. Елизавета Васильевна наняла шлюпку и, взявши с собою четырнадцатилетнего старшего сына Радищева, съездила в крепость.

В записках Храповицкого находим еще: «2 июля она продолжала писать примечания на книгу Радищева, а он препоручен Шешковскому и сидит в крепости. 7 июля государыня примечания на книгу Радищева велела послать к Шешковскому. Она сказала Храповицкому: „Он бунтовщик хуже Пугачева“, — показала ему, что в конце книги он хвалит Франклина и себя таким представляет“».*

13 июля императрица писала к главнокомандующему в С.-Петербурге генерал-аншефу графу Брюсу: «Граф Яков Александрович! Недавно издана здесь книга под названием „Путешествие из С.-Петербурга в Москву“, наполненное самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное к властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвести в народе негодование против начальников и начальства, наконец, оскорбительными выражениями противу сана и власти царской. Сочинителем сей книги оказался коллежский советник Александр Радищев, который сам учинил в том признание, присовокупив к сему, что после цензуры Управы благочиния внес он многие листы в помянутую книгу, в собственной его типографии напечатанную, и потому взят под стражу. Таковое его преступление повелеваем рассмотреть и судить порядком в Палате уголовного суда С.-Петербургской губернии и, заключа приговор, извести в Сенат наш. Пребываю к вам благосклонная Екатерина».

---

* «Путешествие», в последней главе «Слово о Ломоносове»: «Ужели поставим его близ удостоившегося наилестнейшей надписи, которую человек под изображением своим зреть может, — надписи, начертанной не ласкательством, но истиною, дерзающею на силу: „Се исторгший гром с небеси и скипетр у тиранов“ (Франклин)».

Там же: «Не достойны разве признательности мужественные писатели, восстающие на губительство и всесилие для того, что не могли избавить человечество из оков и пленения?». (*Примеч. П. А. Радищева*).

Дело о Радищеве³² вследствие предложения главнокомандующего графа Брюса началось в С.-Петербургской палате уголовного суда 15-го июля 1790 года.

Вопросные пункты, ему заданные в палате:

Вопрос 1-й. С каким намерением сочинили вы оную книгу?

Ответ. Намерения при сочинении другого не имел, как быть известным в свете между сочинителями и дабы прослыть таковым, то есть остроумным писателем.

[Вопрос] 2-й. Кто именно вам были в этом сообщники?

Ответ. Никого сообщников в том не имел.

[Вопрос] 3-й. Чувствуете ли важность своего преступления?

Ответ. Чувствую во внутренности моей души, что книга моя дерзновенна и приношу в том мою повинность.

[Вопрос] 4-й. Сколько напечатано вами оных экземпляров и из того выпущено в свет и кому сами раздавали?

Ответ. Напечатано было этой книги около 650 экземпляров, более или менее утвердительно сказать не упомяну. Из того числа продано на деньги и променено на книги купцу Зотову 25 экземпляров; да роздано мною: 2 экз. г. Козодавлеву, для него и для Державина; 1 — прапорщику Дарагану; один — ротмистру Олсуфьеву; 1 — иностранцу Вицману; один хотел дать надзирателю Царевскому, но дал ли или нет, того не помню; один назначен в отсылку к г. Кутузову в Берлин, который запечатанный отдан мною г. Вальцу, но не отослан. И как я узнал, что в городе стали принимать ее в дурном смысле, то почувствовал сам омерзение к моему сочинению. Экземпляры все остальные сжечь велел, и по моему приказанию служителем моим Давыдом Фроловым сожжены, о чем доносил я главнокомандующему при взятии меня под стражу.

[Вопрос] 5-й. Объясните нам по силе указа 768 года октября 20-го о службе своей.

Ответ. В малолетстве моем служил я при дворе ее императорского величества пажем и посылан был в Лейпцигский университет на казенном иждивении. По возвращении оттуда, в 1771 году, определен в должность протоколиста в Правительствующий сенат с чином титулярного советника; в 1773 взят в штаб е. с. графа Я. А. Брюса в обер-аудиторы; в 1775 году вышел в отставку с чином секунд-майора; в 1777 году определен в Коммерц-коллегию ассессором и происходил чинами, как то значит в послужном списке. Сие писал и руку приложил Александр Радищев.

Значущие чины: Осип Козодавлев, коллежский советник и ордена св. Владимира кавалер, находится при народных училищах; Гаврила Державин, статский действительный советник, находится здесь в Петербурге; прапорщик Дараган³³ находится при таможне в числе определенных для познания

дел; Сергей Олсуфьев — ротмистр конной гвардии; Вицман³⁴ — имени не знаю — живет в Измайловском полку при школе; Александр Царевский³⁵ — надзиратель при таможене у разъезда при судах; Алексей Кутузов — отставной премьер-майор; г. Вальц³⁶ находится при г. вице-канцлере.

В 1790 году июля 19-го дня в присутствии Палаты уголовного суда по увещанию священническому показываю, что значущую в ответе моем книгу сочинял не в каком злоумышлении, но единственно, чтобы прослыть писателем; а также сообщников в сочинении оной никого не имел, в чем и подписуюсь. А. Радищев. Оного Радищева увещевал церкви Вознесения господня священник Матвей Иванов, 1790 года, июля 19-го.

Формулярный список, присланный из Казенной палаты: Из дворян. — Именья не имеет. — Пажем 1762. — Титулярный советник 771. — В штабе генерал-аншефа графа Я. А. Брюса обер-аудитором 773. — Армии секунд-майором 775. — В Государственной Коммерц-коллегии на ассессорской вакансии 777. — Коллежским ассессором с старшинством произведения в секунд-майоры 779. — По именному ее величества указу определен в помощ статскому советнику Далю к таможенным делам 780. — Надворным советником этого же года 18-го декабря. — В нынешнем чине 783, ноября 24. — В походах не бывал. — В штрафах и подозрениях не бывал. — В отставке был с награждением чина. — В нынешнем чине в отпуску не бывал. — Вдов.

Корректурa моей книги делана мною действительно вся, и все поправки, которые в ней находятся, делал я своею рукою. Если иные места кажутся отменны, то для того, что писаны рачительнее, дабы наборщик не мог ошибиться и не было бы нужды делать еще поправки, в чем и подписуюсь. А. Радищев, июля 24-го дня 1790 года.

По предложению главнокомандующего графа Я. А. Брюса в Уголовной палате заседающие оную книгу читали, не впуская во время чтения в присутствие канцелярских служителей, и по прочтении имея нужду опросить Радищева о подлежащем, а как оный находится в крепости, то по распоряжению главнокомандующего могли всякий раз, когда в нем будет надобность, посылать экзекутора Губернского правления в крепость для истребования его от коменданта и потом паки отсылать в крепость с тем же экзекутором с тем, чтобы при принятии и отправлении обратно иметь всякую предосторожность, которую должно иметь со столь важным преступником, и брать наемную карету, вследствие чего по рассмотрении книги и окончании допросов палата заключила следующий приговор.

Хотя означенный Радищев и показал, что чувствует во внутренности души своей, что та книга есть дерзновенна и приносит в том свою повинность, да и что сочинил ее не в злоумышленном намерении, но единственно только, чтоб прослыть сочинителем остроумным, но однако ж палата, рассматривая оную книгу, находит, что она показывает совсем противное, а потому его, Радищева, за сие преступление мнением полагает: лиша чинов и дворянства, отобрав от него орден св. Владимира 4-й степени, по силе Уложения 22-й главы 13 пункта, воинских 20, 127, 135, 137, 149 артикулов и 101 толкования, а также Морского устава 5-й книги, 14 главы, 103 артикула и на оный толкования, казнить смертию, а показанные сочинения его, сколько отобрано будет, истребить; но как состоявшегося 785, апреля 21-го Дворянского положения в 13-й статье сказано, что дело благородного, впадающего в уголовное преступление и по законам достойного лишения дворянского достоинства, или чести, или жизни, да не вершится без внесения в Сенат и конфирмации императорского величества, дело для представления в Пр. сенат взнести к главнокомандующему графу Брюсу. Послано Июля 25.

В записках Храповицкого сказано: «Августа 11-го доклад о Радищеве с приметною чувствительностию приказала рассмотреть в Совете, чтоб не быть пристрастною и объявить, чтобы „не уважали до меня касающееся, понеже презираю“».

Сентября 8-го дня 1790 года Губернское правление, слушав указ Пр. сената, что по именному ее императорского величества высочайшему указу, данному сентября 4-го дня за собственноручным ее величества подписанием, коллежский советник Александр Радищев оказался виновным изданием (вышеупомянутой) книги, сверх того учинил лживый поступок прибавкою после цензуры многих листов, в чем и признался; за таковое его преступление осужден от Палаты уголовных дел С.-Петербургской губернии, а потом и Сенатом нашим на основании государственных узаконений к смертной казни; и хотя по роду столь важной вины заслуживает он сию казнь, но мы, последуя правилам нашим, чтоб соединить правосудие с милосердием, для всеобщей радости, которую верные подданные наши разделяют с нами в настоящее время, когда всевышний увенчал наши неусыпные труды на благо империи, от него нам вверенной, возделенным миром с Швециею, освобождаем его от лишения живота и повелеваем вместо того, отобрав у него чины, знаки ордена св. Владимира и дворянское достоинство, сослать его в Сибирь, в Илимский острог на 10-летнее безысходное пребывание: имение же, буде у него есть, оставить в пользу детей его, которых отдать на попечение деда их. Пр. сенат определил по сему ее им. вел.

высоч. указу о исполнении к главнокомандующему в С.-Петербурге графу Брюсу и в С.-Петербургское губернское правление послать указы. Определено: 1) показанного коллежского советника Радищева чрез эскутера взяв (и взят) из-под стражи в Губернское правление, вышеупомянутое ее им. величества повеление, в указе Пр. сенату объявленное, в присутствии объявить (и объявлено), отобрать орден и пр.; 2) его, Радищева, для дальнейшего в Сибирь, в Илимский острог, препровождения отправить в Новгородское наместническое правление за крепчайшею стражею, скованного через посредство Управы благочиния (прогоны до Новгорода на три почтовые лошади выдать), и в Иркутское наместническое правление о вышеозначенном высочайшем указе к должному исполнению сообщить.

Семейство Радищева во время нахождения его в крепости проживало на даче на Петровском острове. 30-го августа, день именин Александра Николаевича, прежде такой веселый, на который съезжались его родные и знакомые — Кацаревы,³⁷ Сенивина,³⁸ Ржевские³⁹ — прошел очень печально и уединенно. Родные, а особливо Елизавета Васильевна, в тревожном недоумении о том, чем кончится дело, старались успокоить друг друга. Ей говорили: «Молите бога, чтобы заключили мир с Турциею». Наконец, по возвращении их с дачи в петербургский дом в одно утро (в сентябре) является полицейский офицер,⁴⁰ тот самый, который взял Радищева под арест, и объявляет его семейству, что Радищев приговорен к ссылке в Сибирь на 10 лет. Ссылка на 10 лет при Екатерине II значила на всю жизнь. Елизавета Васильевна зарыдала. Полицейский офицер, также плакавший, старался ее утешить, уверяя, что Сибирь хорошая земля.

Книгу свою Радищев, как уже было сказано, напечатал в собственной типографии в своем доме, и хотя цензор (Андрей Бряцев⁴¹) вымарал очень много страниц, почти половину, по он напечатал ее вполне и в таком виде подал обер-полицмейстеру Рылееву.⁴² Рылеев по совершенному своему невежеству допустил ее к продаже, и в книге было выставлено: «С дозволения Управы благочиния». Это нарушение правила было поставлено в вину Радищеву при его осуждении. Рылеев, узнав ошибку и сделанный им промах, явился к императрице и, бросаясь на колени, просил прощения, со слезами говоря: «Виноват, матушка, ваше величество!». Ему простили, и действительно он был не виноват, что попал в обер-полицмейстеры, несмотря на свою глупость. Рескриптом 13-го июля 1790 на имя графа Брюса, вышеприведенным, предписано наблюдать, чтобы книга Радищева не продавалась и не перепе-

чатывалась. Ее истребляли, так что не более 50 экземпляров уцелело.⁴³

Радищев по напечатании «Путешествия» разослал его своим знакомым, между прочими и Гавриле Романовичу Державину. Державин поднес государыне этот экземпляр,⁴⁴ где все важные места отмечены были карандашом, и сверх того написал еще эпиграмму,⁴⁵ где видно злобное удовольствие при виде несчастья человека честного и невинного:

Езда твоя в Москву со истинною сходна,
Не кстати лишь смела, дерзка и сумасбродна,
Я слышу: «На коней, — кричит ямщик. — Вирь, вирь».
Знать, русский Мирабо, поехал ты в Сибирь.

Это писал человек, хвалившийся, что он «горяч, в правде черт».

Императрица, узнав подробно эту книгу, сказала: «Верно, сочинитель какой-нибудь вздорный, неугомонный человек?». Когда ей отвечали, что он самый кроткий, хороших правил человек, «О! Тем хуже», — вскричала Екатерина.

О Радищеве все сожалели. Купцы на Бирже, узнав о его несчастьи, были в отчаянии, плакали, рыдали, как говорил сенатор Борис Яковлевич Княжнин, слышавший это от своего отца, известного драматического писателя Якова Княжнина, автора «Росслава» и «Хвастуна».*

Радищева сослали в острог Илимск, бывший прежде городом и местопребыванием воеводы, в 500 верстах к северу от Иркутска, в Киренском уезде, при реке Илиме, впадающей в Ангару, от устья его принимающей название Верхней Тунгуски.

Граф Воронцов написал ко всем губернаторам⁴⁶ тех мест, где должен был проехать сосланный, чтобы с ним обходились

---

* После этого абзаца в черновой рукописи имеется следующее дополнение:

Радищев говорит в «Путешествии» (Сон — речь Правды царю): «Если из среды народная возникнет муж, порицающий дела твои, ведай, что той есть друг твой искренний, чуждый рабского трепета; он твердым голосом возвестит тебе о мне. Будь и не дерзай его казнить, яко общего возмутителя. Призови его, угости его, яко странника, ибо всяк, порицающий царя в самовласти, есть странник земли, где все пред ним трепещет. Угости его, веждаю, почти его; да, возвратившись, возможен глаголати паче о мне. Будь и не дерзай его казнить, яко общего возмутителя. Призови его, угости его, яко странника, ибо всяк, порицающий царя в самовласти, есть странник земли, где все пред ним трепещет. Угости его, веждаю, почти его; да, возвратившись, возможен глаголати паче о мне. Но таковые твердые сердца редки; едва один в целом столетии явится на светском ристалище».

Вот, что должна была сделать Екатерина вместо того, чтобы послать за дураком Рылеевым или замечания на книгу к палачу Шешковскому. В беседе с ученым патриотом она, может быть, догадалась, что глаза ее не все ясно видели, и в советах его могла почерпнуть много полезного для блага общества.

снисходительнее. Тогда генерал-губернатором пермским и тобольским был Евгений Кашкин, а иркутским и колыванским — генерал-поручик Иван Алферьевич Пиль. Граф объявил семейству Радищева, что берет на себя все его содержание как в дороге, так и в месте его заточения и разослал деньги во все города, где ему должно было останавливаться. В Москве Радищев пробыл несколько дней в семействе своего отца,⁴⁷ где его снабдили на дорогу всем нужным. Он ходил молиться к Иверской божьей матери и на коленях долго и усердно молился со слезами. Еще в бытность свою в крепости он велел написать себе образ одного святого, вверженного в темницу за слишком смело говоренную истину с надписью: «Блаженны изгнанные правды ради». Но портретный живописец Михайло, крепостной его человек, не умел исполнить его мысли и написал четыре фигуры святых, стоящих просто рядом.

В Казани Радищев пробыл один день у Киселевых, дальних своих родственников. В Тобольске он прожил семь месяцев. Туда к нему свояченица его Елизавета Васильевна привезла его двух меньших детей, дочь 9 и сына Павла 8 лет. Два старших сына 16 и 13 лет были отправлены на воспитание в Архангельск, к родному их дяде Моисею Николаевичу Радищеву, служившему там директором таможи, такому же бессребренику, как его старший брат.

В Тобольске Радищев, как и все сосланные одного с ним звания, пользовался совершенною свободою. Он был на всех обедах, праздниках, в театре. Лучший актер был тогда какой-то Доримедонт, заменявший по нужде Гаррика⁴⁸ и Вестриса.⁴⁹ Половина Тобольска расположена на крутой горе, другая и лучшая внизу. Гулять многие ходили на Панин бугор. Тобольск построен на правом берегу Иртыша, против впадения в него с левой стороны реки Тобола. В то время в Тобольске издавался сосланным туда Панкратием Сумароковым литературный журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» (1790—1794). Один из главных его сотрудников был тамошний прокурор Иван Иванович Бахтин, издавший свою драму «Ревнивый» (СПб., 1816) и собрание своих стихотворений под названием «И я автор» (СПб., 1816). Радищев был в особенности хорошо принят у губернатора Александра Васильевича Алябьева, человека права кроткого и всеми любимого (который даже получил выговор за то, что позволил Радищеву такое долгое пребывание в Тобольске), у вице-губернатора Ивана Осиповича Селифонтова, бывшего впоследствии генерал-губернатором всей Сибири, у генеральши Черкашиной, у Резановых.

В Тобольске было тогда очень памятно управление губернатора Дениса Ивановича Чичерина, человека энергического,

любившего порядок, бывшего в большой доверенности у императрицы, которая дала ему почти неограниченные полномочия. Он управлял этим краем с 1762 по 1782 год (род. 1723, ум. 1785). Он был известен своею пышностью, имел огромную прислугу, давал великолепные пиры, делал в праздники выходы в собор, одетый в мантию Александровского ордена и т. п. Народ его боялся, но любил и называл: «Батюшка, Денис Иванович».

Из ссыльных замечательны были: Михаил Алексеевич Пушкин, сосланный с меньшим братом и еще одним товарищем за делание фальшивых ассигнаций. Пушкин меньший ездил за границу делать формы и возвращался в Россию. На границе таможенный чиновник, осматривая его вещи, увидел одну из этих форм, долго рассматривал ее и не мог понять, на что она годится. Пушкин меньший, увидев, что дело плохо, думал поправиться, дал ему 25-рублевую ассигнацию. Чиновник взял ее, по формы не отдал и повез ее домой. В это время его жена пекла пироги. Он приложил форму к тесту, и 25-рублевая ассигнация выпечаталась. Пушкина задержали. Михаил Алексеевич был человек остроумный, светский и с познаниями и имел порядочное состояние. В молодости он рекомендован княгиней Дашковой быть при великом князе Павле Петровиче, но он передался к врагам ее, Орловым, и клеветал на нее; был по покровительству Орлова сделан начальником Коллегии мануфактур.

Другой сосланный, Варлашев, москвич, был человек оборотливый, сделал себе и сам небольшое состояние. Он был сослан за какой-то фальшивый акт. С ним прокурор Бахтин часто играл в шахматы, а иногда сажал в острог. В 1797 году проживал в Тобольске некто Смирнов,⁵⁰ чиновник, сосланный при Екатерине II за сделанный им фальшивый вексель в 20 000 рублей. Он был отпущенник князя Голицына, воспитан с его сыном, знал прекрасно французский язык, занимался литературою и посылал статьи в журнал Сохацкого и Подшивалова «Приятное и полезное препровождение времени» (20 ч., М., 1794—1798), где подписывался псевдонимом «Даурец Номохон». Между прочими одна статья — «К смерти», — написанная им в Усть-Каменогорской крепости в 1795 году, начиналась таким образом: «Приди, желанная, и в объятиях твоих да обрету покойствие, доселе от меня убежавшее» («Приятное и полезное препровождение времени», 1796, т. XI, стр. 279). Смирнов умел написать что угодно, например письмо навыворот, начиная с конца, с последней буквы последней строки до самого начала, без малейшей ошибки. Императрица Екатерина, сославшая его в Сибирь, писала к губернатору Чичерину: «Посылаю тебе птицу, держи ее в ежовых рукавицах».

От Тобольска до Иркутска почти 3000 верст. Это путешествие Радищев с Елизаветой Васильевною и двумя детьми совершил летом на почтовых в коляске. В это время в Сибири было дешево ездить на почтовых: прогоны платились вдвое меньше против великороссийских губерний, лошади были на станции хорошие и никогда не было за ними задержки. Города на дороге: Тара, при Иртыше; Каинск в Барабинской степи (или Бараба, где озеро Барабинское); Томск, при реке Томи, недалеко от впадения ее в Обь; Ачинск, при реке Чулыме; Красноярск, при Енисее; Нижнеудинск, при реке Уде. Томск, Тара и Красноярск — изрядные города. Дорогою, а особливо в Барабинской степи (200 или 300 верст), встречались огромные стада диких гусей и журавлей. В Томске, тогда областном городе Томской области, принадлежавшей к Тобольско-му [наместничеству], пробыли две недели за болезнью Елизаветы Васильевны, страдавшей мучительною зубною болью. По причине чрезмерных жаров к коляске спереди приделали верх; работал его ссыльный итальянец. Радищев был принят ласково комендантом Томска Томасом Томасовичем Де-Вильнев, французом, бригадиром в русской службе. Он пускал на дворе его монгольферы шар, сделанный им из тонкой бумаги, — зрелище, до того времени не виданное в Сибири. В Иркутск Радищев приехал в сентябре.⁵¹ Иркутск построен на правом берегу реки Ангары, в 60 верстах от истока ее из Байкала и при речках Иркуте и Ушаковке. Переправа через Ангару опасна по причине ее быстроты. Она так быстра, что иногда зимою в большие морозы проходит.

В Иркутске Радищев пробыл два месяца. Он был принят в доме генерал-губернатора Пиля, познакомился с преосвященным Вениамином, епископом иркутским и нерчинским, природным дворянином; был также принят радушно в доме губернатора Лариона Тимофеевича Нагеля, человека отличных свойств, равно как и жена его. Дочь его, Беата Ларионовна, вышла вскоре потом, шестнадцати лет, за грека, отставного офицера, бывшего учителем в их доме, но была очень несчастлива и скоро умерла, как подозревали, отравленная своим мужем. Родители ее с неудовольствием и только по усильному ее желанию согласились на ее союз с этим ловеласом. Радищев бывал также у вице-губернатора Андрея Сидоровича Н. Н.⁵² и посещал с семейством своим театр. Труппа актеров в Иркутске была очень хороша. «Недоросль», «Князь Трубочист»,⁵³ «Мельник»,⁵⁴ «Дезертёр» (Мерсье) очень недурно разыгрывались. Во время пребывания Радищева в Иркутске генерал-губернатор велел для него приготовить в Илимске воеводский дом, за который с него взяли 10 рублей. Радищев приехал в Илимск 4-го января 1792 года.

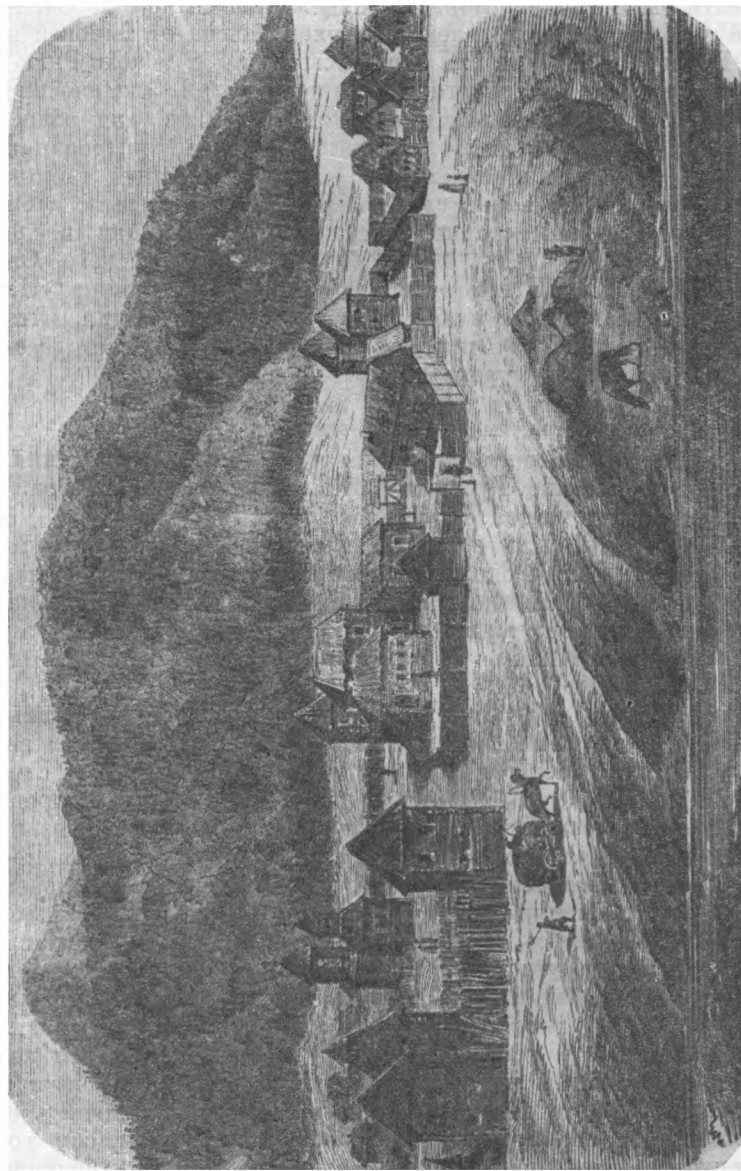
Илимский острог находится на правом берегу судоходной реки Илима, у подошвы гор, покрытых лесом. Острогами тогда назывались в Сибири укрепленные места. Илимск при воеводах был укреплен от нашествия тунгусов, возмутившихся за излишние с них требования ясака. Стены острога состояли из высокого палисада с башнями по углам и посередине каждого бока образуемого ими параллелограмма. Дом воеводский был в центре острога; поблизости от него церковь, далее ратуша, а вне острога от обоих концов дома жителей тянулись до Илима и около горы. Жителей тогда, как и теперь, считалось около 500.

Радищев увидел себя там совершенно свободным.⁵⁵ Два унтер-офицера, сопровождавшие его в дороге, оставлены были при нем, чтоб воспрепятствовать ему уехать из Илимска. Один из них жил постоянно на квартире, далеко от его дома. Другой часто отлучался и, наконец, совсем уехал.

В Илимске Радищев нашел приготовленный для него дом, где было пять комнат, при нем множество служб, кухня, людские, сарай, погреба, огромная кладовая в два этажа, хлева, сад, обширный двор и большое место на берегу Илима, к которому впоследствии он прикупил два большие огорода за 20 рублей. Он тотчас старался запастись всем, что нужно для хозяйства, как-то: несколько коров, две лошади, всякие птицы, огородные овощи. Фруктового сада там не могло быть. Там не родятся ни яблоки, ни вишни, только в лесах много ягод. Людей при нем было: два лакея женатые, горничная девка, повар и два молодые мужика, всего восемь человек.

С первого также года своего пребывания в Илимске он нашел необходимым заняться постройкой более удобного и прочного дома, ибо воеводский был очень ветх. Ему прислал генерал-губернатор плотников и столяра, выбранных между ссыльными. Новый дом имел восемь комнат, т. е. большая спальня с нишами, чайная или буфет, большой кабинет, где помещалась библиотека, кладовая, маленькая гостиная и маленькая столовая и две комнаты, где жили женатые лакеи. Длинный коридор начинался от спальни, проходил до столовой, отделяя таким образом кабинет и кладовую от двух людских комнат. К дому были пристроены с одной стороны баня, а с другой — кухня. Дом был тепел, печи огромные; иначе их и устроить нельзя было, потому что зимою, в декабре и январе, морозы доходили до 30° и более, и ртуть по две недели лежала замерзшей в термометре.

Радищев вставал очень рано, читал, писал. Он получал «Московские ведомости», «Политический журнал», «Приятное и полезное препровождение времени». Гамбургские газеты ему присылали из Иркутска оказию знакомые немцы. Пере-

Вид Илимска и дома, где жил А. Н. Радищев (дом посредине, обнесенный плетнем).
Рисунок художника К. И. Кузмина, сделанный по эскизу П. А. Радищева.

писку он вел с графом Воронцовым по-французски. Почерк графа было трудно разбирать, так что иногда на его письмо и отвечать было трудно. Изредка получались письма из Саратовской губернии от родителей, из Архангельска от сыновей и брата. Елизавета Васильевна переписывалась с г-жею Ржевскою, жившею в Петербурге. Радищев делал химические опыты; одно время занимался деланием горшков, для обжигания которых ему служила плавильная печь, устроенная в столовой. Поутру приносили ему большой медный чайник с кипятком и он сам варил себе кофе. Дети вставали, и он учил их каждый день истории, географии и по-немецки; после обеда заставлял их читать и переводить с французского. Он однажды написал для них рецензию на оду Державина «На взятие Измаила». Он не любил Державина и находил, что в его поэзии (кроме «Фелицы» и оды «Бог») есть часто бессмыслица. Вот одно замечание:

В полях ли брань, ты (русский) тьмишь свод звездный,
В морях ли брань, ты пенишь бездны.⁵⁶

Но, говорит рецензент, и всякий трус, убегая с сражения, вспенит бездну лучше Турвиля,⁵⁷ Жан-Барта или Рюйтера.⁵⁸ Слово «гром» встречается в каждой строфе.

Дети приучены были вставать и одеваться, не требуя никакой прислуги. Он обходился с ними просто и никогда не наказывал, ни он, ни Елизавета Васильевна; между тем они приучены были к безусловному повиновению и всегда вели себя прилично; слишком короткое обращение с прислугою было им запрещено.

Летом он ходил с ружьем по лесам и горам, окружающим Илимск, ездил на лодке вверх и вниз по Илимю, а зимою на саних в разные стороны и даже до устья Илима, верст за сто, в селение Коробчанку, где зимою ловилось множество осетров.

Жители Илимска прибегали к Радищеву в случае болезни. Он лечил иногда удачно; так, между прочими вылечил он молодого Фому. Фома был из другой деревни, молодой человек высокого роста, недурен лицом, благоденственный и любезный крестьянин. Занимаясь звероловством, как большая часть жителей Илимска и других селений, он ставил ловушки на белок и однажды, пошедши их осматривать, был застигнут сильным морозом и не мог скоро достигнуть ни до жилья, ни до зимовья. Все члены у него были отморожены. Он сделался неспособен к домашней работе. Отец его, вдовый, имел нужду в хозяйке, но Фоме нельзя было и помышлять о женитьбе, так что старик, не взирая на свои преклонные лета, сам хотел жениться. Они приезжают к Радищеву, который сначала усомнился его лечить, но однако же принял, и мало-помалу после долгого лечения ему удалось поставить Фому на ноги.

Он сам прививал оспу своим детям, рожденным в Сибири, и у жителей Илимска. Тогда еще доктор Дженнер⁵⁹ не изобрел прививания коровьей оспы. Винного пристава, мужа одной слишком бойкой особы, Авдотьи Куприяновны, человека слабого характера, помешавшегося в уме, он также лечил, стараясь развлекать, играл с ним в шахматы, поддавался ему иногда, но тот скоро умер.

Священник илимский умер. Сын его вел себя нехорошо и потому не мог заступить его место. Священник Семен из другой деревни, желавший иметь этот приход, прибегнул к Радищеву. Александр Николаевич написал о нем преосвященному Вениамину, и архиерей, знавший Радищева в Иркутске по встречам с ним у генерал-губернатора, с удовольствием исполнил его просьбу.

С самого приезда своего Радищев старался сблизиться с жителями Илимска. Это мещане, живущие довольно хорошо, хотя и не было купцов между ними, под управлением ратуши и бургомистра, ими избираемого. Он бывал с Елизаветой Васильевной у них в гостях, принимал их приглашения на праздники, даже иногда обедал у них и сам делал для них несколько раз обеды. Вечером девушки плясали под песни. На масленице он выезжал на больших саях с Елизаветой Васильевной и детьми кататься по Илимску из конца в конец, и за ним тянулся обыкновенно длинный поезд саней жителей Илимска.

Одежда илимских девок живописна. Они носят телогрейки, род кофты без рукавов и вместо талии большие складки; телогрейка и юбка китайчатые, рукава рубашек из фанзы, канфы или дабы, глядя по состоянию. Фанза обыкновенно желтая, из сырцового шелка, канфа темного цвета, материя плотная, голь — также дорогая шелковая материя, даба — бумажная. На голове они носят платки, повязанные так, чтобы сверху не закрывали волосы. В длинные косы вплетают ленты, на ногах коты (лапти там неизвестны). Замужние женщины никогда не участвуют в плясках. Пляска их похожа на менуэт. Две танцовщицы идут боком одна против другой в противные стороны, перебирая ногами право, и, прошедши известное расстояние, переходят на противную сторону таким же порядком одна против другой. Пляска совсем некрасивая и неоживленная. Вот некоторые их песни.

Сибирские песни

1

Ой! На горе дуб, дуб, 2
Что бела береза, 2
Промеж дуба и березы 2

Река протекала, 2
Речка, речка глубокая, 2
Вода студеная, 2
Нельзя, нельзя воды нити, 2
Нельзя почерпнути, 2
Нельзя, нельзя жену бити, 2
Нельзя поучати, 2
Я бил жену один час, 2
Сам плакал неделю, 2
Сушил, крушил ясны очи 2
По четыре ночи, 2
Издержался, истратился 2
На разные лекарства, 2
и пр.

2

Посылал же меня свекор
С полуночи по воду, —
Калина, малина! 2
С полуночи по воду
С золотым кубцом.
Калина! Малина! 2
Уж и я ли молода
Непослушлива была, —
Калина! Малина!
Непослушлива была,
Не послушалася, —
Калина! Малина!
Узелочек завяжу,
В уголочек положу.
Калина! Малина!
Узелочек-ат лежит,
Уголочек-ат дрожит.
Калина! Малина!

3

Кузнецкая улица грязным была грязна,
Грязным-грязна была грязнешенька,
Одно место было сухошенько.
Против широка двора
Собраница собрана,
Собраница собрана,
Молодцов стоит толпа.
На них серы зипуны, шелковые кушаки,
На них шапочки собольи, верхи бархатные.
Неподалеку, в улице, стоит девок хоровод,
Стоит девушек маленько,
На них юбочки аленьки,
Исподницы-то строчены,
На руках перстни злачены.
Акулина несчастлива,
Полтора рубля скопила,
Сарафан себе купила.
Оне режут и кроят,
Всем остаточки делят:
Поповским дочерям

По шелковым рукавам,
Ямщицким дочерям
Им по браным рукавам,
Крестьянским дочерям
По посконным рукавам.

4

Ночесь моя кроватушка пустым была пуста,
Пустым пуста была пустешенька,
Без мила дружка, без Иванушки,
Без сердечного, без заречного,
Без Алешеньки, без Надеженьки.

5

Ой! Милая моя!
Милovidная моя!
Не садись подле меня,
Не гляди, друг, на меня.
Я рада б не глядеть, глаза мои глядят,
Во совете жить хотят.
Советным, советно, советнешенько.
Я поставлю бел шатер
При дорожке, при пути,
При всей красоте,
При ямской слободе.
Попрошу я у молодца в головушке поискать,
Черны кудри расчесать.
Стала девица искать,
Молодец стал засыпать
У девицы на руках,
На золотых перстнях.
Проснулся, пробудился, право нету никого:
Ни девицы, ни шатра, ни дуба-столба,
Ни дуба-столба, ни вита кольца,
Ни вита кольца, ни добра коня.

У илимских жителей есть особые выражения, например: *шибко* значит «очень» (он *шибко* богат, она *шибко* хороша); *шепетко* — «красиво» (лопатина то *шепетка* — это платье красиво); *туес* — «бурак».

Радищев нанимал луга для своих лошадей и коров от Илимска верстах в 10 или 15 вниз по реке, за речкою Зырянкою, впадающею с правой стороны в Илим. Для покоса употребляли своих людей, к которым нанимали еще работников. Радищев отправлялся сам присутствовать при сенокосе. Сено привозили на плотах, нарочно для сего устроенных. Метали сено помочью, то есть покупали несколько ведер вина, пекли пироги, варили щи с мясом, кашу, и жители Илимска очень охотно приходили помогать на эту работу. День оканчивался песнями и плясками.

Выше Илимска, верстах в двух, была Попова заимка или дача, принадлежащая священнику илимскому. В 15 верстах выше Илимска есть быстрое место, порог или шивер, в таком месте, где Илим течет между двух гор. В 50 верстах от Илимска вверх по Илимю было большое селение. Против Илимска на левом берегу реки было три двора. Жители их засеивали хлебом небольшой участок земли. Жители же илимские хлеба не сеют. Горы, покрытые лесом, тянутся по обоим берегам реки. Хлеб привозят с берегов Оки [притока Ангары], из Братского острога и других мест. Он довольно дешев. Леса состоят из сосны, ели, лиственницы, сибирского кедра и березы. Дуба, яблонь, вишен и пчел нет во всей Сибири, кроме Ишима. Иголки лиственницы похожи на сосновые, но мягче. Радищев пробовал из молодых лиственничных иголок делать зелень. Она довольно вкусна и похожа на щавель. Шишки сибирского кедра бросают в печку, когда она истопится, и орехи едят теплые. Они довольно вкусны.

В лесах родится много красной смородины, а в сырых местах очень много черной, земляники, брусники множество, малины, морошки, черники, голубица. Бруснику (*Vaccinium vitis idea*) мочат на зиму, и можно употреблять вместо салата. Из цветов наиболее растет сарана, или дикая красная лилия двух пород (*Lilium rompouium* и *Lilium martagon*), прострел, голубой цветок (*Anemone nemorosa*, *Anemone patens*), пискульник, голубые цветки (*Iris auspuria*), шиповник, голубые желтофиоли с отличным запахом (*Rhododendron dauricum*).

Из животных водятся в лесах медведи, олени, дикие козы (козули), зайцы. Из птиц — глухари, рябчики, клесты (*Bes-croises*), дикие утки разных пород: крохаль (*Anos merganser*), которую не едят от того, что отзывает рыбой, составляющей главную ее пищу. Крохаль вьет себе гнездо на низких деревьях. Из рыб — налимы (*Lotta*), таймени (*Sahno taimen*), харпузы. Осетров и стерлядей привозят от устья Илима (100 верст от Илимска). Омуль употребляется как сетки в великороссийских губерниях. Он имеет от 4 до 5 вершков длины. Его солят и продают бочками. Едят сырой и варят из него щи во время постов. Стерляди часто бывают такие, за которые в Москве дали бы 100 рублей за одну штуку.

Из насекомых — мошки и тараканы, истинный бич в этих местах, одни летом, другие зимою. Мошки в одну минуту набиваются в рот, в нос, в глаза и искусают лицо. От них употребляют курево. В Тобольске от них носят сетки из конского волоса, частые, не пропускающие мошку, с холстинным колпаком, к которому пришта сетка и который завязывается аккуратно около шеи.

Тараканы (Blattes) в великороссийских губерниях называются пруссаками, будто из Пруссии завезены во время Семилетней войны. Они распложаются до неимоверности и нападают на все съестное, особливо на хлеб. В Сибири вымораживают их зимою в самые большие морозы, на что пужна целая неделя, ибо они мало-помалу собираются на потолок, в избах на полати и на печки и после слабого мороза оживают. Таким образом от них избавляются на два или на три года. Тобольский губернатор Денис Иванович Чичерин предпринял было избавить целый город от этого бича. Он принял самые строгие меры, чтоб жители поочередно перебирались из домов; выморозивши один, принимались за другой; но опыт был неудачен, и эти насекомые вскоре опять расплодились. В великороссийских городах их истребляют пудрою, нарочно для сего составляемую, и ею пудрят аккуратно места, где они водятся, щели и пр. Пудра, однажды там засевавшая, совершенно их истребляет и мешает им вновь распложиться, ибо остается долго, не портясь, в разных местах и чрез год и два продолжает свое действие над новыми пришельцами. Одну зиму Радищев также принужден был оставить свой дом и переселиться к ближнему соседу Преину, у которого были две комнаты просторные, где он и прожил более месяца.

Из одной горы над самым городом вытекает ключ отлично вкусной воды, которую всегда брали для стола. Чрез год у детей вдруг появились зобы, которые, беспрестанно увеличиваясь, стали уже их беспокоить. Сначала не знали, чему это приписать. В Илимске они бывают, но не у многих. Им подвержены наиболее малолетние. Александр Николаевич прибегал к разным средствам. Писали в Петербург, спрашивая совета. Г-жа Ржевская писала о разных способах лечения. Наконец удостоверились, что горная ключевая вода, содержащая известковые частицы, пристающие в горле, была единственною тому причиною. Ее перестали вовсе употреблять и мало-помалу эти наросты стали уменьшаться и впоследствии совершенно исчезли. Известно, что в Альпийских горах есть целые поколения, одержимые этим недугом; вероятно, от той же причины и называются кретинами (cretius, goîtreux).

В конце зимы, в марте 1794 года, прикочевали к Илимску тунгусы, живущие зимою в юртах из древесной коры, прикрепленной к тонким жердям и плотно покрытой кожами от ветра, с отверстием вверху для дыма, ибо посредине разведен всегда огонь, горящий день и ночь. Тунгусы, мужчины и женщины, спят вокруг огня на оленьих шкурах, покрываются также шкурами как одеялами. Когда у них озябнет спина, они оборачиваются ею к огню и так лежат до тех пор, пока спереди

озябнут; тогда опять ложатся по-прежнему и в этих альтернативах проводят ночь. Радищев любопытствовал посмотреть на их религиозные обряды, и в удовольствие ему шаманка, прибывшая с своим племенем, согласилась дать для него представление. Он пришел с своим сыном в их юрты, расположенные в лесу, и их посадили на оленью шкуру перед огнем. Старая шаманка, слепая, столетняя, как говорили, надела на себя жреческую одежду, увешанную разными фигурками, побрякушками, изображениями животных, сделанными из железа, весом по крайней мере до полупуда, взяла в руки бубен или барабанчик, била по нем и припевала, говорила молитвы. Изредка три старшие тунгуса припевали: «Егегеа и егегеа» (ehegeá) — до трех раз. Это значит: «Господи, помилуй». Шаманка ни на минуту не умолкала и не садилась, пела, ударяла в бубен и бодро приплясывала, топала ногою в продолжение двух или трех часов, пока, наконец, выбившись из сил, упала почти без чувств. Тем кончилось моление. Жители Илимска, приходившие из любопытства посмотреть на священнодействие шаманки, глядели на нее с ужасом, полагая, что она призывает нечистых духов. Шаманка имела дар предвидения и лечила болезни. Радищев лечил также иногда и тунгусов и покупал у них белок. У каждого их семейства есть олени. Они их доят, едят, запрягают в длинные салазки, одеваются и обуваются их шкурами. Это кроткое, полезное животное полярных стран питается зимою мхом и древесною корою.

Некоторые тунгусы, а особливо тунгуски, татуируют (пестрят) себе лицо, продергивают сквозь верхнюю кожицу начерченные нитки или шелк. Они были роста высокого, стройные, лицом смуглые, физиономии имеют монгольские, с калмыцкими сходные. Тунгусы очень склонны к пьянству. Бывшие в Илимске принадлежали к роду оленных тунгусов. Их считают четыре рода: 1) оленные, 2) собачные, 3) конные и 4) пешие или келены, то есть пустынные. Первые два самые многочисленные. Они называют себя общим именем «бож», то есть мужи или человеки. Прикочевавшие к Илимску, кажется, составляли одно из главнейших и сильнейших племен. У них не было ни лошадей, ни собак.

Путешественников, ни проезжих никогда не было в Илимске; только однажды проезжали принадлежавшие к Биллингсовой экспедиции натуралист доктор Мерк и рисовальщик Воронин. Они ехали с Чукотского Носа через Якутск и приплыли по Илиму на плотках вверх по реке, от устья ее в Ангару. Путешественники говорили, что терпели много лишений. Доктор Мерк вез собрание чучел птиц, четвероногих животных и гербарий (собрание трав), а рисовальщик Воронин —

виды полярных стран и разные рисунки. Из Илимска они отправились сухим путем в Иркутск.

В 1786 году капитан Биллингс, тщетно предпринимавший обойти мыс Шалаский Ледовитым морем от устья Колымы, возвратясь в Нижнеколымск, решился сделать покушение с восточной стороны от Берингова пролива на судах, построенных в Охотске. 1791 года на судне «Слава России» он вошел в губу св. Лаврентия, к северу от Чукотского Носа, между этим последним и Восточным мысом, находящимся на самом узком месте Берингова пролива. Чукчи, приехавшие к нему на байдарках, объявили ему, что Ледовитое море почти всегда покрыто льдом. Биллингс решился ехать сухим путем осмотреть весь берег Ледовитого моря. Чукчи взялись везти его туда на оленях и доставить в Нижнеколымск. С Биллингсом поехали доктор Мерк, рисовальщик Воропин и другие. Он проехал Чукотскую землю и в феврале 1792 года на нартах (длинные салазки), везенных собаками, прибыл в Нижнеколымский острог. В марте он приехал по реке Колыме на собаках в Среднеколымский острог, а оттуда поехал верхом на лошадях в Якутск, куда и прибыл в конце апреля. Морозы в декабре и январе были от 30 до 40 градусов (по Реомюру), так что Билингс выходил из терпения.

Чукотская земля имеет в длину 700 верст от Чукотского Носа до земли кочующих коряков и 500 верст ширины с юга на север, между Анадырским и Ледовитым морями. Жителей 10 000, оленные и сидячие. Первые (aborigènes) (оленные) самые многочисленные, образом жизни и наречием сходны с коряками. Сидячие живут около берегов Восточного моря, сходны образом жизни и наречием с кадьякскими островитянами российских американских колоний и, вероятно, выходцы оттуда. Майор Павлуцкий с 400 русских, коряков и юкагир послан был их покорить, и самые большие из ополчения простирались только до 3000 человек.

Чукотская земля неплодородна и не может быть обработана рукою земледельца. Почва ее шероховата и покрыта камнями; эта земля — не что иное, как громада камней, безлесная, возвышенная, где очень много высоких гор. Везде видны озера. На горах нет травы, а только мох, служащий пищею оленям. Климат самый несносный. Лето продолжается от 20 июля до 20 августа. Олени, горные бараны, медведи, волки, песцы, лисицы, орлы, соколы, вороны, куропатки, водяные птицы составляют всю ее фаунулу (царство животных). В морях водятся моржи, сивучи и тюлени. В реках и озерах много рыбы. Кое-где видны ивовые кустарники; из ягод родится голубица, брусника и водяница или шикша.

В Илимск приезжали изредка члены Киренского земского суда (город Киренск в 500 верстах от Илимска), исправник Ковалевский и заседатель Деев. Николай Андреевич Ковалевский, добрый, честный человек, был всегда принят как друг дома и просил, наконец, чтобы сына его Сашу Александр Николаевич взял на воспитание к своим детям; этот мальчик провел почти год у Радищева, но оказал мало успехов.

Заседателя Деева угощали как можно лучше. Он однажды, охмелев, сказал Радищеву: «Ну-ка! Починай кубышку». Ему хотелось подарка, и он полагал, что тот скупится. Все эти господа, меряя на свой аршин, воображали, что Радищев сослан за взятки.

В 1795 году исправник Ковалевский занемог и умер, как говорили, от того, что пил запоем. На место его прислали другого, совсем иных свойств. Полагая так же, как заседатель Деев, что Радищев скупится и не хочет «починать кубышку», он начал грозить, напоминать ему, что он ссыльный и что от него, исправника, зависит поступить с ним как ему вздумается. Елизавета Васильевна тотчас отправилась в Иркутск жаловаться губернатору.⁶⁰ Ларион Тимофеевич Нагель (генерал-губернатора Пиля уже не было) уважал Радищева и принимал его в своем доме. Он написал строгий выговор исправнику, который с тех пор сделался учтивее. Но когда Радищев был прощен, этот исправник приехал его проводить и был так испуган, что кланялся ему в ноги, просил прощения и умолял не погубить его, полагая, что Радищев едет прямо в министры.

В Сибири Радищев женился на Елизавете Васильевне. В апреле 1792 года родилась у него дочь, в январе 1795 года — другая дочь, а 3 сентября 1796 года — сын.

Уже было почти пять лет, что он жил в Илимске. Вдруг в декабре 1796 года пришло известие о кончине императрицы Екатерины II. Елизавета Васильевна тотчас начала собираться в Петербург с просьбою Радищева упасть к ногам императора и просить о его возвращении. В Смольном монастыре она была отличной ученицею, при выпуске получила вензель и была известна Павлу Петровичу, бывшему тогда великому князю. Известно, что Екатерина II очень часто посещала Смольный монастырь. Первоначально там было 50 учениц. Начальница г-жа Лафон пользовалась благосклонностию и даже дружбою императрицы, и первый выпуск из Смольного монастыря был превосходнейший. Екатерина любила разговаривать с детьми, прогуливалась, шутила и даже играла с ними и проводила там очень часто много времени. Воспитанницы играли комедии в присутствии двора. (Екатерина не любила трагедий, и во все ее царствование Вольтерову «Семирамиду» не играли

в С.-Петербурге). Особенно Елизавета Васильевна смешила государыню в роли г-жи Крупиляк в «Расточительном сыне» Вольтера.

Доказательством этому может служить письмо Екатерины к Левшиной, воспитаннице 3-го класса (серых). Левшина, сирота, отдана была императрицей на 4-м году в Смольный монастырь. Вот что говорит Екатерина об игре смольнянок в этом письме:

«Ах! Левушка, ваша театральная субретка вовсе не очаровательна... Верно мадам Крупиляк (Елизавета Васильевна Рубановская в «*Enfant Prodigue*»⁶¹ играла мадам Крупиляк) бережет свою бумагу для процессов; рукопись ее очень мелка и комплименты очень заучены. Впрочем, она хорошо играет свою роль и даже умеет подсмеяться над солнцем, когда желает ему чести затмения; такова сила привычки. Лиза, милая Лиза, вместо того, чтобы быть совершенно счастливой, так часто выходя за своего верного Евфемона, и несмотря на свое ласковое поздравление меня с праздником, также попрекает меня дворцом, блестящим золотом. Но что сказать о самом Евфемоне, который, разорив подданных своими буйными друзьями, предлагает мне свое сердце! Ну, хорошо, я выйду за него назло Лизе и мадам Крупиляк, которую я со временем готовлю за Фьеранфата, чтобы отомстить за оскорбление моего дворца; и во время свадьбы я заставлю девицу Барешову открыть бал в наказание за то, что она сравнила петербургский снег с царскосельским... Передайте поклон Лафон. Катерина».

Итак, Елизавета Васильевна готова была ехать в С.-Петербург, но 18 декабря 1796 года Радищев получил из Иркутска уведомление, что он из ссылки возвращен и его императорское величество всемплоштивейший государь позволяет ему жить в своих деревнях. Он вбегает в восхищении в спальню: «Ну! Маленька, поезжай в Россию», — вскричал он. Все маленькое семейство надает на колени и со слезами благодарит бога.

Час преблаженный!
День вождеденный!
Мы оставляем,
Мы покидаем
Илимски горы,
Берлоги, норы!

О возвращении Радищева ходатайствовал по просьбе графа Воронцова бывший тогда в большой силе князь Александр Андреевич Безбородко (род. 1746, ум. 1799 года 6-го апреля). На третий день своего восшествия на престол Павел I велел освободить Новикова и вернуть Радищева из Сибири. Прошло несколько времени в приготовлениях к дороге. Между

тем Радищев ездил в Иркутск явиться к губернатору и за зимними экипажами. Наконец, в январе 1797 года, после пятилетнего пребывания, он оставил Илимск⁶² с женою и пятью детьми. Он поехал, не заезжая в Иркутск, прямою дорогою через Верхоленск, Устькутск (100 верст от Илимска при впадении реки Куты в Лену), через Братский острог, большое селение при впадении реки Оки в Ангару, обитаемое довольно цивилизованным народом: братскими или бурятами. Они грамотные, занимаются разными ремеслами; есть у них серебряники, кузнецы. Из Братского выехали близ Нижнеудинска на большую Московскую дорогу.

Морозы были ужасные, свыше 30 градусов. Елизавета Васильевна простудилась и занемогла. Остановились в Таре, не доезжая 575 верст до Тобольска. Там ее соборовали маслом, болезнь усиливалась. Радищев поспешил ехать в Тобольск до вскрытия рек, тем более, что в этом городе можно найти больше медицинских пособий. Но все усилия науки были тщетны. Елизавета Васильевна умерла вскоре после приезда в Тобольск, и Радищев в другой раз овдовел. Он оплакивал ее, но не был в таком отчаянии, как после смерти своей первой жены. Он только сказал одному знакомому, старавшемуся его утешить: «Вот другой раз мне такой удар!». Она была нехороша лицом, очень ряба, но умная женщина. Он был много ей обязан во время своего несчастья. Елизавета Васильевна, чтоб помогать ему, продала свою дачу на Петровском острове; сверх того за дом в Луговой Миллионной, доставшийся ей в наследство после отца своего вместе с меньшою сестрою и проданный ими за 12 000 рублей, она взяла половину, ей следующую, и через то была в состоянии дарить Шешковского, расплатиться с мелкими долгами и ехать за Александром Николаевичем в Сибирь. Она ему привезла детей. В Илимске она не давала ему упадать духом,⁶³ прилежно занималась хозяйством и чужда была всяких подозрений и капризов, свойственных многим женщинам. Однажды, когда разговор зашел о ревности жен к мужьям, она сказала: «Что мне за нужды, если моему мужу нравится какая-нибудь молодая девушка, если он ее любит. Он ее не может любить больше меня. О, если б он ее любил больше меня, вот это было бы мне больно». В продолжение пятилетнего их пребывания в Илимске они едва один раз имели между собою довольно жаркий спор. Впрочем, она всегда была супруга покорная, с каким-то самоотвержением и верою в его превосходство, внимала его воле и малейшему его слову; да и он старался предупредить ее желания и редко позволял себе делать ей небольшие замечания или возражения. Это был союз, основанный на взаимном уважении и доверенности к чувствам и характеру один другого; одним словом, она

в заточении его делала ему жизнь по возможности приятною. Зато он всегда говорил о ней, что это была женщина с героическим духом.

Из Тобольска он отправился уже на колесах. В Екатеринбург он был у управляющего Монетным двором Ярцева⁶⁴ и осматривал Монетный двор, построенный на реке Исете, приводящей в движение все его работы. В Перми Радищев провел несколько времени в доме Ивана Даниловича Прянишникова, председателя Гражданской палаты, бывшего потом его товарищем в Комиссии составления законов. Дом у него был прекрасный, и он жил богато. Прянишников уверял, что ему не нужно было брать взятки, чтобы разбогатеть от того, что в Пермской губернии спорные имения так значительны, таких огромных цен, что выигравшая сторона всегда за удовольствие считала делать ему добровольно значительные подарки.

Из Перми по совету Прянишникова Радищев отправился на барке вниз по Каме. Барка эта или коломенка, нагруженная полосным железом (3500 пуд.), была флагманским кораблем целой флотилии из 50 судов, нагруженных железом. Они принадлежали Яковлеву (Собакину), старшему из трех братьев, и шли с заводов, находящихся около реки Чусовой, впадающей в Каму. На флагманской барке были три комнаты и ехал всегда приказчик, уступивший на этот раз свои комнаты Радищеву с семейством. Он имел на ней шесть человек вооруженных (косные) для охранения от волжских разбойников, нападавших преимущественно на приказчицьи барки, потому что там была всегда денежная казна. Нападая на барку, они кричали: «Сарынь на кичку!», — то есть «Бурлаки, вниз!». Бурлаки или работники могли бы защищать барку, но они знали, что, когда будут возвращаться домой по берегам Волги и Камы, разбойники им отомстят и убьют за сопротивление, и потому, услыша этот крик, они сходили с палубы вниз, а с шестью человеками вооруженным разбойникам легко было справляться. В это время судоходство по Волге было опасно, подвержено частым разбоям. Между разбойниками славился их начальник Иван Фадеич, из дьячков, отданный в рекруты, беглый солдат. Он не убивал никого, а только обирал богатых проезжих, особливо купцов. Узнав, что какой-нибудь богатый купец едет с большими деньгами, он его подстерегал в удобном месте и, остановив, требовал выдачи всех денег, из которых всегда отделял проезжему на дорогу и отпускал его, не делая ему никакого зла. Бедным проезжим он иногда помогал. Он посетил однажды одного помещика, дурно обращавшегося с своими мужиками, и советовал ему быть человеколюбивее, а в противном случае угрожал строгим наказанием. Какой-то

опекун притеснял свою питомицу; он является к опекуну, делает ему строжайший выговор и обещает, если он не исправится, показать над ним пример и отомстить за бедную сироту. Одного исправника, большого взяточника, он высек. Надев фрак и назвавшись помещиком, он бывал на бале у ярославского губернатора. Преследуемый земскою полицею, он долго умел укрываться. Наконец, исправник, узнавши, что Иван Фадееч почует в деревне у мужика, собрал до 500 человек понятых и с казаками ночью окружил избу, где укрывались разбойники. Видя себя в невозможности уйти, Иван Фадееч принял тотчас решительную меру. Он призывает хозяина избы. «Вот тебе пятьсот рублей, — говорит он ему, — зажигай избу». 500 рублей тогда для мужика были больше, чем теперь 2000, а его двор не стоил и ста рублей. В одну минуту весь двор изнутри и изба обложены кучами соломы; ее зажигают, и весь двор запылал. Народ расступился и разбежался. Вдруг ворота растворяются, две тройки пускаются вскачь сквозь разредевшие толпы и летят с быстротою молнии из деревни вон. После первого изумления посылают за разбойниками в погоню. Казаки скоро начали настигать бегущих. Иван Фадееч бросает ассигнации сипенькие, красенькие. Казаки подбирают. Другие на скакивают ближе. Иван Фадееч бросает беленькие ассигнации. Как с ними расстаться? Надобно подобрать. Между тем две тройки удалые скрываются из глаз, и уже догонять их было поздно. И на этот раз Иван Фадееч ускользнул от преследования. Но сколько вору ни ликовать, а палачевых рук ни миновать. Легенда о Иване Фадеече оканчивается, как и все истории великих разбойников: Стеньки Разина, Ваньки Каина, Ринальдо Ринальдини и пр. и пр. Он был пойман, наказан и сослан. При императоре Павле Петровиче учреждены были на Волге гардкоты, вооруженные суда для охранения судоходства от разбоев, которые с того времени почти совсем прекратились.

В городе Ланшеве на Каме, в 30 верстах от впадения ее в Волгу, барки останавливаются. На них ставят мачту с огромным рогожным парусом для плавания вверх по Волге при попутном ветре. Обыкновенно же барки тянутся бичевою. Там, где невозможно рабочим идти по берегу, заводят верт и притягиваются к нему веревкою. Плавание от Перми до Нижнего продолжается несколько недель. Останавливались два дни в Услохе, большой деревне на правом берегу Волги в виду Казани, почти против того места, где речка Казанка в 7 верстах от этого города впадает в Волгу. Также останавливались у села Лыскова против города Макарьева, знаменитого тогда своею ярмаркою. В Лыскове, принадлежавшем князю Грузинскому и княгине Голицыной, бывала конная, предшествовав-

шая ярмарке. В Макарьеве, построенном на низменном берегу Волги, дома были сделаны высокие от разлития вод весной.

На Волге очень много живописных мест, по нет ни одного, которое бы могло сравниться с Нижним Новгородом. Нижний построен на превысокой горе при слиянии Оки с Волгою. Воды Оки беловатее волжских. Вид на Заволяжье восхитительный. Село Бор, многие деревни и вся окрестность, где извиается Волга в течении своем, видны слишком на 20 верст. В Нижнем был тогда губернатором Андрей Лаврентьевич Львов, известный своим бескорыстием, сведущий, энергический, гроза взяточников и ненавидимый подьячими, у которых от одного его имени вытягивались рожки на аршин. Пробыв несколько дней в Нижнем, Радищев отправился в Москву на почтовых. Дорогой приехал к нему навстречу брат его Моисей Николаевич, недавно вышедший в отставку из директоров Архангельской таможни, у которого воспитывались два старшие сына Александра Николаевича во время его ссылки. Радищев с братом ездили в сторону с дороги к графу Александру Романовичу Воронцову,⁶⁵ оставившему службу в последние годы царствования Екатерины II и удалившемуся в свое село Андреевское в Владимирской губернии. Император Павел Петрович приглашал его опять вступить в службу, но он отказался. При Александре I он был тотчас сделан канцлером и до 1805 года управлял Министерством иностранных дел, но, видя усилившийся кредит своего товарища князя Чарторижского, одного из первых с Чичаговым, Строгановым, Новосильцевым и Голицыным в кругу молодого императора, он окончательно удалился в село Андреевское, где вскоре и скончался от сильного припадка геморроя. Он имел при себе искусного медика, англичанина, который его избавлял от накопленной геморроидальных операциями, но как эти операции стали часто возобновляться, то граф, замученный ими, решился лучше умереть, прекратив их, что вскоре и воспоследовало.

В Москве Радищев провел несколько дней в кругу своих родственников Аммосовых, обрадованных, как и все знакомые, его возвращением из Сибири; и, наконец, после шестимесячного путешествия прибыл в июне 1797 года в свое сельцо Немцово, отстоящее в 116 верстах от Москвы и в двух верстах от Малоярославца, на большой Калужской дороге.

Приезд доброго помещика в России, в Англии, во Франции есть день радости для поселян. Отдохнувши от дороги, Александр Николаевич, как и в Илимске, старался сблизиться с простым народом и для того сделал маленький праздник своим крестьянам. Он велел сварить пива, купил несколько ведер вина и в воскресный день созвал мужиков и баб на господский двор. Их потчевали вином, пивом, подавали пироги.

Мужики поздравляли барина с приездом, с праздником, желали много лет здравствовать. Бабы составили кружок и плясали под песни, прихлопывая в ладоши. Надобно заметить, что в сельце Немцове и во всей этой стороне, не так как в Илимске, девки не играют никакой роли в своем обществе и не принимают никакого участия во время этих сборищ, а держатся в отдалении, а главное лицо играют замужние женщины. Прежде всего обычай велит величать барина. Бабы запели хором:

Уж и чей-ат двор на горе стоит,
На горе стоит, на всей крбсате?
Александрин двор, Николаевича.
Уж из той горы три ручья текут,
Три ручья текут, три гремячие.
Как первой ручей ключева вода,
А другой ручей изо сладки меда,
А третий ручей зелено вино.
Зелено вино Александру пить,
Александру Николаевичу,
А сладки меда пить боярышням,
Ключевой водой то коней поить,
То коней поить Александриных, Николаевича.

После этого молодые бабы пустились плясать под песню:

Под калинку, под малинку,
Что под тем шатром под лазоревым
Спит, почивает добрый молодец,
Добрый молодец, N. N. Александрович.
Подходили к нему слуги вернаи,
Слуги вернаи, безответнаи:
Встань, N. N., встань, Александрович!
Вон корабль идет с чистым серебром,
С чистым серебром, с красным золотом.
Уж и тот корабль мне ненадобен:
Это батюшкин, это матушкин.
Под калинку, под малинку,
Что под тем шатром под лазоревым
Спит, почивает добрый молодец,
Добрый молодец, N. N. Александрович.
Подходили к нему слуги вернаи,
Слуги вернаи, безответнаи:
Встань, N. N., встань, Александрович!
Вон корабль идет с красными девками,
С красными девками со Верейскими,
Со молодками деревенскими.
Это наш корабль, он мне надобен.

Добрый молодец N. N. Александрович встает и идет выгружать корабль. Затевают игры: лунек. Поют:

... поймал белого лунька, белокрыленького.
Ты присядь, присядь, лунек, присядь милый животок.
(Тут две бабы садятся).

Потихоньку, полегоньку,
Озернися, мой лунек, озернися, животок,
И на девок, и на баб, и на маленьких ребят.
Обоймися, мой лунек, обоймися животок.

(Бабы обнимаются).

Ты привстань, привстань, лунек,
Привстань милый животок.

(Бабы встают).

Другая игра. Две бабы дают представление, садятся и поют:

Растворитесь, ворота, пошире, пошире,
А еще-таки, судари, пошире, пошире.

(Тут все отступают дальше от сидящих).

Поцелуйтесь, судари, помилее, помилее.

(Бабы целуются).

А еще-таки, судари, помилее, помилее.

(И в другой раз целуются).

Приходит длинный Трофим с балалайкою, он потчевал мужиков и себя не забывал, с восторгом ударяет в струны и припеваает. Пляски оживляются под музыку и при общем хоре и биении в ладоши. Пляски эти оживлены и довольно приятны, но костюм этих женщин отвратительный, к которому никто не может привыкнуть, кто не родился в деревне. Они носят поньки или поневы, то есть короткие шерстяные юбки с красными клетками, и рубашки с вышитыми красными нитками рукавами и перетянутые ниже живота поневою. На ногах лапти и онучи, на голове сорока, часто золотная. Это род тиары с двумя рогами, под которыми широкая повязка, украшенная блестками, завязывается сзади и скрывает совершенно волосы как назад, так и на лбу. Для бабы большое бесчестье, если сорока спадет и обнажит волосы. Девки не мешаются в пляски и смотрят издали. Пляски продолжают. Время течет неприметно. Поселяне веселятся, добрый помещик занимается серьезными разговорами со стариками, дети его с молодыми веселятся, глядя на их пляски и резвости и слушая их рассказы. Солнце уже давно село, когда заметили, что уже пора успокоиться и идти на ночлег. Угощая таким образом своих крестьян, Александр Николаевич не презирал и их угощениями. Богатые мужики в какой-нибудь праздник просили его в гости к себе. После обеда он пойдет с детьми на вечер к старосте или к пчеляку. Его сажают на большое место у образов. Стол накрыт чистой скатертью, уставляется закусками, домашними продуктами, орехами, яблоками, сотовым медом, сухими грушами, также коврижками вяземскими, изюмом, черносливом. Бородатый хозяин подносит барину белое или красное вино, потчует домашним пивом (мужики мастера варить пиво; что твое кроновское). Являются бабы, величают барина, поют и пляшут.

Посидевши довольно долго и потолковавши обо всем, барин благодарит хозяина за угощение, а хозяин своего барина за посещение; гости возвращаются домой при свете луны, провожаемые благословениями крестьян.

Радищев имел намерение учредить в своей деревне *Rosière de Salency*,⁶⁶ награду для той женщины, замужней или девки, которая в течение года отличит себя хорошим поведением или каким-либо подвигом добродетели. Эту мысль ему внушила замеченная им испорченность нравов в простом народе. Чему дивиться? Мужики уходят на заработки на целый год, оставляя молодых жен, иногда только что обвенчанных, на свободе с полною над собою волею. Сверх того он нашел обычай женить малолетних мальчиков 12-ти, 13-ти, 14-ти, а иногда 10-ти лет на взрослых 20-тилетних девках. Мужики надобна работница. Он этим не занимается, что сын его несовершеннолетний, не может еще быть мужем. Можно себе представить, какому разврату подвергается молодая женщина, имея мужем дитя, которому еще нужна нянька. Он запретил и никогда не позволял таких браков.

Радищев принимал посещения от своих соседей, но сам никогда не выезжал. Он ездил один раз к Сергею Николаевичу Янову, бывшему своему товарищу в университете или в пажеском корпусе и жившему около Калуги. Сельцо Немцово с деревнями имело 180 душ и 1500 десятин земли. Оно было скуплено дедом Радищева, Афанасием Прокофьевичем, у однофамильцев и было богато санными покосами и рощами в отхожих пустошах. Кряж земли глинистый и только посредством сильного удобрения мог производить хлеб. Крестьяне после покоса и жатвы уходили по паспортам в Малороссию и Одессу в пыльщики или для выделывания овчин. Радищев занялся экономией и думал ввести у себя улучшенное земледелие на манер английского, травосеяние и пр., но прежде он хотел исполнить долг свой к родителям. Он послал прошение к императору Павлу Петровичу, прося у него позволения ездить к ним в Саратовскую губернию. Вскоре он получил отношение от генерал-прокурора князя Алексея Борисовича Куракина, извещавшего его, что государь позволяет ему съездить к своим родителям один только раз.

Зимой, в начале 1798 года, Радищев отправился со всем своим семейством — четыре сына и три дочери — в Саратовскую губернию. Он застал отца своего, Николая Афанасьевича, слепого и отпустившего бороду, в простом кафтане, подпоясанным ремнем. Он жил в лесу, на пчельнике, в пяти верстах от своего села Преображенского, которое он отдал своим детям, а сам проводил время в молитве, по большей части в обществе какого-нибудь монаха, а чаще с отцом Палладием из Саровской

пустыни, отпущенником его зятя, г-на Аблязова. Николай Афанасьевич приезжал всегда к обедне в село Преображенское, пел на клиросе, и, несмотря на свою слепоту, по памяти читал «Апостол», имея подле себя дьячка. Впоследствии Николай Афанасьевич отправился совсем на житье в Саровскую пустынь, наиболее всех монастырей им облагодетельствованную, но не мог ужиться с монахами, ибо стал вступаться в дела управления монастыря, и потому возвратился на свой пчельник, где и жил до своей кончины.

Мать Радищева, Фекла Степановна, лежала в параличе с того времени, как любимого ее сына сослали в Сибирь. Он привел к ней своих новых детей, детей Елизаветы Васильевны. «Магушка, вот мои дети», — сказал он, подводя их к ее постели. Она приняла их благосклонно. «Подите сюда, голубчики мои», сказала она ласково и поцеловала их. Но не так посудил Николай Афанасьевич. «Или ты татарин, — вскричал он, когда возвратившийся из ссылки знаменитый его сын объявил ему о трех новых детях, привезенных им из Сибири, — чтоб жениться на свояченице? Женись ты на крестьянской девке, я б ее принял как свою дочь». Все семейство, кроме Феклы Степановны, пристало к мнению старика. Впоследствии, узнав, что по смерти его сына император Александр Павлович велел поместить двух малолетних дочерей его в Смольный монастырь, а шестилетнего сына во 2-й кадетский корпус с фамилиею Радищевых, этот неукротимый дед хотел ехать в Петербург просить государя снять с них эту фамилию, и с трудом дети могли удержать его уверением, что поездка его будет напрасна.

В селе Преображенском (иначе Верхнее Аблязово) Радищев прожил целый год. В десяти верстах, в селе Нижнем Аблязове, жила его сестра Мария Николаевна, вдова Аблязова, богатого помещика, имевшего 5000 душ. Она имела двух сыновей и трех дочерей. Сыновья по совету Александра Николаевича были отправлены в чужие края с гувернером Трейтораном для усовершенствования в науках. Они учились в Лейдене и Лозанне и незадолго перед тем возвратились. В трех верстах от села Преображенского жил старик Дубенский, женатый на сестре Николая Афанасьевича; у него было два сына и четыре дочери. Все эти родные собирались часто в село Преображенское и время проводили довольно весело.

Еще один сосед, живший в шести верстах от села Преображенского, в селе Анненкове, Василий Николаевич Зубов, бывал в селе Преображенском. Он славился жестокостью своею с крестьянами. Купив село Анненково с 250 душами и множеством земли, он прежде всего обобрал у мужиков, живших очень достаточно, весь хлеб, скотину, лошадей и посадил их на

месячину, а в рабочую пору кормил их на барском дворе. В большие корыта им наливали щи, и они должны были довольствоваться тем, что отпускали им. За малейшие вины наказывали их строго, а за большие сажали в острог, устроенный им в другой, несколько отдаленной деревне. Одного приказчика держал он там на цепи более года. Сверх того это был человек развратнейший. Александр Николаевич не удостоивал его никогда ни одним словом, хотя г. Зубов был довольно уважаем, как человек богатый и довольно умный, только с некоторыми странностями; например, он считал себя стихотворцем. Одно его дидактическое сочинение начиналось следующим стихом: «Неизмеримость стоит на измерении миров...», — и подобная галиматья следовала далее. Он очень удивлялся, что цензура не пропустила этого сочинения. Однажды вздумалось ему отучить себя от замечаемой им в себе лености. Он велел себя высечь розгами. Камердинер, которому он препоручил эту экзекуцию, стал было бить осторожно. В. Н. Зубов вскочил и грозил положить его самого. Тогда уже лакей вынужден был его больно выдрать.

Через год, в 1799 году, Радищев возвратился в свое село Немцово. Он занимался экономией, написал поэму «Бову» в 12 песнях, взятую им из старинной сказки, и другие стихотворения и статьи в прозе. Он жил безвыездно в деревне до восшествия на престол Александра I (марта 1801 года), который разрешил ему приехать в столицу, возвратил чин коллежского советника, Владимирский крест 4-й степени и поместил его в Комиссию составления законов.*

Радищев, помещенный в Комиссию составления законов с 1500 рублей жалованья (хотя его товарищи Пшеничный, Прянишников и другие получали 2000 р.), занялся сочинением уложения и уже составил проект «Гражданского уложения», полагая представить его графу П. В. Завадовскому, председателю Комиссии, бывшему с 1802 года первым министром народного просвещения (род. 1738, ум. 10 января 1812). Для составления уголовного уложения он имел намерение отправиться в Англию для изучения тамошних уголовных законов и исследовать на месте публичное судопроизводство и учреждение присяжных (jury), для чего надеялся получить пособие от правительства на путевые издержки. В разговорах своих с графом Завадовским он, не стесняясь, обнаруживал свой свободный образ мыслей, так что граф Воронцов приветствовал его однажды при других словами: «*Bonjour, monsieur le democrate*». ⁶⁷ Такое направление не соответствовало мнениям и взгляду

---

* В черновой рукописи после этого абзаца стоит подзаголовок: Смерть Радищева.

гр. Завадовского. Граф заметил ему однажды, что этот слишком восторженный образ мыслей уже раз навлек ему несчастье, и дал ему почувствовать, что он в другой раз может подвергнуться подобной беде, и даже произнес слово «Сибирь». Пораженный ли такою угрозой или по другой какой причине, он вдруг сделался задумчив, стал беспрестанно тревожиться. Он был всем недоволен. Напрасно старались успокоить его, он твердил беспрестанно, что до него добираются. Однажды в припадке ипохондрии он сказал собравшимся своим детям: «Ну, что, детушки, если меня опять сошлют в Сибирь?». Его беспокойство и волнение ежедневно усиливались. Он призвал полкового лекаря, принимал лекарства, но облегчения не получил. Душевная болезнь развивалась все более и более.⁶⁸

11 сентября 1802 года, в 9 или 10 часов утра, Радищев, приняв лекарство, вдруг схватывает большой стакан с крепкой водкой, приготовленной для вытравления мишуры поношенных эполет старшего его сына, и выпивает разом. В ту же минуту берет бритву и хочет зарезаться. Старший сын заметил это, бросился к нему и вырвал бритву. «Я буду долго мучиться», — сказал Радищев. Он требует священника. «Попа! Попа!», — говорит он задыхающимся голосом. Второй сын побежал искать священника, который случайно встретился у ворот. Он исповедуется как истинный христианин. «Господи! Прими мою душу», — повторил он несколько раз. Приводят лекаря, он прописывает микстуру. Яд действовал уже ужасным образом и производил беспрестанную рвоту. Через час приезжает г. Виллие, императорский лейб-медик, присланный государем Александром I, ибо известие об этом несчастном происшествии разнеслось по городу. Виллие кричит: «Воды! Воды!». Прописывает микстуру, долженствовавшую, по его словам, остановить действие крепкой водки. Он отправляется, спросив у Радищева, что могло побудить его лишить себя жизни. Ответ был продолжительный, несвязный. Виллие сказал: «Видно, что этот человек был очень несчастлив». Вечером приехал другой придворный медик. Он говорил, что можно бы сделать больному теплую ванну, если бы он был помоложе. Но уже было мало надежды, и в первом часу пополудни Радищев скончался. «Потомство отмстит за меня» (*La posterité me vengera*), — писал он незадолго до своей смерти.*

Император Александр I принял участие в положении его семейства. На заплату его долгов, простиравшихся до

---

* В первоначальной редакции биографии, опубликованной В. П. Семеновичем, после приведенных слов написано: Бюст его был поставлен в Пантеоне в Париже, во время бывшей тогда революции. Об этом можно справиться в Монитере 1790, 91, 92 год в Библиотеке императорской.

40 000 рублей, выдано 4 000 рублей. Старшей его дочери назначена пенсия в 500 рублей. Две малолетние были отданы в Смольный монастырь, а меньший шестилетний сын — во 2-й кадетский корпус. Эти трое малолетних детей от второго брака родились в Сибири. Жена сенатора Алексея Андреевича Ржевского (автора трагедии «Смердией подложный»), Глафира Ивановна, воспитывавшаяся с их матерью в Смольном монастыре и искренняя ее приятельница, бывшая с Елизаветой Васильевной в постоянной переписке во время пребывания последней в Илимске, наиболее ходатайствовала вместе с графом А. Р. Воронцовым об этих трех сиротах. Граф во все время ссылки Радищева присылал ему ежегодно пенсию, сначала 500, потом 800, а, наконец, 1000 рублей. Английская фактория, памятуя покровительство, всегда оказываемое торговле Радищевым, великим приверженцем свободной торговли, вызвалась заплатить его долги — предложение, неизвестно почему оставшееся без последствия.

Радищев прежде своей ссылки издал «Житие Федора Васильевича Ушакова» (с приложением некоторых его сочинений), своего товарища в Лейпцигском университете, посвященное А. М. Кутузову. Княгиня Дашкова, которой это сочинение было представлено в Российской Академии, где она была президентом, говорила, что видит в нем только сильное желание написавшего его быть автором, ибо он сочинил панегирик человеку, не сделавшему ничего замечательного в своей жизни, который только пил, ел и спал, не находила в этой книге ни слога, ни мыслей, кроме, может быть, двух идей, опасных для того времени. Эта страсть быть автором, говорила княгиня Дашкова своему брату А. Р. Воронцову, может некогда повести твоего протежера написать что-нибудь, действительно порицания достойное. Так и случилось. В самом деле, через год после «Жития Ушакова» (1789 год) появилось «Путешествие» (1790 год), навлекшее Радищеву несчастье. Мысль написать «Жизнь Ушакова» подала ему книга на французском языке «Vie de M. Grosley»,⁶⁹ человека ничем не замечательного, но который умел заинтересовать собою читателей. Через год княгиня Дашкова, находясь в своем селе Троицком, получила письмо от своего брата графа А. Р. Воронцова, в котором он извещал ее с большим огорчением, что ее предсказание в рассуждении Радищева сбылось и он издал книгу, где, к сожалению, должно сказать, ударил в революционный набат, за что был арестован и сослан в Сибирь. Княгиня Дашкова, сожалея о Радищеве, предвидела также, что бывший тогда фаворит (Зубов)⁷⁰ воспользуется этим случаем, чтобы и покровителю Радищева навлечь немилость. Граф Воронцов, узнав, что действительно против него интригуют, с досады взял отпуск под

предлогом болезни, по истечении которого совсем оставил службу.

После «Жития Ушакова» Радищев издал «Путешествие из С.-Петербурга в Москву», причинившее ему остракизм. В Илимске написал он трактат о бессмертии души — «О человеке, о его смертности и бессмертии» (в 4 частях, 1792), «Письмо о китайском торге в Кяхте (1792)», отрывок из «Сокращенного повествования о приобретении Сибири». В «Письме о китайском торге» он говорит между прочим, что если б от него зависело, то не было бы ни таможен, ни пошлин, ни всего, что затрудняет коммерцию. В своем сельце Немцове он написал 11 песен поэмы в белых стихах, взятой из народной сказки «Бова Королевич». Все эти сочинения и только первая песнь «Бовы» (ибо прочие он сам истребил перед смертью), также мелкие стихотворения, отрывок в прозе из поэмы «Ермак», «Дневник одной недели», «Памятник дактилохоренческому витязю», «Краткое повествование о приобретении Сибири», «Описание моего владения» были после его смерти напечатаны в Москве в типографии Бекетова (6 частей, 1807, 1809, 1811). «Путешествие» не было напечатано. Проект «Гражданского уложения», сочиненный в Петербурге в 1802 году, переписанный его рукой набело, вверен был некоему Каразину⁷¹ (Василий Назарьевич), удержан им и потерян. Но его мнения были вообще следующие.

Радищев думал не так, как Сперанский, написавший при издании «Свода законов», что Россия не имеет нужды в новых законах, а только нужно было старые привести в систематический порядок и что даже невозможно дать России новое уложение.* Радищев, напротив, допускал реформу законодательства, говоря, что не можно знать, как со временем люди будут управляемы. Вот его мнения. 1. Все состояния должны быть равны перед законом, а потому и телесное наказание должно отменить. 2. Табель о рангах уничтожить. 3. В уголовных делах отменить пристрастные допросы. 4. Веротерпимость должна быть совершенная, с устранением всего, что стесняет свободу совести. 5. Ввести свободу книгопечатания с ограничениями и ясными постановлениями о степени ответственности. 6. Освободить крепостных господских крестьян, а с тем и прекратилась бы продажа людей в рекруты. 7. Поземельную подать ввести вместо подушной. 8. Установить свободу торговли. 9. Отменить строгие законы против ростовщиков и несостоятельных должников, нечто вроде *Nabeas corpus*.⁷² 10. Радищев говорил, что учреждением дворянских выборов Екатерина II

---

* Вероятно, Сперанский писал это, соображаясь в духом времени. (Примеч. П. А. Радищева).

положила основание будущей конституции России. После Радищева некоторые его идеи осуществились, по его ли указанию или нет, но во всяком случае велика и та честь, что он первый и так рано провозгласил их.

Радищев говорил, что если бы он издал свое «Путешествие» за 10 или за 15 лет до Французской революции, то он вместо ссылки скорее был бы награжден на том основании, что в его книге есть очень полезные указания на многие злоупотребления, неизвестные правительству. И император Александр I, как говорили, принял к сведению из нее много идей и признавал ее достоинства. Доказательством тому, что он не только совершенно простил автора, возвратил ему чин и крест, но определил его в Комиссию составления законов, что тогда почли чертою мудрости молодого императора.

Радищев умер 53 лет от роду. Он был среднего роста и в молодости был очень хорош, имел прекрасные карие глаза, очень выразительные, был пристрастен к женскому полу.* Он был права прямого и пылкого, умел сносить горести с стоической твердостью, чужд был лести, был в дружбе непоколебим, забывал скоро оскорбления, обхождение его было простое и приятное. Замечали, что он более отвечал на вопросы, нежели сам начинал говорить, но, когда представлялся случай, он мог воспламениться, говорил сильно и занимательно; впрочем, мало занимаясь тем, что вне его, он был как [бы] сосредоточен в самом себе как человек, занятый предметом, им овладевшим. Служа при Дале, дом сего последнего был почти единственным, где его можно было найти; кроме того, он бывал на маленьких литературных вечерах у графа А. Р. Воронцова и сестры его княгини Дашковой, двух особ, отличнейших при тогдашнем дворе своими дарованиями и познаниями. Кроме того, он имел обязанность быть у графа Воронцова, как главного начальника и президента Коммерц-коллегии.

Он ненавидел ложь и обман, пьянство и картежную игру (*L'avarice en plaisir déguisée*),⁷³ хотя играл во все игры и даже с удовольствием в небольшую игру. Он ходил на охоту с ружьем, но не одобрял псовую охоту, делающуюся исключительною страстью и требующую разорительных издержек. Дуэль была, по его мнению, смертоубийством и сумасшествием. «За то, что тебя осел лягнул, — говорит он в своем „Путешествии“, — вынимай шпагу и дерись». Однажды, однако, он и сам готовился выйти на дуэль. Один игрок, играя в карты, ошибся и проиграл игру. Радищев улыбнулся. Тот подходит

---

* В первоначальной редакции биографии, опубликованной В. П. Семениковым, после этих слов написано: это был его единственный порок, если только это можно назвать пороком.

к нему, начинает ссору, требует удовлетворения и вызывает его на дуэль. Общие знакомые вступились и прекратили дело.

Он допускал самоубийство: *Quand on a tout perdu, quand on n'a plus d'espoir.*⁷⁴ Он был исполнен чувства человеческого достоинства и не любил унижаться.*

Радищев оставил дела свои в самом расстроенном состоянии. Он имел случай их поправить. Один раз княгиня Дашкова предлагала ему выпросить для него имение, состоящее из крестьян, тогда щедро раздаваемых, или единовременное пособие. Он отказался. По возвращении его из Сибири родные его племянники Облязовы, люди богатые, хотели уступить ему 20 000 рублей долгу, но он отдал им за долг прекрасное имение в Клинском уезде, данное ему его отцом на заплату долгов. Отец Радищева имел процесс с Козловым⁷⁵ о 300 душах без земли. Дело его было правое, но Козлов был сенатор и замедлял его решение, а оно было начато еще матерью Николая Афанасьевича. Сенаторы говорили Радищеву: «Александр Николаевич, пусть отец твой отдаст тебе этих крестьян, мы тебе решим сейчас твое дело, оно правое». Кроме крестьян, число которых по новым ревизиям возросло до 700 душ, приходилось получить с Козлова за владение ими иску от 100 до 150 тысяч рублей. Но Александр Николаевич никогда не подумал предложить этого своему отцу, а дело после его смерти было проиграно. *Les enfants du siècle sont plus prudents dans la conduite de leurs affaires que les enfants de lumière.*⁷⁶

Лица, посещавшие его во время последнего его пребывания в Петербурге, были: Каразин, о котором выше сказано, что он взял для прочтения рукопись проекта «Гражданского уложения» и не возвратил ее, говоря, что кому-то препоручил для доставления, а тот, вероятно, потерял; Василий Назарьевич Каразин уверял, что имеет некоторое влияние при дворе и доступ к одной высокой особе, много обещал Радищеву, но это были одни слова; ** Бородавицын,⁷⁷ Брежинский,⁷⁸ Пнин —⁷⁹ молодые люди, слушавшие его с большим любопытством и вниманием. Хотя он был не совсем красноречив, но все, что

---

* После слов не любил унижаться в черновой рукописи написано:

Он получил, как уже сказано, Владимирский орден 4-й степени. Императрица сама раздавала кресты. Хотя не было приказание становиться на колени, принимая их, но обычай ввел это в употребление. Радищев, один из новопожалованных кавалеров, не стал на колени, полагая, вероятно, ненужным вызываться на унижение, когда этого даже не требуют.

** В первоначальной редакции биографии, опубликованной В. П. Семеничковым, после приведенных слов сказано: он-то уничтожил «Гражданское уложение», как сказано выше; кажется, что идеи Радищева не согласовались с его мнениями.

он говорил, было хорошо обдуманно и всегда оставалось в памяти.

Иван Петрович Пнин в 1802 году был еще молодой человек 30 лет, даровитый, деятельный и то, что тогда принято было называть вольнодумцем. Он умер 17 сентября 1805 года от чахотки. Он писал стихи, издавал в 1798 году «С.-Петербургский журнал» (4 части) и написал небольшое сочинение, сделавшееся очень редким, — «Опыт о просвещении относительно России» (СПб., 1804), которое проникнуто философическими идеями того времени. На эту книгу сделан был донос как на опасную. Книгу запретили. Доносчик был Гераков, учитель русского языка при 1-м кадетском корпусе. Марин,⁸⁰ адъютант Преображенского полка, написал на него следующую эпиграмму (Гераков родом грек, был мал ростом и учил молодых греков, кадетов или гимназистов):

Будешь, будешь сочинитель
И читателей тиран,
Будешь корпусный учитель,
Будешь вечный капитан.
Будешь, так судьбы гласили,
Ростом двух аршин с вершком,
Будешь, греки подтвердили,
Будешь ввек ходить пешком.

Один из величайших приверженцев Радищева был Сергей Николаевич Глинка.⁸¹ Он всегда сожалел, что не знал его лично, и говорил о нем с восторгом. В предисловии своей книги «Были и небылицы и гражданское начальное уложение Екатерины II» (М., 1832, стр. VII) он говорит, что ссылка Радищева последовала не по собственному побуждению императрицы, а от настоятельства вельмож того времени. Впрочем, Глинка оправдывает в этом деле и Потемкина, бывшего тогда в Яссах.*

Пнин написал стихи на смерть Радищева — «Послание к Брежинскому»:

Итак, Радищева не стало!
Мой друг, уже во гробе он!
То сердце, что добром дышало,
Постиг ничтожества закон;
Уста, что истину вещали,
Увы! Навеки замолчали,
И пламенный ума погас;
Сей друг людей, сей друг природы,
Что к счастью вел путем свободы,
Навек, навек оставил нас!

---

* После слов тогда в Яссах в черновой рукописи написано:

По мнению С. Н. Глинки, поступок Екатерины с Радищевым был пятном последних годов ее царствования.

Оставил и прешел к покою.
 Благословим его мы прах!
 Кто столько жертвовал собою
 Не для своих, но общих благ,
 Кто был отечеству сын верный,
 Был гражданин, отец примерный
 И смело правду говорил,
 Кто ни пред кем не изгибался,
 До гроба лестию гнушался,
 Я чаю, тот довольно жил.*

Петербургское общество любителей искусств, наук и художеств, в котором Пнин был президентом, в изданной в 1803 году 2-й части сборника «Свисток муз» (стр. 116—144) напечатало стихи и статью в прозе Борна⁸⁴ «На смерть Радищева», где восхваляются ум, знания и добродетели покойного.

Биография краткая Радищева была написана его вторым сыном и хранится у князя Петра Андреевича Вяземского. Кроме того, о Радищеве писали особые статьи следующие лица: 1) Д. Н. Бантыш-Каменский в «Словаре достопамятных людей русской земли» (ч. IV, М., 1836, стр. 258—264); 2) митрополит Евгений в «Словаре русских светских писателей» (т. II, 1845, стр. 139); 3) М. Н. Лонгинов в «Современнике» (1856, 8, Смесь, стр. 147—152); 4) А. С. Пушкин в «Сочинениях» (изд. Анненкова, т. VII, стр. 50—64), в приложении к этой статье помещена глава из «Путешествия из С.-Петербурга в Москву» под заглавием «Клин», которая уже была в «Северном вестнике» Мартынова (ч. V, январь 1805, Смесь, стр. 61—64) под заглавием «Отрывок из бумаг одного россиянина»; 5) Библиографические записки» (2-й том, стр. 540, 541, 542, статья М. Лонгинова).

---

* После стихов Пнина в черновой рукописи написано:

Был в свете, и свет его не позна.

Радищеву можно приложить эти стихи Делиля:

O vous, de la vertu victimes passagères,
 Sur qui veillent d'un Dieu les regards paternels,
 Voyageurs d'un moment aux terres étrangères,
 Consolez-vous, vous êtes immortels!
 Dithyrambe sur l'immortalité de l'ame⁸²

И эти стихи из трагедии «Друиды» сочинения Дю Беллуа:

L'exemple d'un grand homme est un flambeau sacré,
 Que le ciel bienfaisant, dans cette nuit profonde
 Allume quelquefois pour le bonheur du mond.⁸³

И стихи 47-й строфы его оды «Вольность»:

Под игом власти сей рожденный,
 Пося оковы позлащенные.
 Нам вольность первый прорицал.

Недавно я слышал от одного почтенного и совершенно достоверного лица,⁸⁵ в чем состояла главная мысль последнего радищевского проекта, который был уже давно тому читан самим лицом, о котором я говорю. Радищев, считая необходимым строгий и неподкупный контроль за действиями судов и чиновников, так часто потворствующих неправде, предлагал учредить тайное общество, членов которого были бы обязаны следить за отиравлением правосудия, стараться исправлять или предупреждать несправедливые действия и в случае надобности доводить о них до сведения высшего правительства.

Подобную этому цель предполагали себе в 1818 году члены Союза благоденствия (донесение Следственной комиссии). Нимало не сомневаясь в истине этих показаний, должно, однако ж, заметить, что никто из бывших с Радищевым в близких и вседневных сношениях в последнем периоде его жизни ничего подобного от него не слышал.

В других современных изданиях помещаются о Радищеве известия, не заслуживающие никакого доверия, например будто он в Сибири написал еще какое-то сочинение, за которое его послали еще дальше. Кроме Илимска, куда он был сослан вследствие именного указа от 4 сентября 1790 года и где он пробыл безвыездно от 4 января 1792 до января 1797 года, он нигде не был, как только проездом, и в Илимске не написал ничего, кроме напечатанного после его смерти в собрании его сочинений. Касательно первого доноса, сделанного на его книгу Шешковским, о чем сказано в другом журнале, не можно сказать ничего достоверного, но только сомнительно, будто его книга продавалась в отдаленных частях города.

ЗАМЕЧАНИЯ

на статью Пушкина «Александр Радищев» (VII дополнительный том сочинений Александра Пушкина, издание П. В. Анненкова, СПб., 1851, стр. 50—64)

Пушкин говорит: **Радищев родился около 1750 года.*** Он родился 20 августа 1749 года.

Университетская жизнь принесла ему мало пользы. Ученье пошло не впрок. Он возвратился из университета юрисконсултом, литератором, медиком и химиком. Он не мог в Пажеском корпусе учиться ничему этому или, состоя в гражданской службе, по возвращении из Лейпцига. Занимаясь шалостями, по уверению Пушкина, можно ли бы было приобрести столько

---

* *Здесь и далее текст Пушкина выделен полужирным шрифтом.*

разнообразных познаний в такое короткое время, быв еще несколько месяцев одержим тяжкою болезнью (от которой его пользовал профессор медицины Ридигер)? Ушаков, молодой человек, имевший светскую опытность, оставивший службу и важную должность из любви к наукам, вероятно, переселился из столицы в маленький немецкий город не для шалостей.

Ушакову и Радищеву попался в руки Гельвеций. Они жадно изучили начала его пошлой и бесплодной метафизики.

Непонятно, каким образом сухой и холодный Гельвеций мог сделаться любимцем молодых людей, пылких и чувствительных. Радищев не увлекался софизмами Гельвеция, хотя и уважал его. Он находил, как тогда и вся просвещенная Европа, что книга «О разуме» написана умно. Все, что Пушкин в своей статье написал о Радищеве, доказывает, что он не имел верных о нем сведений, а писал по собственным соображениям или понаслышке. Гельвеций был атеистом, как видно из его поэмы о боге (*Poeme moral sur Dieu*).⁸⁶ Ничего подобного не встречается в сочинениях Радищева. Он уважал Спинозу и Гельвеция как людей добродельных и благонамеренных, глубоко мыслящих, но сам никогда не был атеистом. Сомнение не есть еще атеизм.

Ушаков, осужденный врачами на смерть, от нестерпимых мук потребовал яду. Радищев этому воспротивился, но с тех пор самоубийство сделалось одним из любимых предметов его размышлений. Из каких сведений это почерпнуто? Копчипа Ушакова осталась надолго в его памяти, как он сам говорит в «Житии Ушакова», но только один раз в «Путешествии» сказано, что если человек не может жить с честью, то может прибегнуть к самоубийству.

Государыня знала его лично и определила в собственную канцелярию. Никогда Радищев не был принят Екатериною. По его послужному списку видно, что он начал службу протоколистом в Сенате, откуда перешел в штаб графа Брюса, а потом служил в Коммерц-коллегии и в таможне.

Радищев попал в общество франмасонов. Тайнственность их бесед воспламенила его воображение. В франмасоны записывались тогда все порядочные люди и сам Потемкин был член масонской ложки. Радищев часто рассказывал об обрядах их приема и смеялся над ними, как и все. Он написал, воспламеняясь этими беседами, свое «Путешествие из Петербурга в Москву», сатирическое воззвание к возмущению, напечатал в домашней типографии и спокойно пустил в продажу.* Чисто

---

* После слов пустил в продажу в черновой рукописи следует:

Итак, книга, наделавшая столько шума, ходившая так много в рукописи, напечатанная недавно в Англии через 70 лет после ее появления, не есть плод сведений и размышлений ученого патриота, как все

практическое содержание и направление этой книги и характер ее автора не подают повода к подобным выводам.

Поступок его всегда казался нам преступлением, ничем не извиняемым, а «Путешествие в Москву» — весьма посредственной книгой. В «Путешествии» одна только ода может почесться неуместною в известном отношении, а все остальное представляет не более как собрание фактов из действительности, сведение о которых, приведенное в сознание, могло бы быть полезно как материал для административных и политических действий.

думали донныне. Пушкин открыл, что это плод винных паров на фран-масонских ужинах, воспламенивших воображение автора, ужины, где, как известно, братья делали обильные возлияния Бахусу.

Мы никогда не почитали Радищева великим человеком. Мнение одного писателя, а особливо легкомысленного, поверхностного, наудачу судящего Пушкина, ничего не значит и большого веса не имеет. Карамзин сказал о Наполеоне:

Сей лютый тигр, не человек
Родился в просвещенный век!

Это, однако же, не помешало Бонапарту иметь самых жарких поклонников даже в России.

Шатобриан не любил Генриха IV. Однако же Генрих останется всегда лучшим из королей французских.

Наполеон I не любил Вольтера. Однако ж Вольтер был и будет всегда умнейшим из французов.

Сам Пушкин, поставленный одним хорошим писателем и журналистом очень низко в сравнении с Байроном, ничего от этого не потерял, и «Кавказский пленник», и «Бахчисарайский фонтан» будут всегда услажением русских читателей.

Поступок его всегда казался нам преступлением, ничем не извиняемым, а «Путешествие в Москву» — весьма посредственной книгой. Поступок, то есть книга. И Людовик XIV запретил Телемака и хотел его истребить, почитая его преступлением за намеки на его правление, но Телемак, к счастью, был уже напечатан в Голландии. В Телемаке во многом порицают великого короля под чужими именами, и если б великому королю вздумалось судить автора, то услужливые парламенты нашли бы, что Телемак есть преступление (*de lèse-Majesté*),⁸⁷ и добродетельного Фенеюпа приговорили бы к смертной казни.

В «Путешествии» одна только ода «Вольность» может почесться неприличною в стране самодержавия. Если бы она была написана в Англии, на нее даже не обратили бы внимания, кроме эстетического достоинства. Итак, ода есть преступление относительное, если только можно назвать преступлением похвалу свободе и изъявление ненависти к тиранам. Когда бранят Неронов и Калигул, то Марк-Аврелии и Титы не принимают этого на свой счет. На Фридриха II сделали карикатуру, где он был представлен с кофейною мельницею в руках. Он сказал: «Пуускай говорят, только не мешали бы нашему делу». Однажды Фридрих увидел из окна своего дворца толпу народа, собравшуюся у какой-то афиши, прибитой к стене дома. Он послал узнать, что такое. Паж возвратился испуганный и дрожащим голосом мог только сказать: «Ваше величество... Ваше величество». — «Что такое?». — «Па-на-пасквиль па вас». — «Поди, — сказал король, — сними пасквиль и прибей

Другие статьи «Путешествия» были напечатаны в «Живописце» Новикова в 1776 году и в «Северном вестнике» Мартынова (ч. V, январь, 1805, стр. 61, Смесь, «Отрывок из бумаг одного россиянина»). Это глава из «Путешествия» под заглавием «Клин», которую привел и Пушкин в своей статье о Радищеве.

Заключение его в крепости, в оковах, было бы достаточным наказанием заговорщику, но впоследствии оказалось, что заговора никакого не было. Радищев был один, как говорит сам Пушкин. Итак, можно бы было только книгу запретить, а временное заключение вменить в штраф за нарушение правил цензуры. И современники не симпатизировали этой мере наказания, тем более, что она была не нужна. Все знавшие Радищева уважали его как человека умного, ученого, честного, бескорыстного, о чем Пушкин умалчивает. Все честные люди сожалели и некоторые даже плакали о нем.

Как объяснить его странную мысль разослать свою книгу всем знакомым, между прочим к Державину, которого поставил в затруднительное положение? Державин, как умный человек, умел выпутаться из этого затруднения. Экземпляр, ему присланный, он поднес императрице, отметив карандашом все важнейшие места. Это рассказывал сам Радищев.

Екатерина сказала Храповицкому: «Он мартирист, он хуже Пугачева. Он хвалит Франклина». Слово глубоко замечательное. Монархиня, стремящаяся к соединению воедино всех разнородных частей государства, не могла равнодушно видеть отторжение колоний от владычества Англии. Что за разнородные части государства? Императрица равнодушна была, но очень рада, видя затруднения Англии. Она придумала вооруженный нейтралитет для ограничения владычества Англии на

его понижее. Ты видишь, что они на дыпочках приподнимаются, чтоб его прочесть». Пасквиль был прибит понижее, и толпа спокойно разошлась. Тем и дело кончилось.

На Иосифа II написали памфлет. Он призвал автора. «Тебе видно есть нечего», — сказал он и велел ему выдать 2000 флоринов.

Некоторые статьи «Путешествия» напечатаны в «Живописце» Новикова в 1781 году,⁸⁸ в «Северном вестнике» Мартынова в 1804 году.

Заключение Радищева в крепости, обремененного оковами, было бы достаточное наказание для заговорщика, а по следствию оказалось, что никакого заговора не было и Радищев был один, как говорит Пушкин. Следовало бы книгу запретить, а временный арест вменить за штраф за нарушение правил цензуры. Современники не одобрили жестокости, ему оказанной, ибо она была не нужна. Революционные идеи плохо развивались в России. Это видно было даже чрез сорок лет после того. Все его знавшие уважали его как человека умного, ученого, честного, бескорыстного, о чем Пушкин с намерением умалчивает. Все честные люди сожалели, плакали о нем оттого, что честные люди, подобные Радищеву, так редки, так редки, что их надобно со свечой искать.

морях, а отторжение колоний натурально есть первый шаг к уменьшению сил метрополии. Как глубокий политик, она только обещала послать войска в Америку против «вашигтоновых лохмотников», но между тем пользовалась раздорами Франции с Англиею, чтоб унизить Турцию, завоевать Крым и разделить Польшу. *Dividere et impera.*⁸⁹ Так поступал Рим. Екатерина не могла любить Франклина и Вашингтона, основателей республики, имея под боком неугомонную республику, и притом еще поляки, напркимер Костюшко, служили в рядах американских инсургентов. Беспрепятственное распространение революционных идей в Польше могло быть вредным для России. Вот, вероятно, истинная причина ее строгости против Радищева, Новикова, Княжнина и Лопухина. Новиков был более пяти лет в заключении и под надзором. Княжнин за свою трагедию «Вадим» был посажен в крепость и отдан на руки Шешковскому. Степан Иванович так его обласкал, что Княжнин, возвратившись домой, слег в постель и умер. Это рассказывал сенатор И. А. Тейльс (бывший в Москве в 1785 году губернским прокурором).*

Говоря о пребывании в Илимске Радищева, Пушкин умалчивает о его второй женитьбе в Сибири. Живя в Петербурге, он мог знать очень хорошо об этом, тем более, что в последний год своей жизни доискивался сведений о нем, намереваясь писать его жизнь.

Император Павел Первый, взошед на престол, вызвал Радищева из ссылки, возвратил ему чины и дворянство, обошелся с ним милостиво и взял с него обещание ничего не писать, противного духу правительства. Удивительно, откуда Пушкин набрал подобной небывальщины. Радищев никогда не был принят императором. Из Илимска он приехал прямо в свое

---

* После слов сенатор И. А. Тейльс в черновой рукописи написано: **Радищев предан был суду. Сенат осудил его на смерть.** Римский сенат за убийство Агриппины причислил Нерона к лику богов.

Государыня смягчила приговор. Преступника лишили чинов и дворянства и в оковах сослали в Сибирь. Кажется, что он ехал в оковах только от С.-Петербурга до Новгорода. Мнимый преступник сказал: «Блаженны изгнанны правды ради». Пушкин, вероятно, не с таким восторгом говорил об этой ссылке, когда его за дерзкие стихи или прозу сослали на Кавказ. Если б напечатать в России все произведения его вольнодумства, дерзкие личности, написанные прекрасными стихами, то его, по собственному приговору, следовало бы сослать гораздо дальше Илимска, в Жиганск или в Ижигинск, куда ворон костей не заносил. Впрочем, может быть, Пушкин, слывший всегда поклонником Радищева, считал себе должною написать эту статью, ибо он не мог сказать как Тацит: «*Mihi Galba, Otho, Vitellius nec beneficio, nec injuria cogniti.*»⁹⁰ Некоторые говорят, что Пушкин хотел только Радищева извлечь из мрака забвения во что бы то ни стало, а хвалить Радищева ему не позволили бы...

сельцо Немцово, в двух верстах от Малоярославца. Ему запрещен был не только въезд в столицы, но даже выезжать из деревни он не мог. Когда он захотел повидаться с родителями, то принужден был обратиться с просьбою на высочайшее имя, и генерал-прокурор князь Куракин уведомил его, что он может съездить в Саратовскую губернию к родителям один только раз. Чинов и дворянства ему не возвратил Павел I, и когда по разделе имения его отцом Николаем Афанасьевичем между сыновьями надобно было владение сельцо Немцово, доставшееся Александру Николаевичу, то во владение вводили не сего последнего, а его трех сыновей и дочь, родившихся в Петербурге до его ссылки от первой его жены Анны Васильевны, а не его самого, ибо, не имея чина и лишенный дворянства, он не мог владеть крестьянами. Может быть, в Иркутске или еще где-нибудь с него взяли подписку, чтобы он ничего не писал, но он об этом никогда не говорил.

Он во все время царствования императора Павла I не написал ни одной строчки. Возвратившись из Саратовской губернии, он занялся опять химиею, лечил своих крестьян и чужих, помещицу Дурнову, страдавшую какой-то застарелою болезнью, и написал поэму в 12 песен, описание своей деревни и другие сочинения.

Он жил в Петербурге, удаленный от дел, и занимался воспитанием своих детей. Он не мог быть в Петербурге при государе Павле I, как это выше объяснено. Воспитанием детей, привезенных из Сибири, он никогда не занимался, а отдавал их в Москве в пансион одной французки (Гро или Легро), а в Петербурге — в пансион Вицмана, доброго и честного немца, старинного своего знакомого, где они и оставались до поступления в казенные заведения.

Смиренный опытностью и годами, он даже переменял образ мыслей, ознаменовавший его бурную и кичливую молодость. Радищев никогда не отступал от своих мнений.*

---

* После слов от своих мнений в черновой рукописи следует:

Он был философ XVIII века. Он издал свою книгу, будучи сорока с лишком лет, а не во время кичливой и бурной молодости, которая никогда не была ни кичлива, ни бурна, ибо он, как говорит сам Пушкин, приехав из университета, скоро женился, а в Лейпциге, не смотря на клеветы Пушкина, он учился и выучился многому.

Он не питал в сердце своем никакой злобы к прошедшему и помирился с славной памятью великой царицы. Любить Екатерину он не мог, но всегда отдавал ей справедливость. Он одобрял многие учреждения, выборы дворянские; унижение Турции, завоевание Крыма всегда превозносил похвалами; но раздел Польши находил противным справедливости и здравой политике и всем народным правам, и это мнение с ним разделяли все современные беспристрастные писатели. Не это ли нарушение народных прав вооружило весь свет против Напо-

Император Александр вспомнил о Радищеве... определил его в Комиссию составления законов и приказал ему изложить свои мысли касательно некоторых гражданских постановлений... Бедный Радищев вспомнил старину и пр. Отчего поручили это не председателю Комиссии, ни кому-либо из членов, а бедного Радищева взяли из деревни, если б Радищев не имел ни обширного ума, ни познаний, как утверждает Пушкин?

О смерти Радищева Пушкин пишет совсем не то, не зная достоверно, как она происходила. Проект «Уложения», будто бы поданный графу Завадовскому, верно мог найти Пушкин в архиве Комиссии, если бы он действительно был представлен,

---

леона I? Еще в Илимске, как и в своей книге, Радищев говорил, что чрезмерное расширение границ угрожает государству разделением. Он предсказывал в Илимске, что некогда вся Еврона, встревоженная колоссальным могуществом России, восстанет на нее, и тогда будет время для нее тяжкое. Не прошло двадцати лет — и его слова сбылись. Двадцать языков вторглись в Россию, затмив рассудок грозного завоевателя.

В вступлении к «Бове» он пророчествует, что рано или поздно Константинополь будет наш. Будем надеяться, что и это предсказание его сбудется.

Не станем упрекать Радищева в слабости и непостоянстве характера. Вы их выдумали из головы, г. Пушкин, а потому и должны их извинить.

Мог ли чувствительный и пылкий Радищев не содрогнуться при виде того, что происходило во Франции во время ужаса? Мог ли он без омерзения глубокого слышать некогда любимые свои мысли, проповедуемые с высоты гильотины, при гнусных рукоплесканиях черни? Это относится к оде «Вольность». Действительно, она была написана под влиянием революционных идей, ибо, как сказал Мирабо, «французская революция обойдет весь земной шар». Многие здравые умы были увлечены мечтою о свободе, вместе с философией, доживавшей водворить золотой век на земном шаре. В России не один Радищев был увлечен. Княжнин написал трагедию «Вадим» под этим же влиянием. Она была напечатана, запрещена, и Княжнина отвезли в крепость. Новиков, писавший столько лет очень свободно, был заключен как вольнодумец; были и другие, но в России не произвели никакого действия на массы. Сколько они писали против философии XVIII века, приписывая ей все несчастья революции, но не одна философия их причинила, а причинили их, как и все почти революции и бунты, слабость и ложные меры правительства и несчастное стечение разных обстоятельств. Если Робеспьер и Марат употребляли во зло священное имя философии, философия от того несколько не умалилась в глазах истинных мудрецов.

Нет ничего вреднее злоупотребления всего, что есть лучшего в мире. Религия, оскверненная инквизициею, неужели перестала быть религиею? Костры, на которых в Мадриде и Лиссабоне еще за сто лет сожигали целые еврейские семейства в присутствии королевских фамилий и бесчисленной толпы ослепленных фанатиков, богохульствуя, прославлявших имя божие, за такое к жидам милосердие неужели служат опровержением учению евангельскому? Царство ужаса продолжалось 14 месяцев и неурядиства революции около пяти лет.

но Пушкин, как видно, мало заботился о достоверности своего рассказа. Вообще вся эта статья не делает чести великому поэту.

Замечательно его суждение о «Телемахиде», о Тредьяковском, которого он любил. Радищев, написавший «Памятник дактилохорейческому витязю», где есть глава «Апология „Телемахиды“ и шестистопов», говорит, что в «Телемахиде» находится несколько стихов превосходных, несколько хороших, много посредственных и слабых, а нелепых столько, что счесть хотя и можно, но никто не возьмется оное сделать (Соч. Рад., ч. IV, стр. 93). Радищев взял из «Телемахиды» эниграф для своей книги «Путешествие», именно описание Цербера: «Чудище обло, огромно, озорно, стозевно и лайи» (Телемахиды, кн. 18, ст. 514). Вот в чем заключалась его любовь к Тредьяковскому, которого он называет «человеком, ученым в стихотворстве, но не имевшим о вкусе ни малого понятия». Размер, принятый Тредьяковским, он находил свойственным русскому стиху, и действительно, русские поэты стали писать этим размером.

Он бранит Ломоносова. Радищев высоко пенил Ломоносова, что можно видеть в его «Путешествии», которое оканчивается

Жомини говорит, что всякий народ, любящий свободу, охотно жертвует несколькими годами спокойствия, чтоб получить свободу; то же самое говорили Мирабо и Фокс. Франция теперь счастливее, чем при добром Людовике XVI. Народ оживился, вековые злоупотребления исчезли. Но сколько же продолжались гонения за веру на лютеран, гюенотов, альбигойцев? Они во всех частях Европы продолжались более двухсот лет, и можно ли исчислить все жертвы, принесенные гнусными изуверами именем божественного спасителя? Император Марк-Аврелий говорил, что мир будет счастлив, когда философы будут царствовать или когда цари будут философствовать.

Император Александр вспомнил о Радищеве... определил в Комиссию составления законов и приказал ему изложить свои мысли касательно некоторых гражданских ностаций... Бедный Радищев вспомнил старину и пр. Отчего препоручили это не председателю Комиссии, не членам, не министру юстиции Державину, не Сперанскому, уже известному, а бедного Радищева взяли из деревни, выбрали из 30 миллионов подданных, если б Радищев не имел ни обширного ума, ни познаний, как утверждает Пушкин?

По словам Пушкина, Радищев — сочинитель посредственной книги, написанной варварским слогом, жеманной, надутой, чрезвычайно смешной, набитой пошлостями; сочинитель, в котором отразилась вся французская философия его века, но так, как предметы в кривом зеркале; представитель полупросвещения, с невежественным презрением ко всему прошедшему, с поверхностными сведениями, наобум приравненными ко всему. Этот пасквиль (*libelle diffamatoire*)⁹¹ не стоит ответа; он написан с явным намерением унижить человека честного, бескорыстного, умного, ученого, патриота с огромною репутациею. Вся эта статья на первый раз так удивляет, что с трудом можно поверить, чтоб она вполне принадлежала Пушкину, и даже не заслуживала бы возражения, если б не была украшена именем знаменитого поэта.

пространным «Словом о Ломоносове». Радищев сожалеет только о том, что поэт иногда льстил недостойным кумирам, и упрекает его в однообразии стихотворных размеров, которым все стали подражать, и желает, чтобы русские привыкли к стихам без рифмы.

Слог книги Радищева действительно во многом устарел, и замечания о нем Пушкина одни только и справедливы, хотя многие главы написаны прекрасно. Повторим еще, что во всем остальном видно у Пушкина незнание фактов или извращение их, и особенно поражает ложный свет и странный, трудно-объяснимый взгляд, брошенный на личность Радищева нашим знаменитым поэтом.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

П. А. РАДИЩЕВ

О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНИЯХ А. П. РАДИЩЕВА

Печатается по рукописи Н. А. Радищева, хранящейся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (ф. 265, оп. 2, № 2167).

1. Радищев родился в Москве 1749 года 20-го августа. Дата рождения Радищева 20 августа указана по старому стилю, по новому — 31 августа. Приведенное здесь указание о месте рождения Радищева в литературе последнего времени стало оспариваться. И. Д. Смолянов поместил в цензурной газете «Сталинское знамя» за 2 сентября 1944 года заметку «Где родился А. Н. Радищев?», в которой доказывает, что местом рождения Радищева была не Москва, а село Верхнее Аблязово, родовое имение Радищевых. В статье «Из разысканий о Радищеве», напечатанной в сборнике «Радищев. Статьи и материалы» (Л., 1950), И. Д. Смолянов более подробно аргументирует свою точку зрения по данному вопросу. Основным аргументом для него служит свидетельство внука Радищева, А. П. Боголюбова, основателя в Саратове радищевского музея (Публичный музей русского искусства).

А. П. Боголюбов, описывая свою поездку в село Верхнее Аблязово в начале 80-х годов XIX века, говорит: «Поехал я осматривать старый радищевский дом... Тут-то родился А. П. Радищев, и тут проживала его семья». Говоря о Саратове, А. П. Боголюбов пишет: «Это мой родной город — тут в Кузнецком уезде родина моего деда А. Н. Радищева» (Радищев. Статьи и материалы. Л., 1950, стр. 270).

Документальных данных о месте рождения А. Н. Радищева не сохранилось. Но приведенное указание А. П. Боголюбова, как нам кажется, нельзя предпочесть свидетельству сына Радищева — Николая. А. П. Боголюбов родился 16 марта 1824 года. Он никогда не жил в семье Радищевых, и если знал что-либо о селе Верхнее Аблязово и о жизни в нем А. Н. Радищева, то не более того, что могла передать ему его мать Фекла Александровна. Фекла Александровна родилась в Илимске (1795 год) от второго брака Радищева. По возвращении отца из Сибири она не была принята своим строгим дедом Николаем Афанасьевичем в семейный круг Радищевых по той причине, что брак ее матери с А. Н. Радищевым не считался по тогдашним понятиям законным. Когда А. Н. Радищев представил своих детей, рожденных в Илимске от Е. В. Рубановской, своему отцу, то, как рассказывает

в печатаемой здесь биографии П. А. Радищева, Николай Афанасьевич закричал: «Иль ты татарин, чтоб жениться на свояченице? Женись ты на крестьянской девке, я б ее принял как свою дочь». После смерти А. Н. Радищева Фекла Александровна (в возрасте 7 лет) была отдана на воспитание в Смольный институт в Петербурге. На этот раз, по словам П. А. Радищева, неукротимый ее дед хотел ехать в Петербург просить государя снять с детей Радищева, рожденных в Илимске, фамилию Радищевых; «и с трудом дети могли удержать его уверением, что поездка его будет напрасна».

Таким образом, мать А. П. Боголюбова, воспитанная за пределами семьи Радищевых, не могла знать так хорошо жизнь своего отца, как знали ее старшие братья Николай и Павел. Павел Александрович, так же как и Николай Александрович, указывает, что его отец родился в Москве. Имеется еще одно указание по этому вопросу. В списке русских студентов, посланных в 1766 году учиться в Лейпцигский университет, перед фамилией каждого указано место его происхождения. Против фамилии А. Н. Радищева написано: «Из Москвы» (см. выше стр. 51). Очевидно, вскоре после рождения А. Н. Радищева его увезли из Москвы в село Верхнее Аблязово, где он и провел свое детство.

2. **Михаила Федоровича Аргамакова... бывшего куратором Московского университета.** М. Ф. Аргамаков никогда не был куратором Московского университета, директором университета был его родственник А. М. Аргамаков. М. Ф. Аргамаков участвовал в 1741 году в заговоре гвардейских офицеров, направленном против регента Бирона.

3. **и отправлял при нем должность обер-аудитора.** Обер-аудиторы в армии являлись юридическими советниками при председателе суда в дивизиях. Радищев служил обер-аудитором штаба Финляндской дивизии гр. Я. А. Брюса с весны 1773 по 20 марта 1775 года. Документальные данные о службе Радищева в штабе Финляндской дивизии были впервые опубликованы Георгием Штормом в его книге «Страницы морской славы» (Военное издательство, М., 1954, стр. 64—68).

4. **Первый наставник его в русском языке был Александр Васильевич Храповицкий.** А. В. Храповицкий — третьестепенный писатель, личный секретарь Екатерины II. Легенда о том, что Радищев плохо знал русский язык, опровергается опубликованным нами в 1941 году в III томе «Полного собрания сочинений» Радищева переводом на русский язык статьи греческого патриота Антона Гика «Желания греков», сделанным летом 1771 года.

5. **перевел из Монтескье рассуждение «О величии и упадке римлян».** Перевод указанного сочинения принадлежит не Радищеву, а законоведу XVIII века А. Я. Поленову. Н. А. Радищев смешал указанный перевод с переводом А. П. Радищева книги французского публициста Габриэля Бонно де Мабли (1709—1785) «Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастья греков», напечатанным отдельной книгой в 1773 году.

6. **Целый год он занимался единственно чтением журналов и определений Коммерц-коллегии.** Это сообщение подтверждается показанием А. Н. Радищева, данным в Петропавловской крепости 15 июля 1790 года. «Когда я определен был в Коммерц-коллегию, — говорит Радищев в показании, — то за долг мой почел приобрести знания, до торговой части вообще касающиеся, и для того сверх обыкновенного упражнения в делах я читал книги, до коммерции касающиеся, возобновил паки чтение общей истории и путешествий и старался приобрести знания в российском законоположении, до торгу вообще относящиеся».

7. **Даль.** Даль Герман Юрьевич (умер 2 июня 1789 года). О своей работе с Г. Ю. Далем в Петербургской таможне Радищев тепло вспоминает в письме из Илимска к А. Р. Воронцову от 20 ноября 1795 года

(см.: А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. III, М.—Л., 1952, стр. 481).

8. **вместе с г. Далем составил тариф.** «Проект нового генерального таможенного тарифа» был написан Радищевым; впервые опубликован нами в 1952 году в III томе «Полного собрания сочинений» А. Н. Радищева.

9. **арестование и опись шведских купеческих кораблей.** Участие Радищева в борьбе со шведским флотом, стремившимся прорваться к Петербургу в период шведско-русской войны 1788—1790 годов, и осмотр им шведских купеческих кораблей в этот период подтверждаются написанным Радищевым «Наставлением» капитану А. И. Далю 30 апреля 1790 года для сбора секретных сведений через купцов и матросов торгового флота о шведском военном флоте (см.: А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. III, М.—Л., 1952, стр. 332—334).

10. **обыск запрещенных товаров.** Имеются в виду заграничные товары, привезенные купцами тайным образом, без оплаты таможенной пошлины. Радищев, управляя Петербургской таможней, систематически вел борьбу с контрабандным провозом заграничных товаров. В 1789 году по поручению Комиссии о коммерции Радищев написал проект указа о запрещении привоза в Россию через пограничные таможи заграничных товаров с целью остановить катастрофический упадок курса российских денег, обусловленный состоянием войны с Турцией и Швецией. Проект этот был утвержден и опубликован 26 июня 1789 года в виде указа. На основании его с октября по декабрь 1789 года во всех городах страны, в том числе и в Петербурге, производилась тщательная ревизия всех торговых лавок и гостиных дворов на предмет выявления у купцов контрабандных товаров (см.: А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. III, М.—Л., 1952, стр. 73—86).

11. **По вступлении на престол... Александра I-го (Александр), Ник^{ол}аевичу, возвращено было прежнее его звание и совершенная свобода.** Освобождение Радищева из ссылки, продолжавшейся после Илимска в селе Немцове Калужской губернии, произошло согласно указу от 17 марта 1801 года об освобождении лиц, содержащихся по ведомству Тайной экспедиции. Указ этот был получен калужским гражданским губернатором Д. А. Лопухиным 28 марта 1801 года. В тот же день, как сообщает об этом Д. А. Лопухин в рапорте Сенату от 29 марта 1801 года, было послано предписание боровскому уездному земскому начальнику, под надзором которого Радищев находился, освободить последнего (Государственный архив Калужской области, ф. 54, 1801, оп. 1, д. № 84, лл. 86—87).

Об исполнении этого предписания Боровский земский суд послал 1 апреля 1801 года в Калужское губернское правление следующий рапорт (Государственный архив Калужской области, ф. 62, 1801, оп. 1, д. № 576, л. 6):

«Его императорского величества указ, из оного губернского правления от 29-го марта под № 6894-м последовавший по предложению господина калужского гражданского губернатора и кавалера, об объявлении жительствовавшему под присмотром земского начальства в Боровском уезде коллежскому советнику Радищеву, что он по именному его императорского величества высочайшему указу прощен и из-под присмотра освобожден с возвращением чина и дворянского достоинства, с дозволением иметь пребывание где он сам пожелает, и о прочем; в Боровском земском суде того ж марта 31-го числа получен, и определено: указ хранить с прочими, а означенному коллежскому советнику Радищеву, жительствовавшему в сельце Немцове, о вышеизъясненной высокомогущей милости чрез суда сего господина комиссара немедленно объявить (и объявлено) с подпискою, о чем равно и о получении указа отрапортовать, донеся притом, что нарочно присланному прогонные деньги

с показанного господина Радищева по взыскании что следовало по подорожной выданы с распискою. Заседатель 13 класса Васильев. Секретарь Васильев. Канцелярист Ларионов.

Апреля 1-го дня 1801 года».

П. А. РАДИЩЕВ

БИОГРАФИЯ А. Н. РАДИЩЕВА

Печатается по рукописи П. А. Радищева, хранящейся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве (ф. 363, ед. хр. 1). Рукопись состоит из двух тетрадей, имеющих единую архивную нумерацию листов (1—68). Первая тетрадь представляет собой окончательную редакцию текста (лл. 1—29); вторая тетрадь содержит рукопись первой редакции этой сводной биографии, имеющей ряд вариантов. В настоящей публикации за основу взят текст первой тетради; варианты, содержащиеся во второй тетради, а также варианты, содержащиеся в рукописи биографии А. Н. Радищева, написанной П. А. Радищевым в 1856—1857 годах и опубликованной В. П. Семенниковым в 1923 году, мы приводим в виде сносок внизу страниц.

Переводы иноязычных текстов, помещенные здесь в примечаниях к очерку П. А. Радищева, выполнены Ф. Я. Приймай, за что выражаю ему глубокую благодарность.

1. **«Таковые сердца редки... явится на светском ристалище»** (Путеш., стр. 144). П. А. Радищев цитирует «Путешествие из Петербурга в Москву» по изданию А. И. Герцена, вышедшему в Лондоне в 1858 году. Приведенный им текст содержится в лондонском издании на стр. 144. Этот факт свидетельствует о том, что П. А. Радищев был связан с кем-то из близких друзей А. И. Герцена, кто и вручил ему лондонское издание указанной книги.

2. **говорит К. в письме к одной знаменитой особе.** Под К. подразумевается А. А. Корсунов, который поместил небольшое предисловие к биографии А. Н. Радищева, напечатанной в «Русском вестнике». П. А. Радищев в письме к П. Ф. Щербине от 9 февраля 1859 года цитирует слова А. А. Корсунова из письма к гр. А. И. Толстой, которая здесь именуется «знаменитой особой»: «Позвольте мне украсить вашим именем мои статьи о Радищеве, сказавшем первое слово о свободе в России и пострадавшем за свой принцип, и поручить покровительству вашему его любимого сына, соученика нашего графа, о котором передаст вам Николай Федорович [Щербина]» (ИРЛИ, шифр 7121/XXXVI б. 105, лл. 4—5).

3. **Перевод:** Только высказывая свои суждения открыто и выстуная с пером в руке при свете дня, люди здравого смысла и граждане, преданные своему отечеству, должны сражаться с невыгодными системами управления («Бельгийская независимость»). («Бельгийская независимость» — газета либерального направления, издававшаяся в Брюсселе с 1831 года).

4. **бюст его поставлен был в Париже в Пантеоне.** Данное сообщение о постановке бюста Радищева в Париже остается пока не подтвержденным в печати.

5. **Недавно книга его напечатана в Лондоне.** Имеется в виду «Путешествие из Петербурга в Москву», изданное А. И. Герценом в 1858 году в Лондоне.

6. **Ламартин говорит (Colomb).** Ламартин Альфонс (1791—1869) — французский поэт, историк и политический деятель; отличался крайне противоречивыми взглядами; в молодости увлекался произведениями Жан-Жака Руссо; до исхода 20-х годов был сторонником династии

Бурбонов, затем перешел на позиции буржуазного либерализма. Во время революции 1848 года стоял во главе правительства. Энгельс считал Ламартина «классическим героем этой [1848 год] эпохи предательства народа, скрытого под поэтическими цветами и риторической мишурой» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, стр. 203).

Colomb — произведение «Кристофор Колумб», 1862.

7. Перевод: Курица в горшке.

8. после Кошихина. Имеется в виду Г. К. Котошихин — подьячий Московского посольского приказа, автор книги «О России в царствование Алексея Михайловича».

9. **Кунай при крещении назван был Василием, а Нагай — Константином.** В биографии Радищева, напечатанной в «Русском вестнике», имена родоначальников Радищевых названы в ином порядке: «Кунай при крещении назван был Константином, а Нагай — Василием». Сведения о далеких предках Радищевых П. А. Радищев записал, видимо, по легенде, существовавшей в семье его деда Николая Афанасьевича. Исследование документов о роде Радищевых, проведенное П. Г. Любомировым, вносит в эту легенду существенные уточнения. П. Г. Любомиров показал, что предком А. Н. Радищева являлся не Кунай, как указывает П. А. Радищев, а некий Дружина, отец Нагая (П. Г. Любомиров. Род Радищевых. Сб. «А. Н. Радищев. Материалы и исследования», Л., 1936, стр. 296).

10. Перевод: Конюшня генерала Гийемино.

11. **Алексей Михайлович Кутузов** — писатель, переводчик, член Дружеского ученого общества и Типографической компании Н. И. Новикова, масон-розенкрейцер. Кутузов являлся одним из близких друзей А. Н. Радищева. О своих взаимоотношениях с Радищевым он рассказывает Е. И. Голенищевой-Кутузовой в письме от 17 декабря 1790 года, присланном из Берлина.

«Вы, думаю, слышали от меня о Радищеве, — пишет он, — который был со мною вместе пажем, в Лейпциге и в Сенате, с которым был я 14 лет в одной комнате. Нравы наши и характеры были довольно сходны, так что, взяв сие вкуче, составило между нами довольно тесную дружбу. После 14 лет он женился. Покойная жена его смотрела на меня другими глазами, дружба моя к ее мужу казалась ей неприятною, а и того менее присутствие мое приносило ей удовольствие. Немудрено было мне заметить сие, равно как и неприятное положение моего друга, и для того, для сохранения их домашнего спокойствия и согласия, решился я расстаться с ним. Отъезд мой в армию подал мне пристойный к тому случай. Мы расстались совершенно, и сие продолжалось до самого того времени, как Недергоф приехал к нам в полк. С ним получил я первое письмо после нашей разлуки. С сего времени началась между нами переписка, и дружба наша возобновилась теснее, нежели когда-либо. Не взирая, что во время нашей разлуки образ наших мыслей сделался весьма различен, однако ж мы спорили, но тем более друг друга любили, ибо оба видели ясно, что разность находилась в наших головах, а не в сердце. По отъезде моем из России переписка наша продолжалась по-прежнему» (Я. Л. Барсков. Переписка московских масонов XVIII века. М., 1915, стр. 65—66).

Радищев посвятил Кутузову две свои книги: «Житие Федора Васильевича Ушакова» и «Путешествие из Петербурга в Москву». С 1787 года Кутузов жил в качестве представителя московских масонов в Берлине. Радищев послал ему один экземпляр «Путешествия» в Берлин, но книга не дошла по назначению, так как была перехвачена еще в Петербурге.

12. **Химия была одно время любимым его упражнением.** О занятиях Радищева химией смотри весьма ценную статью проф. П. М. Лукьянова «Радищев как химик» (Труды Московского ордена Ленина химико-

технологического института им. Д. И. Менделеева, вып. XVIII, М., 1954).

13. **Поэт Хвостов.** Имеется в виду Александр Семенович Хвостов. **14. Книгой Гельвеция.** Гельвеций Клод Андриен (1715—1771) — один из видных представителей французского материализма XVIII века.

15. **Гримма.** Гримм Фридрих-Мельхидр (1723—1807) — литератор, принадлежавший к кружку французских энциклопедистов.

16. **старался усовершенствоваться в русском языке у... Храповицкого.** О неправильности этого указания см. выше, стр. 114.

17. **Рассуждение Монтескье «О величии и упадке римлян».** Перевод указанного сочинения Монтескье принадлежит не Радищеву, а законоведу XVIII века А. Я. Поленову. См. выше, стр. 114.

18. **Как Аристид.** Имеется в виду древнеафинский полководец и политический деятель Аристид (540—467 годы до н. э.), славившийся честностью и неподкупностью.

19. **Его свояченицы.** Имеются в виду Елизавета Васильевна и Дарья Васильевна Рубановские, жившие в одном доме с Радищевым. Елизавета Васильевна потом добровольно поехала с младшими детьми Радищева к нему в Сибирь и там стала его женой.

20. **И пьесы в Théâtre de L'Hermitage.** Имеется в виду сборник пьес, игравших в Эрмитажном театре. Опера «Горе-Богатырь Косометович», о которой говорит П. А. Радищев, была напечатана в 1789 году.

21. **Перевод: Действовать вопреки совести, чтобы сын мог стать знатным вельможею.**

22. **Державин отзывался с большим неодобрением.** О резких отзывах на книгу «Житие Федора Васильевича Ушакова» противников революционных взглядов Радищева сообщает также А. М. Кутузов в письме Е. И. Голенищевой-Кутузовой от 17 декабря 1790 года. «Книга наделала много шума, — пишет он. — Начали кричать: „Какая дерзость, позволительно ли говорить так!“ — и проч. и проч.» (Я. Л. Барсков. Перещиска московских масонов XVIII века. М., 1915, стр. 65—66).

23. **Alibi** — латинск. в «другом месте», доказательство невинности, основанное на утверждении, что обвиняемый не мог участвовать в приписываемом ему преступном деянии, так как в момент совершения преступления он находился в другом месте.

24. **Радищев купил у Фридрикса дачу на Петровском острове.** Дача на Петровском острове в Петербурге принадлежала Е. В. Рубановской, перешла к ней согласно указу от 7 декабря 1787 года по наследству от отца ее Василия Рубановского. В указе было сказано, что эта дача находилась «на Петровском острове подле дачи умершего придворного банкира барона Фридрикса» (Государственный исторический архив Ленинградской области, ф. 757, ед. хр. 437. Дело отдачи в вечное пользование участка земли на Петровском острове дочери статского советника Елизавете Рубановской). Таким образом, к участку земли, принадлежавшему Е. В. Рубановской, Радищев прикупил еще и участок, принадлежавший банкиру Фридрихсу.

25. **В городе он имел дом на Грязной улице.** Дом Радищева находится в Ленинграде на улице Марата, № 14. В 1949 году, в день 200-летия со дня рождения А. И. Радищева, на этом доме по постановлению Советского правительства была прибита мемориальная доска со следующей надписью: «В этом доме с 1775 по 1790 г. жил выдающийся русский писатель-революционер Александр Николаевич Радищев. Здесь он напечатал в собственной типографии книгу „Путешествие из Петербурга в Москву“».

26. **Во сне (глава «Подберезье») он видит монарха.** Данное указание П. А. Радищева заслуживает особого внимания. Сон, о котором здесь говорится, в печатных экземплярах «Путешествия» содержится не в главе «Подберезье», а в главе «Спасская Полесь». На первый взгляд

кажется, что П. А. Радищев в данном случае допустил явную ошибку. Однако ошибки здесь никакой нет. П. Е. Щеголев при анализе рукописи «Путешествия», находящейся при следственном деле о Радищеве, установил, что рассказ о сношении в рукописи входил в главу «Подберезье». «Глава печатного экземпляра — пишет он, — посящая заглавие „Подберезье“, ничего общего по содержанию не имеет с „Подберезье“ рукописи и, как увидим ниже, вставлена после цензуры» (Путешествие из Петербурга в Москву А. Н. Радищева. СПб., 1905, стр. LXXVIII).

Таким образом, данное указание П. А. Радищева свидетельствует о том, что в его распоряжении находилась более ранняя рукопись «Путешествия», значительно отличающаяся от печатной книги. Возможно, что он пользовался рукописью, находящейся при следственном деле о Радищеве.

27. **Она начинается так.** Приводимые ниже П. А. Радищевым отрывки из оды «Вольность» имеют некоторые отличия от печатного текста оды, включенной в виде отрывков в «Путешествие». Эти отрывки отличаются также от списка, полученного П. А. Ефремовым от П. А. Радищева, по которому ода впервые была опубликована полностью в 1906 году книгоиздательством «Сириус». Очевидно, П. А. Радищев имел у себя еще одну рукопись оды, которая до нас не дошла.

28. **Кромвель.** В эпоху английской буржуазной революции в 1649 году правительство, возглавляемое Оливером Кромвелем, казнило английского короля Карла I. Радищев отрицательно относился к последующей диктаторской деятельности Кромвеля, но этот первый его акт ставил ему в заслугу.

29. **Фукье-Тенвиль у Робеспьера.** Фукье-Тенвиль (1747—1794) был в период якобинской диктатуры во Франции (1793—1794) прокурором революционного трибунала. После переворота 9 термидора он перешел на сторону врагов революции.

30. **Тигеллип.** Офоний Тигеллин — фаворит римского императора Нерона, потворствовавший жестокости и низким страстям императора.

31. **Тристан л'Эрмит.** Тристан Луи — верховный судья и приближенный французского короля Людовика XI, отличался жестокостью при исполнении приказаний своего короля.

32. **Дело о Радищеве.** Приводимые ниже документы следствия и суда свидетельствуют о том, что П. А. Радищев пользовался подлинным делом Петербургской палаты уголовного суда.

33. **Прапорщик Дараган.** Дараган Козьма Иванович (род. между 1767—1770 годами, ум. в 1825 году) служил под начальством Радищева учеником при Петербургской таможне; занимался в 1790-х годах литературной деятельностью, писал стихи и делал переводы.

34. **Вицман.** Вицман Август — педагог, находившийся одно время при русских студентах в Лейпциге и поддерживавший их борьбу против злоупотреблявшего властью майора Е. Ф. Бокума. Радищев прекрасно отзывался о нем в своей повести «Житие Федора Васильевича Ушакова».

35. **Александр Царевский.** Царевский Александр Алексеевич находился в весьма близких отношениях с Радищевым. До поступления надзирателем в Петербургскую таможню он несколько лет обучал в доме Радищева его детей грамоте; он переписывал рукопись Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», помогал ее печатать в домашней типографии, а затем распространял печатные экземпляры этой книги.

36. **Вальц.** Вальц Иван Иванович в 1790 году служил секретарем в Государственной коллегии иностранных дел.

37. **Кацаревы.** Имеется в виду сослуживец Радищева по Коммерц-коллегии, прокурор Кацарев Николай Иванович (1747—1815).

38. **Сенявина.** Сенявина Мария Алексеевна (1762—1822) воспитывалась вместе с Е. В. Рубановской в Смольном институте благородных девиц, была замужем за обер-камергером А. И. Нарышкиным.

39. **Ржевские.** Имеется в виду Глафира Ивановна Ржевская, урожденная Алымова, жена сенатора М. И. Ржевского, близкая подруга Е. В. Рубановской, воспитывавшаяся вместе с ней в Смольном институте. Когда Е. В. Рубановская находилась вместе с Радищевым в Сибири, Г. И. Ржевская поддерживала с ней переписку и посылала ей в Илимск через А. Р. Воронцова посылки. Ржевская одновременно проявляла заботу о старших детях Радищева, оставшихся после ссылки их отца на поочечении М. И. Радищева. Радищев в своих письмах из Сибири к А. Р. Воронцову упоминает о ней (см.: А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. III, М.—Л., 1952, стр. 413, 414, 635 и др.).

40. **является полицейский офицер.** Радищева арестовал на основании ордера петербургского генерал-губернатора гр. Я. А. Брюса 30 июня 1790 года подполковник Горемыкин и доставил его к обер-коменданту Петропавловской крепости А. Г. Чернышеву.

41. **Андрей Брянцев.** Брянцев Андрей Михайлович — московский цензор. Имеются сведения о том, что Радищев одно время пытался издать «Путешествие из Петербурга в Москву» в Москве и давал свою рукопись московскому типографу Селивановскому, но тот отказался печатать ее. «Пробежав оригинал и поняв всю важность его содержания, — рассказывает сын Селивановского, — батюшка оставил книгу. Является автор. Ему отвечают, что книги печатать не станут» (Журн. «Биографические записки», т. I, 1858, 17, стр. 518).

Давал ли Радищев на просмотр свою рукопись цензору Брянцеву, мы не знаем, так как, кроме данного рассказа П. А. Радищева, об этом никаких других свидетельств не сохранилось. Некоторые данные о том, что Радищев обращался в Москву с просьбой издать его рукопись имеются в «Путешествии» в главе «Тверь». Поэт в беседе с путешественником об оде «Вольность» рассказывает, что в Москве не хотели ее печатать по двум причинам: «первая, что смысл в стихах неясен и много стихов топорной работы; другая, что предмет стихов несвойственен нашей земле».

42. **подал обер-полицейстеру Рылееву.** Рылеев Никита Иванович (род. в конце 1740-х годов, ум. в 1808 году) служил в 1784—1793 годах петербургским обер-полицейстером. На экземпляре рукописи Радищева «Путешествие», хранящемся ныне в деле Тайной экспедиции, стоит его подпись: «Печатать дозволено. 22 июля 1789 года. Никита Рылеев».

43. Ее [книгу] истребляли, так что не более 50 экземпляров уцелело. По нашим данным, печатных экземпляров книги «Путешествие из Петербурга в Москву» разошлось по рукам немногим больше 80. Кроме этого, книга распространялась еще в многочисленных рукописных списках.

44. **Державин поднес государыне этот экземпляр.** Экземпляр книги, подаренный Радищевым Державину, был отобран от последнего Петербургской уравно благочиния и передан в Тайную экспедицию Шешковскому.

45. **сверх того написал еще эпиграмму.** Эпиграмма на Радищева «Езда твоя в Москву со истинною сходна» приписывается современниками Г. Р. Державину, хотя среди автографов Державина она до сих пор не обнаружена. Эта эпиграмма приведена с указанием принадлежности ее также Державину на обороте титульного листа списка «Путешествия из Петербурга в Москву» начала XIX века, принадлежавшего А. Бессонову (Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, шифр: М. 10320).

46. **Граф Воронцов написал ко всем губернаторам.** Действительно А. Р. Воронцов обратился с просьбой к губернаторам тех городов, где Радищев должен был проезжать в Сибирь, чтобы они отнеслись к нему гуманно и оказали ему необходимую помощь в пути. В его бумагах, хранящихся ныне в Институте истории Академии наук СССР, имеется еще частично не опубликованная до сих пор переписка его с тверским генерал-губернатором Г. М. Осиповым, нижегородским губернатором Иваном Ребиндером, пермским губернатором А. А. Волковым и иркутским генерал-губернатором И. А. Пилем.

47. **В Москве Радищев пробыл... в семействе своего отца.** Встреча Радищева с отцом произошла не в Москве, а в Казани. Об этом свидетельствует письмо матери Радищева Феклы Стенаповны к А. Р. Воронцову из Саратовской губернии от 5 ноября 1790 года, в котором она пишет, что «Николая Афанасьевича уже нет: неделю, как уехал в Казань для свидания с Александром».

В Москве Радищев был доставлен, как свидетельствует письмо тверского генерал-губернатора Г. М. Осипова к А. Р. Воронцову от 2 октября 1790 года, в Московское губернское правление. «Посланный от меня в Москву, — пишет Осипов, — возвратился и господина Радищева довел в Московское губернское правление весьма в слабом здоровье, так что ушваю, до выздоровления пути он продолжать не может».

Радищева увезли из Петербурга 8 сентября 1790 года в крайне слабом состоянии. У него не было самого необходимого для пути в Сибирь. Его увезли из Петропавловской крепости в том легком одеянии, в каком он был арестован 30 июня, несмотря на то, что стояла уже холодная осень. На дорогу снабдили всем нужным Радищева не в Москве, как указывает П. А. Радищев, а в Твери по поручению А. Р. Воронцова, пославшего М. Г. Осипову для этой цели деньги. «Желая, сколько можно, облегчить судьбу его, — пишет Воронцов Осипову в письме от 12 сентября 1790 года, — покорно прошу вас, милостивого государя моего, в то время, когда он в Тверь привезен будет (в рассуждении, что сведав уже после отправления его, что не имеет он, так сказать, нужного одеяния, обуви, белья и всего потребного для толь дальней дороги), снабдить его пристойным и покрытым тулопом, шубою, несколько пар сапогов и башмаков, чулками и прочим бельем и платьем, и пристойным, и нужным для толь дальнего пути, также и на пищу его в дорогу».

48. **Гаррика.** Гаррик Давид (1717—1779) — знаменитый английский актер, один из основоположников реализма в западноевропейском театре.

49. **и Вестриса.** Имеется в виду, очевидно, Мария Огюст Вестрис (1760—1842) — искуснейший французский танцовщик, которого французы называли «богом танцев».

50. **некто Смирнов.** Смирнов Николай — крепостной князя Голицына, получивший хорошее образование в Московском университете. Не перенеся рабского состояния, он сделал в 1785 году попытку бежать за границу. Его поймали и судили в Петербургском нижнем и верхнем надворных судах, а затем в Петербургской палате уголовного суда. Последняя сначала приговорила его к повешению, затем, осылаясь на указ от 30 сентября 1754 года об отмене смертной казни, решила дать ему 10 ударов кнутом, вырезать ноздри, заклеить и отравить в кандалах на каторжные работы. После пересмотра дела в Тайной экспедиции Смирнов был осужден на сдачу в солдаты. Смирнов написал при допросе его в доме генерал-прокурора автобиографию, которая сохранилась среди документов Тайной экспедиции (Исторический архив, т. V, 1950, стр. 289—292). Слух о том, что Смирнов сделал фальшивый вексель в 20 000 рублей, не соответствует действительности.

51. **В Иркутск Радищев приехал в сентябре.** А. Н. Радищев в письме к А. Р. Воронцову из Иркутска от 14 октября 1791 года сообщает: «Я приехал сюда 8 числа сего месяца после обеда» (А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. III, М.—Л., 1952, стр. 394). Эту дату подтверждает иркутский генерал-губернатор И. А. Пиль. В письме к А. Р. Воронцову от 19 октября 1791 года он сообщает: «8 го числа сего месяца приехал сюда и господин Радищев с свояченицею своею и с детьми в изрядном положении своего здоровья. Я все следуемые к нему письма и разные посылки, а также и 1000 рублей денег ему вручил» (там же, стр. 630).

52. **у вице-губернатора Андрея Сидоровича Н. Н.** Имеется в виду Андрей Сидорович Михайлов, бывший тогда вице-губернатором иркутским. С А. С. Михайловым Радищев был знаком еще раньше в Петербурге, через него он посылал из Иркутска письма к А. Р. Воронцову. В письме к Воронцову из Иркутска от 26 ноября 1791 года он пишет: «Для того чтобы письмо не устарело в моих бумагах, я пользуюсь отъездом отсюда вице-губернатора, чтобы доставить его вашему сиятельству. Мне очень жаль, что он уезжает отсюда с намерением больше не возвращаться, как мне думается. Этого человека я знавал еще в Петербурге, и он был единственным моим знакомым в этой губернии» (А. П. Радищев, Полное собрание сочинений, т. III, М.—Л., 1952, стр. 407—408).

53. **«Князь Трубочист».** Имеется в виду комедия неизвестного итальянского писателя. У В. С. Сошикова сказано о нем: «Князь трубочист и трубочист князь, в 1 д., пер. с италиянского, СПб., 1795, в 8°, 6 к. Перевел Иван Афанасьевич Дмитриевский. Музыка писал М. Портогалли» (Опыт российской биографии, № 7435).

54. **«Мельник».** «Мельник-колдун, обманщик и сват», популярная комическая опера А. О. Аблесимова, музыка Е. Фомина.

55. **Радищев увидел себя там совершенно свободным.** Свобода Радищева в Илимске была относительной. Правительство Екатерины II, запрятав его сюда, все же не перестало вести за ним систематическое наблюдение. Для постоянного надзора за Радищевым в Илимске был выделен унтер-офицер и два рядовых солдата. По указанию земского суда вели наблюдение за Радищевым члены Киренского уездного суда, в ведении которого находился Илимский острог.

56. **В полях ли брань, ты... пенишь бездны.**

Стихи взяты из второй строфы «Песни лирической Россу по взятии Измаила». У Державина текст следующий:

В полях ли брань, — ты тмишь свод звездный,

В морях ли бой, — ты пенишь бездны...

57. **Турвиль.** Турвиль — французский моряк XVII века, адмирал.

58. **Рюйтера.** Рёйтер Михаил Адрианович (1607—1676) — голландский флотоводец, адмирал.

59. **доктор Дженнер.** Дженнер Эдуард (1749—1823) — английский врач, открывший в 1796 году вакцинацию в области оспопрививания. Первые опыты в России по прививанию оспы относятся к 1768 году. 12 октября 1768 года лондонский врач Фома Димздаль, вызванный Екатериной II в Петербург, привил оспу ей, а потом великому князю Павлу Петровичу. Это прививание оспы было широко разрекламировано по указанию Екатерины II. В. И. Майков написал по этому случаю пролог «Торжествующий Парнас», стихотворение «Сонет ко дню празднования о благополучном выздоровлении от прививные оспы ее императорского величества и его императорского высочества» и подписал к портрету врача Димздала (см.: Сочинения и переводы Василия Ивановича Майкова. СПб., 1867, стр. 55, 494, 501, 534).

60. **Елизавета Васильевна... отправилась в Иркутск жаловаться губернатору.** Об этой поездке Е. В. Рубановский в Иркутск сообщает

А. Н. Радищев в письме к А. Р. Воронцову от 20 ноября 1795 года. «Она едет искать покровительства, — пишет он, — этого, кажется, требует благоразумие. В другое время и при других обстоятельствах наилучшим ответом на оскорбления было бы полное презрение; так, вы знаете, что люди, разыгрывающие хозяев в этих диких краях, считались бы подонками в другом месте. Меня преследуют и начинают с того, что пытаются унижить меня. Угадаете ли вы причину? Думают, что у меня есть 40 тысяч; будь я один, меня бы это почти никак не тронуло» (А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. III. М.—Л., 1952, стр. 480, 481).

61. Перевод: «Расточительный сын» [Вольтера].

62. в январе 1797 года... он оставил Илимск. Из Илимска Радищев выехал с семьей, как он указывает в записках путешествия из Сибири, 20 февраля 1797 года.

63. В Илимске она не давала ему упасть духом. А. Н. Радищев с большой сердечной теплотой вспоминает Е. В. Рубановскую. В повести «Бова» он пишет:

...устремлялся

В ту страну ужасну, хладну,
В ту страну, где я средь бедствий,
Но на лоне жаркой дружбы
Был блажен и где оставил
Души нежной половину.

64. В Екатеринбурге он был у... Ярцева. Ярцев Никита Сергеевич — видный организатор промышленности; был директором ряда крупных заводов в Олонецкой губернии и на Урале, приятель Г. Р. Державина; не чужд был литературы, писал стихи; в собрании бумаг Г. Р. Державина, хранящихся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, имеется неизданная его рукопись «Описание уральских гор», содержащая сведения об уральских заводах и быте рабочих конца XVIII века.

65. Радищев с братом ездили в сторону с дороги к графу Александру Романовичу Воронцову. О посещении Воронцова в его селе Андреевском Владимирской губернии А. Н. Радищев сообщает в своих записках путешествия из Сибири (А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. III. М.—Л., 1952, стр. 304).

66. Перевод: Роза Саланси (обычай увенчания розами девушки, отличившейся высоконравственным поведением, существовавший в средние века во Франции; получил свое наименование от деревни Саланси, где он возник).

67. Перевод: «Здравствуйте, господин демократ».

68. Душевная болезнь развивалась все более и более. А. Н. Радищев сообщает о своей болезни в письме к родителям от 18 августа 1802 года, написанном за три недели до его смерти. «Я с месяц был болен, — пишет он, — теперь хотя поздоровее, но слабость еще велика» (А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. III, М.—Л., 1952, стр. 535).

69. «Vie de M. Grosley». Очевидно, имеется в виду французский писатель Гроле Пьер Жан (1718—1785) и его книга «Жизнь Гроле, написанная частью им самим, продолженная и опубликованная аббатом Мейдые, посвященная незнакомцу» (1787).

А. Н. Радищев в письме к А. Р. Воронцову от 26 ноября 1791 года, говоря об известном педагоге И. Б. Базедове, писал: «Если незаметная жизнь частного лица, человека неизвестного, искусно написанная, может найти читателей, если Гроле умеет быть занимательным, рассказывая о некоем отце (с семью смертными грехами) и о других пустяках, то разве жизнеописание человека, жизнь и труды которого

оказали влияние на его век, не должно быть для нас занимательным» (А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. III, М.—Л., 1952, стр. 406—407).

70. **Фаворит (Зубов)**. Имеется в виду гр. П. А. Зубов, фаворит Екатерины II.

71. **Каразину**. Каразин Василий Назарьевич (1773—1842) — дворянский публицист, вошедший в начале царствования Александра I в личное доверие императора и пытавшийся играть роль покровителя литераторам, в том числе и А. Н. Радищеву.

О знакомстве А. П. Радищева с Каразиным в 1801—1802 годах свидетельствует его записка к неизвестному лицу, в которой он пишет: «Если б я мог знать, в который день и в которое время можно мне видиться с Васильем Назарьевичем, то я за великое удовольствие почту быть у него» (А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. III, М.—Л., 1952, стр. 535).

П. А. Радищев говорит здесь, что Каразин взял у его отца рукопись проекта «Гражданского уложения» и не возвратил ее. Наличие указанной рукописи у Каразина подтверждается автографом Радищева краткого проспекта названного труда, на оборотной стороне которого имеется надпись, сделанная рукой В. Н. Каразина (см.: Ф. Я. Прийма. Неизвестные автографы А. П. Радищева. Сб. «Радищев. Статьи и материалы». Изд. Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, 1950, стр. 23—25).

72. **Habeas corpus** [act] — закон, изданный в 1679 году английским парламентом в период борьбы буржуазии против королевского произвола. Этот закон обязывает суды по жалобе лица, считающего, что он или кто-либо другой неправильно лишен свободы, требовать срочного представления задержанного в суд для проверки законности задержания.

73. Перевод: Скуность, переодетая в удовольствие.

74. Перевод: Когда все потеряно, когда нет никакой надежды. П. А. Радищев цитирует здесь первый заключительный стих второго действия «Меропы» Вольтера. В первоначальной рукописи биографии, опубликованной В. П. Семенниковым, приведен этот же стих, но в русском переводе: «Коль все потеряно, когда надежды нет». В тексте, напечатанном в «Русском вестнике», данная цитата приведена, очевидно, М. П. Лонгиновым гораздо полнее:

Quand on a tout perdu, quand on n'a plus d'espoir,
La vie est un opprobre et la mort un devoir.

75. **Отец Радищева имел процесс с Козловым**. Козлов Дмитрий Федорович — сенатор. «Дело с Козловым еще не шевелится, — писал А. Н. Радищев своим родителям в письме от 18 августа 1802 года, — неизвестно, когда будут докладывать. Дай бог, чтобы вы конец его могли видеть» (А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. III, М.—Л., 1952, стр. 535).

76. Перевод: Сыны века более предусмотрительны в ведении своих дел, нежели сыны просвещения.

77. **Бородавицын**. Биографическими данными о Бородавицыне мы не располагаем.

78. **Брежинский**. Об Андрее Петровиче Брежинском биографических данных почти не сохранилось. Из письма к нему Г. Р. Державина в Астрахань от 28 февраля 1816 года видно, что А. П. Брежинский имел какое-то отношение к театру, возможно, был актером. «Без вас театр наш не существует, — писал Державин, — и все известные музы что-то очень стали подхолозны» (Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, бумаги Державина, т. II, л. 51).

79. **Пнин.** Пнин Иван Петрович (1773—1805) — писатель, в 1798 году издавал совместно с А. Ф. Бестужевым «Санктпетербургский журнал», деятельный член, а затем президент Вольного общества любителей словесности, наук и художеств.

80. **Марин.** Марин Сергей Пикифорович (1776—1813) — писатель-сатирик.

81. **Один из величайших приверженцев Радищева был Сергей Николаевич Глинка.** После смерти А. Н. Радищева С. Н. Глинка вел дружбу с его сыновьями и помогал им в 1806—1811 годах издавать собрание сочинений Радищева. В письме Н. А. Радищева к В. Н. Каразину от 10 ноября 1808 года Николай Александрович просит переслать бумаги своего отца «на имя Сергея Николаевича Глинки». И самое письмо это доставил к Каразину С. Н. Глинка, о чем свидетельствует следующая приписка Глинки в конце письма: «Р. С. Николай Александрович Радищев препоручил мне препроводить к вам письмо, которое и прилагаю здесь» (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, шифр: Авт. № 5, ед. хр. 28).

82. П е р е в о д:

О вы, недолговечные жертвы добродетели,
С которых божество не спускает своих отеческих
взглядов,
Кратковременные странники чуждых земель,
Утештесь, вы бессмертны!

«Дифирамб на бессмертные души».

83. П е р е в о д:

Явление великой души — это священный факел,
Который иногда посылает небо
В этой глубокой тьме для счастья мира.

84. **напечатало стихи и статью в прозе Борни «На смерть Радищева».** Борни Иван Мартынович (умер в 1851 году) — один из первых учредителей в 1801 году Дружеского общества любителей изящного (вскоре переименованного в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств).

85. **Недавно я слышал от одного почтенного и совершенно достоверного лица.** Пока не удастся установить фамилию данного лица и проверить те сведения, которые П. А. Радищев получил от него относительно предложения А. Н. Радищева учредить строгий и неподкупный контроль за действиями судов и чиновников. Вполне вероятно, что «достоверное лицо», о котором здесь упоминается, читало в рукописи записку А. Н. Радищева «О законоположении», опубликованную затем А. Попельницким в журнале «Голос минувшего» в 1916 году. В этой записке, составленной в 1801—1802 годах, Радищев предлагал завести во всех судах для полного отчета о производстве всех дел специальные ведомости, в которых следовало показывать преступления судей или градоначальников, ко званию их относящиеся». Одновременно с этой мерой контроля он предлагал допустить отдельным гражданам, «любящим отечество и правду», выявлять злоупотребления чиновников, т. е. ввести такой порядок, который мы называем теперь общественным контролем.

«Сего рода ведомости хотя и покажут многое, — пишет он, — но еще бы больше можно узнать, если бы сыскался или житель столицы, или житель в губернии, или путешественник, довольно имеющий твердости духа, любящий отечество и правду, а сверх того, находясь в независимости в своей особенности, не имея нужды бояться прослыть

клеветником злоречивым и бояться мщения сильных, сделал бы картину преступающих в злоупотреблении власти» (А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. III, М.—Л., 1952, стр. 153).

86. Перевод: Нравоучительная поэма о боге.

87. Перевод: Оскорбление чести государя.

88. Некоторые статьи «Путешествия» напечатаны в «Живописце» Новикова в 1781 году. Имеется в виду «Отрывок путешествия в*** И*** Т***», первоначально напечатанный в издаваемом Н. И. Новиковым журнале «Живописец» в 1772 году (лл. 4 и 14). Отрывок этот перепечатывался неоднократно в последующих изданиях «Живописца» в 1773, 1775, 1781, 1793 годах и др.

Ниже П. А. Радищев указывает на третье издание «Живописца», датируя его не 1775 годом, который указан на титульном листе издания, а годом фактического выхода его в свет (1776 год).

В краткой биографии А. Н. Радищева, напечатанной в 1858 году в «Русском вестнике», имеются два примечания относительно принадлежности «Отрывка путешествия в*** И*** Т***» Радищеву.

Первое примечание сделано А. Корсуновым. Опровергая некоторые слухи относительно того, что Радищев написал «Путешествие» по внушению гр. А. Р. Воронцова, он пишет: «В сомнительности этой догадки подтверждает больше всего „Отрывок путешествия в*** И*** Т***“, напечатанный в конце II части „Живописца“ Новикова (изд. 3, вновь пересмотренное, исправленное и умноженное). По окончании отрывка издатель говорит: „...продолжение сего путешествия напечатано будет при новом издании сей книги“. Третье дополненное издание „Живописца“ появилось за пятнадцать лет до издания книги Радищева».

Второе примечание принадлежит М. Н. Лонгинову: «„Отрывок из путешествия“, напечатанный в 1775 году в 3 изд. „Живописца“ Новикова, может быть, и писан Радищевым и относится к первоначальной редакции его, но в изданном в 1790 году „Путешествии из С.-Петербурга в Москву“ нет даже обстоятельства, похожего на описанное в этом отрывке».

По поводу свидетельства П. А. Радищева о принадлежности указанного отрывка А. Н. Радищеву развернулась в литературе большая полемика, которая, однако, за недостатком каких-либо достоверных данных у оппонентов П. А. Радищева, несколько не поколебала его свидетельства.

89. Перевод: Разделяй и властвуй.

90. Перевод: Гальба, Отон, Вителлий не знакомы мне ни по благодеянию, ни по несправедливости.

91. Перевод: клеветническая книжка.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аблесимов А. О. 122
 Аблязова М. Н. 93
 Авдотья Куприяновна, жена пристава 76
 Александр I 44, 50, 64, 89, 93—95, 97, 108, 115
 Алексей Михайлович, царь 49, 117
 Алябьев А. В. 71
 Аммосовы 89
 Андреев С., чиновник 60
 Андрей Сидорович №№ см. Михайлов А. С.
 Анненков П. В. 23, 25, 26, 101, 102
 Аргамаков А. М. 114
 Аргамаков М. Ф. 37, 38, 50, 114
 Аристид 57, 118
 Афанасьев А. Н. 24

 Бабкин Д. С. 1, 3—36, 113—128
 Базанов В. Г. 2
 Базедов И.-Б. 123
 Байрон Д. Н.-Г. 104
 Бантыш-Каменский Д. Н. 9, 49, 101
 Барсков Я. Л. 14, 117, 118
 Барсуков Н. П. 9
 Батюшков К. Н. 5, 6, 8
 Бахтин И. И. 71, 72
 Бахус 104
 Безбородко А. А., граф 85
 Бекетов П. 46
 Белосельский А. М., князь 38, 55
 Бенитцкий А. 7
 Бессонов А. 120
 Бестужев А. А. 9, 24
 Бестужев А. Ф. 125
 Биллингс, капитан 83
 Боголюбов А. П. 113, 114
 Бодянский О. М. 30
 Бокум Е. Ф. 38, 51, 55, 119
 Борн И. М. 8, 101, 125

 Бородавицын 99, 124
 Брежинский А. П. 99, 100, 124
 Брюс Я. А., граф 28, 40, 56, 63, 65—69, 114, 120
 Брянцев А. М. 23, 69, 120

 Вальц И. И. 66, 67, 119
 Варлашев, ссылный 72
 Василий см. Кунай
 Васильев, заседатель 116
 Васильев, секретарь 116
 Вашингтон Дж. 106
 Верочка, солдатская дочь 61
 Венгеров С. А. 9, 26
 Вениамин, епископ иркутский 73, 77
 Вестрис М. О. 71, 121
 Виллие, лейб-медик 95
 Вителлий 106, 126
 Вицман А. 66, 67, 107, 119
 Воейков А. Ф. 6
 Военский К. А. 35
 Волков А. А. 121
 Волков Е. Е. 18
 Волков Н. Д. 38
 Вольтер Ф.-М. 84, 85, 104, 124
 Воронин, художник 82, 83
 Воронцов А. Р., граф. 3, 16, 22, 27—29, 33, 34, 41—44, 56, 61, 70, 76, 85, 89, 94, 96, 98, 114, 121—123, 126
 Воронцов М. С. 22
 Воронцов С. М. 16
 Вяземский П. А. 6—9, 18, 101

 Гаевский В. П. 15, 36
 Гальба 106, 126
 Гарднер Ф. 34
 Гаррикс Д. 71, 121
 Гельбиг 28

- Гельвецкий К. А. 55, 103, 118
 Генрих IV 104
 Гераков 100
 Герцен А. И. 14, 16, 24, 116
 Гийемино, генерал 117
 Гика А. 114
 Глинка С. Н. 6, 22, 100, 125
 Гнедич Н. И. 6
 Голенищева-Кутузова Е. И. 117, 118
 Голицын, князь 72, 89, 121
 Голицына, княгиня 88
 Гончаров И. А. 18
 Гораций Ф. 51
 Горемыкин, подполковник 120
 Граббе П. X. 35
 Гримм Ф. М. 22, 55, 118
 Гро или Легро, воспитательница 107
 Гроле П. Ж. 96, 123
 Грот Я. К. 51
 Грузинский, князь 88
 Густав III, шведский король 58
- Даль А. И. 115
 Даль Г. Ю. 33, 42, 43, 55, 57, 58, 67, 98, 114, 115
 Дараган К. И. 66, 119
 Дашкова Е. Р. 29, 33, 54, 57, 72, 96, 98, 99
 Де-Вильнев Т. Т. 73
 Деев, заседатель 84
 Делиль 101
 Де-Пуле М. Ф. 24
 Державин Г. Р. 22, 29, 31, 54, 59, 66, 70, 76, 105, 109, 118, 120, 122—124
 Дженнер Э. 77, 122
 Димздаль Ф. 122
 Дмитревский И. А. 122
 Добролюбов Н. А. 24
 Долгоруков, князь 13
 Доримедонт, актер 71
 Дружина, предок Радищева 117
 Дубенский, помещик 93
 Дурнова 107
 Дю-Беллуа 101
 Дюмас 16
- Евгений, митрополит 101
 Екатерина II 7, 22, 28, 29, 31, 32, 38, 43, 50, 52, 58, 61, 63—65, 68—70, 72, 84, 89, 106, 107, 114, 122
 Ефремов П. А. 6, 7, 17, 119
- Жан-Барт 76
 Жомини 109
 Жуковский В. А. 6
- Завадовский П. В. 28, 94—95, 108
 Загряжская Н. К. 28
 Зиновьев Н. 51
 Зотов В. Р. 15, 18
 Зотов Г. К. 66
 Зубов В. А., граф 52
 Зубов В. Н., помещик 93, 94
 Зубов П. А., граф 96, 124
- Иван Васильевич, царь 63
 Иван Фадеич, разбойник 87, 88
 Иванов Матвей, священник 67
 Измайлов А. 7
 Иосиф II 105
- Калигула 104
 Капнист В. В. 8
 Каразин В. Н. 97, 99, 124, 125
 Карамзин Н. М. 52, 104
 Карл I 119
 Кацарев Н. И. 69, 119
 Кашин Н. П. 30, 31
 Кашкин Е. 71
 Киселевы 71
 Клопшток Ф.-Г. 52, 54
 Княжнин Б. Я. 70
 Княжнин Я. Б. 70
 Ковалевский Е. П. 14
 Ковалевский Н. А. 84
 Козлов Д. Ф. 99, 124
 Козлов П. И. 64, 65
 Козодавлев О. П. 38, 51, 54, 66
 Константин см. Нагай
 Корсунов А. А. 11, 13, 15, 16, 22, 24, 116, 126
 Костюшко 106
 Кромвель О. 62, 63, 119
 Крузе Н. Ф. 18, 20
 Котошихин Г. К. 48, 117
 Кошихин см. Котошихин Г. К.
 Кузмин, художник 75
 Кунай 47, 48, 117
 Куракин А. Б. 92, 106
 Кутайсов И. П. 52
 Кутузов А. М. 14, 15, 29, 38, 40, 43, 51, 52, 54, 59, 61, 62, 66, 67, 96, 117, 118
- Ламартин А. 48, 116, 117
 Ларионов, канцелярист 116
 Лафон 84
 Левшина 85
 Ломоносов М. В. 65, 109, 110
 Лонгинов М. Н. 14, 18, 20, 22, 29, 101, 124, 126
 Лопухин Д. А. 115
 Лукьянов П. М. 117
 Любомиров Г. П. 117

- Людовик XI 63, 119
 Людовик XIV 104
 Людовик XVI 109
 Львов А. Л. 89
- Мабли Г. Б.** 114
Майков В. И. 122
Мамонтов П. (Сума) 29, 50
Марат 108
Марин С. Н. 100, 125
Мария Федоровна, императрица 52
Марк Аврелий 104
Марков А. И. 37
Маркс К. 117
Мартынов И. И. 101, 105
Мерзляков А. Ф. 6
Мерк, врач 82, 83
Мильтон Дж. 55
Мирабо Г.-Г. 70, 108, 109
Миркович 59
Михайлов, крепостной живописец
 71
Михайлов А. С. 73, 122
Могилянский А. П. 18
Монтескье Ш.-Л. 22, 55, 114, 118
- Нагай** 47, 48, 117
Нагель Б. Л. 73
Нагель Л. Т. 73, 84
Наполеон I 104
Нарышкин, сенатор 61
Нарышкина А. Н. 59
Насакин И. 51
Недергоф 117
Некрасов Н. А. 11
Новиков Н. И. 35, 36, 54, 85, 105,
 106, 108, 117, 126
Нерон 63, 104
Несвицкий А. 38, 51
Номохон Даурец см. Смирнов Н.
- Облязов Г.** 49, 50
Облязова Н. Г. 49
Облязовы, племянники 99
Олсуфьев А. В. 52, 54
Олсуфьев Д. А. 38
Олсуфьев С. А. 29, 51, 52, 54, 66,
 67
Олсуфьева Е. И. 52
Орлов В. Г. 50
Орлов В. Н. 5
Орлов Г. Г. 50
Осипов Г. М. 12
Отон 106, 126
- Павел, монах** 51
Павел I 11, 27, 52, 60, 61, 72, 84,
 85, 89, 92, 106, 107
- Павлуцкий, майор** 83
Палладий, монах 92
Панаев И. И. 11
Петр I 31, 37, 48
Пиль И. А. 71, 73, 84, 121, 122
Платнер 20, 40, 51
Пнин И. П. 5, 6, 8, 12, 29, 99, 101,
 125
Погодин М. Н. 17
Подшивалов 72
Поленов А. Я. 114, 118
Попельницкий А. З. 125
Посошков И. Т. 48
Потемкин Г. А., князь 59, 64, 100
Прейн, илимский житель 81
Прийма Ф. Я. 116, 124
Прянишников И. Д. 87, 94
Пугачев Е. И. 64, 65
Пушкин А. С. 8, 9, 22—24, 25, 26,
 27, 28, 101, 102, 104, 105, 106,
 108, 109
Пушкин М. А. 72
Пшеничный 94
- Радищев А. А.** 16, 17
Радищев А. Н. 1—128
Радищев А. П. 48, 49, 92
Радищев В. А. 3
Радищев М. Н. 3, 33, 71, 89
Радищев Н. А. 3, 9, 10, 17, 22, 29,
 37—46
Радищев Н. А. 49, 50, 71, 92, 93, 99,
 107, 113, 114, 117, 121, 125
Радищев П. А. 3, 10—36, 47—110,
 114, 116—126
Радищева А. А. 17
Радищева А. В. 57, 58, 61, 107
Радищева Е. А. 71
Радищева Е. П. 12
Радищева Ф. А. 114
Радищева Ф. С. 93, 121
Ребиндер И. 121
Резановы 71
Рейтер М. А. 76, 122
Ржевская Г. И. 69, 76, 81, 96, 120
Ржевский М. П. 120
Ридигер 103
Робеспьер М. 63, 108, 119
Рубановская А. В. 57, 61
Рубановская Д. В. 118
Рубановская Е. В. 10, 28, 31, 64,
 65, 69, 71, 73, 76, 84—86, 93, 96,
 113, 118, 122, 123
Рубановский А. К. 38, 51, 54, 57
Рубановский В. К. 57, 61
Руссо Ж.-Ж. 116
Рылеев Н. И. 63, 69, 70, 120
Рюйтер см. Рейтер М. А.

- Сайтов В. И. 5
Сакулин П. Н. 25, 26
Салтыков-Щедрин М. Е. 18
Селивановский 120
Селифонтов И. О. 71
Семен, илимский священник 77
Семенников В. П. 11, 12, 15, 22, 23,
26, 28, 58, 95, 98, 116, 124
Сенявина М. А. 69, 120
Скуратов, Малюта 63
Смирнов Н. 72, 121
Смолянов И. Д. 113
Сопиков В. С. 122
Сохацкий 72
Сперанский М. М. 97, 109
Станкевич А. В. 25
Старчевский А. 9
Стасюлевич М. М. 12
Степанов Н. Л. 26
Строганов П. А. граф 89
Сумароков Панкратий 71
Сухомлинов М. И. 9, 23
- Тейльс И. А. 106
Теплов А. Г. 51
Теплов Г. Н. 53
Тигеллин О. 63, 119
Тимашев, генерал 13
Толстая А. И., графиня 116
Томашевский Б. В. 23, 26
ТрEDIAKовский В. К. 109
Трейторан, гувернер 93
Тристан Луи 63, 119
Трофим, крестьянин 91
Троцкий И. М. 4
Трубецкой В. 51
Турвиль 76, 122
Тучков С. А. 35
- Уваров С. С. 8, 23
Ушаков М. 38, 51
Ушаков Ф. В. 27, 29, 38, 51, 53, 59,
103
- Федоров П. И. 12
Фенелон 104
Фокс Ч.-Дж. 109
Фома, крестьянин 76
Фомин Е. 122
Франк 16
Франклин В. 65, 106
Фридрих II 104
Фридрихс, банкир 60, 118
Фролов Д. 66
Фукье-Тенвиль 63, 119
- Хвостов А. С. 54, 118
Хвощинская С. Д. 18, 19
Хлопов Н. П. 51
Храповицкий А. В. 22, 28, 29, 40,
56, 63—65, 68, 105, 114, 118
- Царевский А. А. 66, 67, 119
- Чарторыйский А., князь 89
Челищев П. И. 29, 38, 51, 53, 54
Черкашина 71
Чернышев А. Г. 120
Чернышевский Н. Г. 18, 36
Чичерин Д. И. 22, 71, 72, 81
- Шекспир В. 55
Шешковский С. И. 29, 33, 63—65,
70, 86, 102, 106
Шторм Георгий 114
- Щебальский П. 48
Щеголев П. Е. 119
Щербина Н. Ф. 13, 15, 18, 21, 116
- Энгельс Ф. 117
- Яковлев (Собакин) 87
Якушкин В. Е. 26
Янов С. Н. 38, 51, 53, 54, 92
Ярцев Н. С. 87, 123
-

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. А. Н. Радищев. Гравюра 1859 г. с портрета маслом, писанного в 1797 году неизвестным художником	Фрон- тиспис
2. Начальная страница статьи С. Д. Хвоцинской «Александр Николаевич Радищев» из журнала «Иллюстрация», 2 марта 1861 года	19
3. Автограф письма П. А. Радищева к Н. Ф. Щербине от 9 февраля 1859 года. Хранится в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР	21
4. Автограф очерка Н. А. Радищева о жизни и сочинениях А. Н. Радищева. Фотокопия с рукописи, хранящейся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР	39
5. Титульный лист «Собрания сочинений» А. Н. Радищева, изданного его сыновьями	45
6. Вид Илимска и дома, где жил А. Н. Радищев (дом посредине, обнесенный плетнем). Рисунок художника К. И. Кузмина, сделанный по эскизу П. А. Радищева. Впервые напечатан был в журнале «Иллюстрация», 2 марта 1861 года	75
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Д. С. Бабкин. Первые биографы А. Н. Радищева	3
Н. А. Радищев. О жизни и сочинениях А. Н. Радищева	37
П. А. Радищев. Биография А. Н. Радищева	47
Приложения	
Примечания	113
Указатель имен	127
Список иллюстраций	131

БИОГРАФИЯ А. Н. РАДИЩЕВА, НАПИСАННАЯ ЕГО СЫНОВЬЯМИ

*

Утверждено к печати

Институтом русской литературы (Пушкинский дом)

Академии наук СССР

*

Редактор издательства *Г. А. Альбова*

Технический редактор *М. Е. Зендель*

Корректоры *К. Н. Евсеева* и *Л. А. Петрова*

*

Сдано в набор 12/XII 1958 г. Подписано к печати 18/II 1959 г. РИСО АН СССР
№ 14—20В. Формат бумаги 60×92¹/₁₆. Бум. л. 4¹/₈. Печ. л. 8¹/₄ = 8¹/₄ усл. печ. л.
+ 1 вкл. Уч.-изд. л. 8.67 + 1 вкл. (0.03). Изд. № 676. Тип. зак. № 906. М-01035.

Тираж 7000.

Цена 5 р. 25 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР

Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ и О П Е Ч А Т К И

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
12	29 сверху	1853	1858
49	7 снизу	Путь	Пусть
102	10 "	1851	1857
114	1 сверху	П. А. Радищева,	П. А. Радищев,

Биография А. Н. Радищева